

**Министерство образования Российской Федерации
Уральский государственный педагогический университет
Факультет русского языка и литературы
Кафедра общего языкознания и русского языка**

**Проблемы изучения языковой
картины мира и языковой личности**

**Материалы международной конференции
«Язык. Система. Личность»
14-16 апреля 2004**

**Екатеринбург
2004**

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
фонда «Наука» УрГПУ*

УДК 410
ББК Ш I
П 78

Редакционная коллегия:

Б.М.Игошев, профессор, первый проректор – проректор по научной работе

Т.А.Гридина, доктор филологических наук, профессор, завкафедрой общего языкознания и русского языка (ответственный редактор)

Н.И.Коновалова, кандидат филологических наук, доцент, декан факультета русского языка и литературы

Т.А.Злыденная, старший преподаватель кафедры общего языкознания и русского языка

Рецензенты:

М.Э.Рут, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета

Кафедра риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета

П 78 *Проблемы изучения языковой картины мира и языковой личности:* Материалы международной конференции «Язык. Система. Личность» Екатеринбург, 14-16 апреля 2004 г. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2004. – 248 с.
ISBN 5 – 7186 – 0033 – 3

В сборник вошли статьи, связанные с проблемой изучения разных аспектов языковой картины мира. Особое внимание уделено проблеме языкового выражения национально-культурных стереотипов сознания и лингводидактическим проблемам формирования компетенции языковой личности.

УДК 410
ББК Ш I
П 78

ISBN 5-7186-0033-3

© Уральский государственный
педагогический университет, 2004

Часть I. Национально-культурные стереотипы сознания и их отражение в языковой картине мира

Н.И. Береснева

Пермь

«Конечность» языка и бесконечность познания мира

Сегодня агностический релятивизм - очень распространенное умонастроение, имеющее множество концептуальных вариантов. Главные аргументы сторонников агностицизма связаны с доводами о неспособности органов чувств адекватно отражать мир таковым, каков он есть; о конечности, ограниченности опыта человека некоторой конечной областью мира. Классические аргументы агностицизма, связанные со спецификой органов чувств, с конечностью человека и человеческого опыта перед лицом бесконечного мира, с опосредованностью познания формами (и схемами) созерцания и рассудка, заострённые в кантовской критической философии, дополняются в XX в. агностическими доводами «от языка» как одной из главных символических форм, стоящих между субъектом и миром. Язык «отрывается» от естественной связки с мышлением (и реальностью), и а priori навязывает свои (лексические и грамматические) формы видения мира. Действительно, язык выступает отправным моментом в развитии знания, закрепляя в своих формах результаты предшествующих мыслительных операций. Именно это обстоятельство абсолютизируется.

Кроме того, несовершенство (нечёткость, многозначность) языка объявляется источником недоразумений, парадоксов, препятствующим развитию наук. Наконец, именно в языке кроются причины вечных философских метафизических проблем (которые являются всего лишь языковыми недоразумениями). Поэтому считается, что нужен его анализ, усовершенствование. Таким образом, признание языка важным фактором познания и – шире – существования, бытия человека («язык – дом бытия», остальное же выводится «за скобки») сделало его объектом многочисленных философских исследований.

В этой связи необходимо показать, что язык как таковой не только не является «препятствием» на пути к объективной ре-

альности, но и обладает универсальными возможностями, что делает его средством познания бесконечного мира. То есть положительное решение фундаментального философского вопроса о том, как возможно познание *бесконечного* мира *конечным* человеком, имплицитно включает и вопрос о роли и месте конечного языка в этом процессе, раскрытие его универсальных возможностей. Эта проблема была сформулирована ещё В. фон Гумбольдтом, который писал о противостоянии «языковой практики» и «области всего мыслимого» и о том, что язык должен «бесконечно использовать конечный набор средств» для выражения бесконечной и поистине «безграничной совокупности всего мыслимого» [Гумбольдт 1984].

Решение вопроса о роли языка в познании предполагает объяснение сущности языка, то есть решение этой проблемы зависит от понимания природы языка, механизма его функционирования. Но попытки выявить онтологию языка, поиски его реальности выявили его невероятную сложность, а главное – сцеплённость с сознанием (мышлением) и внеязыковой (объективной) реальностью. В этой связи ориентиром и исходным методологическим основанием в подходе к языковой реальности является исключительно эвристичная позиция классиков марксизма о происхождении языка и сознания (мышления) в процессе совместной предметно-практической деятельности, о языке как «действительном практическом сознании». Имплицитно последняя формула задаёт верный, но достаточно общий ориентир в определении роли и статуса языка в триединстве «язык – мышление (сознание) – реальность». Реализуясь в речи, язык связывает человека и человека, человека и мир. Эту идею наряду с гумбольдтовским требованием подхода к языку не как к *Ergon* (ставшему, результату), а как к *Energeia* (становлению, процессу, деятельности), можно считать отправной точкой и общетеоретической и методологической базой для так называемого «деятельностного» подхода, развиваемого в трудах русских языковедов А.А. Потебни, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Л.В. Щербы и др., некоторых представителей Пражской лингвистической школы, лингвистов, создающих многообразные динамические модели языка (модель с конечным числом состояний,

трансформационные, аппликативные модели и др.), психолингвистов, когнитивистов.

Однако господствующим на протяжении XX в., прежде всего в западной традиции, оставался другой подход, соотносимый с другим аспектом в языке, выделяемым В. фон Гумбольдтом (язык-*Ergon*), согласно которому язык – это прежде всего нечто ставшее, законченное, знаковая система, иногда «коммуникативная система знаков» [Реформатский 1996]. Этот подход оформился в семиотике Ч. Пирса, Ч. Морриса и лингвистической концепции Ф. де Соссюра. До сих пор общепринятые определения также характеризуют язык как систему знаков – указывают преимущественно на его инструментальный характер как средства для обозначения, замещения вещи или готового понятия. Семиотический подход к языку имеет «право на существование», поскольку отражает определённый аспект языка. Однако представлять язык только как семиотическую систему было бы чрезвычайным упрощением. Более того, объявление языка знаковой системой имеет и гносеологические последствия. Рассмотрение языка как системы знаков влечёт выдвижение в качестве центральных проблем проблему природы знака, значения, знака и модели, так называемых формализованных грамматик, различного рода трансформаций и т.д. Попытка разобраться с природой языкового знака наталкивается на проблему соотношения знака и значения. Признание знака двусторонней категорией означало бы признание мышления знаковым («всякая мысль есть знак» [Peirce 1960]), что делало бы проблему познания бесконечной объективной реальности бессмысленной.

Сторонники подхода к знаку как к односторонней сущности считают, что «знак (языковой) есть выражающее: он материален; значение есть выражаемое: оно идеально. Между знаком и значением, с одной стороны, и объективной действительностью – с другой, существует другое отношение. Это – отношение обозначения для знака и отношение отражения для значения знака. Знак есть обозначающее, объективная действительность – отражаемое» [Ломтев 1960].

Теоретически удачную, на наш взгляд, попытку снять противоречия сторонников односторонней и двусторонней природы

знака предпринял в своё время И.С. Нарский, который обращается к гегелевской диалектике тождества и различия, но главным образом опирается на методологию К. Маркса, использованную им для выяснения природы капитала (методологический прием введения, а затем разрешения противоречий). Считая исходной в спорах о значении антиномию знака и значения («значение отличается и не отличается от знака»), он расчленяет её на две различные антиномии: 1) «значение находится и не находится в знаке» и 2) «значение находится и не находится в интерпретаторе знака». Причем вторая перерастает в несколько иную, а именно «значение есть и не есть отношение». И.С. Нарский обращается к гегелевской диалектике тождества и различия и выходит на функционально-оперативную концепцию значения, которая в снятом виде «включает предметную, образную, концептуальную и операционные концепции» [Нарский 1969а: 162; Нарский 1969б: 5-54]. Тем самым языковой знак «соединяется» с мышлением, реальностью и деятельностью.

Знак существует только в сопоставлении и противопоставлении с другими знаками, может функционировать только в рамках системы. Поскольку язык действительно может быть интерпретирован как система знаков, посмотрим, как выражаются универсальные возможности языка, взятого в таком (системном) семиотическом аспекте.

Инструментально-номенклатурный подход к языку как к сложной иерархической структуре означающих даёт возможность увидеть его абсолютно уникальные возможности по сравнению с другими знаковыми системами. Взятый со стороны своей материальной формы, язык как знаковая система оказывается действительно уникальным явлением: это чрезвычайно экономное и ёмкое устройство для передачи огромного количества смысловой информации. Действие языка, в отличие, например, от сигнала, не ограничивается «умвельтом»*, а распространяется на всю действительность. В то же время он (язык)

* Понятие, введённое в научный оборот М. Шелером, сформулированное первоначально биологом Я. фон Икскульем, характеризует ограниченность природы животного, сферы его жизнедеятельности, определёнными границами - своей экологической нишей [Шелер 1988].

выступает в качестве универсальной матрицы, служащей для создания множества искусственных знаковых систем. Остановимся более подробно на этих особенностях.

Язык как система знаков отличается чрезвычайно сложной структурой. Со времён Э. Бенвениста принято представлять её в виде ряда уровней. Уровневая модель представляет языковую систему в виде классов однородных элементов. Единицы каждого вышележащего уровня включают единицы нижележащего. Именно многоярусность языковой системы обеспечивает возможность выражения разнообразного мыслительного содержания: «Количество единиц возрастает на каждом новом более высоком уровне. В результате из небольшого числа единиц низшего уровня (уровня фонем) путём последовательного перехода ко всё более высоким уровням создаётся возможность на высшем уровне, принадлежащем к суперзнаковому ярусу языка, образовывать практически *бесконечное* (курсив мой. – Н.Б.) число предложений, обеспечивающих использование языка в качестве универсального средства общения» [Общее ... 1983: 138]. Описывая дистрибутивный метод (разрабатываемый в структуралистских концепциях) в современных лингвистических исследованиях, Ю.С. Степанов замечает по этому поводу: «Всё более широкие окружения захватывают всё более длинные последовательности морфов: от одного морфа к сочетанию морфов, образующему слово, затем к сочетанию слов – синтагме, далее – к высказыванию, ещё далее – к последовательности высказываний, образующей целое словесное произведение, наконец – к совокупности словесных произведений, составляющей «корпус» всего высказанного и написанного на данном языке. По мере расширения отрезков текста увеличивается и их набор: несколько десятков фонем, несколько сотен морфов, десятки тысяч слов, практически *бесконечное* количество сочетаний предложений в виде словесных произведений. Естественно, что где-то в разумных пределах этого *бесконечного* (курсив мой. – Н.Б.) ряда исследователю надо остановиться» [Степанов 2002: 92].

Следует отметить в этой связи, что лингвисты неосознанно пользуются, не обращаясь к его дефиниции, понятием множества. Такие схемы, представленные в виде этажерок, спиралей,

цепочек, вызывают аналогию с бесконечным счетным рядом, «дурной» (Г.В.Ф. Гегель) бесконечностью, которые точнее следовало бы назвать множеством, а не бесконечностью. Действительно, в сравнении с потенциальной количественной бесконечностью язык обладает ограниченностью, это всё-таки счётное множество – оно конечно.

В подобных случаях, как пишет Ю.С. Степанов в цитированной выше работе, «мы имеем дело с понятиями «фактической осуществимости» описания языка и «потенциальной осуществимости», переходящей уже в осуществимость лишь абстрактно мыслимую, а в действительности не являющуюся ни фактической, ни даже потенциальной». Однако далее он констатирует, что «эти основания и вытекающие из них следствия остались неосознанными» [Степанов 2002: 93].

Односторонность, недостаточность, даже ограниченность подобных представлений о бесконечности была доказана ещё Г.В.Ф. Гегелем в связи с его критикой «дурной» бесконечности. Хотя стоит отметить, что языковой потенциал, представленный в структуралистских моделях языка, действительно огромен и язык представляется неисчерпаемым, это продемонстрировано, например, формальными порождающими моделями, начиная с Н. Хомского и др. Согласно концепции Н. Хомского, язык – это механизм для порождения бесконечного множества «правильных предложений» (произведённых в соответствии с правилами грамматики). Бесконечность возможностей языка трактуется как количественная бесконечность, бесконечность перебора правильных форм. По существу, именно такая неисчерпаемость и интерпретируется как бесконечность*.

* Тем не менее, порождающая генеративная грамматика Н. Хомского наметила выход из тупика системно-структурного подхода к языку через обращение к ментальности, субъективной реальности, хотя этот поворот не завершился обращением к действительному содержанию сознания, понятому как отражение объективной реальности. Н. Хомский предполагает, что язык обособляется от остальных схем познания в когнитивной сфере как самостоятельный модуль (автономная подсистема).

Следует сказать, что так понимаемая бесконечность языка ещё более подчёркивает конечность человека, поскольку он не может использовать даже такую «бесконечность» языка. Потенциально структура языка в качестве средства познания может усложняться, его резервы огромны, он «избыточен» в этом смысле, но сложность структуры не абстрактного, а функционирующего естественного языка имеет свои пределы. Ограниченные физиологические (артикуляционного аппарата, рецепторов) и психологические (объём памяти, внимания) возможности человека накладывают ограничения на количественную «неисчерпаемость» языка. То есть человек использует только часть возможностей, заложенных в языке, в силу своей конечности, конечных возможностей своей природы. Пытаясь доказать бесконечность языка, мы на самом деле подчёркиваем конечность человека, его возможностей, подойдя тем самым «с другой стороны» к проблеме И. Канта.

Проблема конечного человека и бесконечного мира ещё более заостряется, если объективный мир представляется экстенсивно – как бесконечное многообразие предметов и явлений. Даже если бы человек и смог использовать так понимаемые неисчерпаемые возможности языка, то и в этом случае он не смог бы схватить экстенсивную бесконечность мира, на много превосходящую мощность языка. Но истинная бесконечность мира не является экстенсивной, она «выступает в трёх основных аспектах: как бесконечность качественного и количественного многообразия материи, бесконечность пространства и времени, бесконечность развития материи» [Орлов 1974:58]. Такая бесконечность мира оказывается на много порядков выше, чем бесконечность языка, представленная в уровневой модели, и не может быть «схвачена» языком. Как бы ни были уникальны его возможности, язык всё равно остаётся конечным и не может «угнаться» за количественной и качественной бесконечностью мира. Кроме того, конечность рассматриваемого представления о языке как знаковой системе связана с его статичностью. Этот подход берёт язык как «ставшее», как замкнутую систему. Естественно, что так понимаемая система не способна адекватно отражать бесконечный мир, атрибутом которого является динамика, подвижность, развитие.

Существует ещё один аргумент в пользу универсальности языка как знаковой системы – это способность естественного языка осуществлять семиотическое (знаковое) моделирование, служить универсальной матрицей, на которой можно вторично построить практически неограниченное число разнообразных знаковых систем-субститутов [Benveniste 1966]. Иные знаковые системы строятся на основе естественного языка, могут быть сведены к нему и функционировать в контексте естественного языка. Но по существу этот аргумент (довод) хотя и важен, но не является принципиальным, поскольку следует признать правоту А. Эйнштейна, считавшего, что всё самое главное может быть выражено без языка математики (то есть искусственного языка).

Для решения проблемы бесконечности возможностей языка необходимо ослабить противоположность бесконечного континуального мира и конечного дискретного языка. Это можно сделать, восстановив единство дискретного языка и дискретно-континуального мышления. То есть язык выходит на реальность не непосредственно, как это было в знаковых конструкциях, например, аналитиков (Б. Рассела), а опосредованно – через семантически переработанные единицы, мышление. Связующим язык и мышление элементом является значение, то самое, которое было элиминировано Б. Расселом. Слово, в отличие от знака, является двусторонней единицей.

В структурализме значение представляется вне движения, развития, как некое стабильное содержание, соотносимое ассоциативно, с одной стороны, с предметами и явлениями реального мира, с другой – со звуковыми комплексами.

Если значение остаётся спорной темой для семиотики, для которой, как уже было сказано, проблема «вхождения» его в знак остаётся одной из самых трудных, то слово прозрачно для идеального значения и потому может служить средством отражения. Именно это имел в виду В. фон Гумбольдт, когда говорил о преобразовании внеязыковой действительности в сознании через значение. Однако степень такого преобразования впоследствии была преувеличена в концепциях лингвистической относительности по причине искажения характера связи языка и мысли. А между тем тот же В. фон Гумбольдт предла-

гал отнестись с исключительным вниманием к «его (языка. — *Н.Б.*) тесной связи с внутренней духовной деятельностью и факту взаимовлияний этих явлений» [Гумбольдт 1984: 69], поскольку именно в этом взаимодействии и заключается его истинное бытие, корни его универсальности и источник его развития. На этом моменте заострял внимание А.Ф. Лосев, рассматривавший проблему бесконечной смысловой валентности языкового знака: «Всякий языковой знак есть акт человеческого мышления... Но мышление есть отражение действительности, а действительность бесконечна. Следовательно, и человеческое мышление тоже никогда не останавливается...» [Лосев 1982: 118]. Язык, в котором отражается реальность, идёт, повторяя процесс мышления. Однако механизмы этого взаимодействия до сих пор остаются не вполне ясными. На пути к их прояснению имели место упрощение, возврат к прежним позициям: например, в ряде концепций словесный знак соединяется (присоединяется) к готовой мысли. Такова одна из возможных интерпретаций марксовской формулировки о языке как действительном сознании, прочитанной в старом ключе [Портнов 1994: 10-11]. Происходит механическое соединение абстракций мышления и языка. При таком подходе сохраняется принцип первичности объективной реальности и отражательного статуса мышления, однако язык исключается из мыслительного процесса, абстрактное мышление, которое, собственно, и возникает, и существует благодаря активной роли, соучастию языка, остаётся вне связи с языком. Но и сама универсальность языка, его динамика, развитие остаются загадкой.

Такой подход к языку оставляет лазейки для его мистификации или для подведения языковых реалий под современные модные концепции и категории, как это, на наш взгляд, происходит в лингвосинергетике. Здесь утверждается, что язык — открытая нелинейная диссипативная система, и признаётся, что нестабильность, динамика смысловой стороны языка — это условие его существования и функционирования («если значение перестаёт изменяться, оно исчезает из реального функционирования языка, из речемыслительных процессов») [Пищальникова, Лукашевич 2001: 26]. Однако под оболочкой новой терминологии анализ позволяет выявить тенденцию представления

языка самодостаточной сущностью, оторванной от реальности. Утверждается, например, что феномены, порождённые словом, развивают систему ассоциаций и определённым образом «упорядочивают мир физических явлений, ведут к осознанию возможных связей между явлениями, а следовательно, формируют определённую подсистему мнений в мышлении индивида» [Пищальникова 2003]. То есть в определённой мере перед нами возврат к теории лингвистической относительности*. При этом делаются ссылки на идеи, содержащиеся в работах Л.С. Выготского о подвижности значений, о нелинейности (симультанности) мыслительных процессов в сравнении с линейностью речи, о необходимости переходных фаз от мысли к речи. Имя Л.С. Выготского в связи с тайной трансформации мышления в речь должно было возникнуть с необходимостью, поскольку впервые в истории отечественной, да, пожалуй, и мировой науки им была предложена гениальная по своей прозорливости развёртка туманных формулировок, неоднозначных категорий В. фон Гумбольдта по поводу взаимосвязи языка и духа. Это было сделано намного раньше, глубже и основательней, чем в трансформационной генеративной грамматике Н. Хомского, который увязывал свои глубинные и поверхностные структуры с понятиями внутренней и внешней языковой формы у В. фон Гумбольдта. Содержательная и глубокая интерпретация Л.С. Выготским идей В. фон Гумбольдта (продолженная его последователями – А.Р. Лурией, С.Л. Рубинштейном, А.Н. Леонтьевым, Н.И. Жинкиным и др.) стала возможной благодаря

* В качестве примера в учебнике В.А. Пищальниковой рассматривается процесс распространения в современном русском языке слова «киллер», с менее негативной коннотацией по сравнению со словом «убийца». Дело представлено как ответ на требование языка в названии для нового явления (убийства как профессии), и, как следствие, это новое название начинает упрочиваться. Вероятно, здесь всё-таки дело не в столько «запросе» языка, сколько в чисто отражательном явлении: переоценка ценностей, появление новых реалий в обществе (убийство «по найму») привели к изменениям в рамках данного семантического поля. То есть первичны изменения отношений в реальности, которые привели к изменениям в мышлении и языке.

сознательной ориентации на методологию К. Маркса, на базисные идеи о происхождении языка и сознания.

Тайна взаимодействия языка (речи) и мышления есть тайна взаимосвязи переходов материального в идеальное и обратно, которая совершается в человеческом мозгу в процессах восприятия и производства речи. Порождение речи в аспекте гносеологии представляется наиболее важным, сложным, поскольку именно в этом процессе происходит «отягощение» духа (сознания, мышления) материей языка. Ключевой для характеристики этого процесса является предложенная Л.С. Выготским формула: «мысль не выражается, а совершается в слове» [Выготский 1982: 305], она не только внешне опосредуется знаками (словами), но и внутренне опосредуется значениями. Но «...мысль никогда не равна прямому значению слов. Значение опосредует мысль на её пути к словесному выражению...» [Там же: 356-357]. Значение есть «...речь и мышление в одно и то же время, потому что оно есть *единица речевого мышления*» [Там же: 50]. Идея значения как посредствующего звена между мыслью и речью оказалась исключительно востребованной в позднейших исследованиях языка, поскольку представляла собой диалектическое единство сукцессивного и симультанного, субъективного и объективного, индивидуального и социального, континуального и дискретного.

Л.С. Выготский впервые применил термин смысл для обозначения аффективных отношений к обозначаемому в слове содержанию, то есть различил понятия значения, отражающего объективные связи действительности, и смысла, который представляет собой результат выбора субъектом из всей системы значений тех, которые соответствуют его потребностям и мотивам, возникающим в процессе индивидуального опыта.

Наряду с идеей значения эвристичной и востребованной в последующих исследованиях оказалась связанная с идеей значения идея внутренней речи как своеобразного опосредующего звена в переходе от мысли к звучанию. Внутренняя речь оперирует преимущественно семантикой. Л.С. Выготский подчёркивал, что превращение мысли во внешнее слово проходит в несколько фаз, через несколько различных процессов: от смутного замысла речи к развитию этого замысла сначала во внутренней

речи. Н.И. Жинкин в своей концепции кодов и кодовых переходов [Жинкин 1958] развернул эту идею: мысль возникает в УПК (универсальный предметный код), затем перекодируется в особый промежуточный код, который затем в свою очередь перекодируется во внешнюю речь. При понимании речи происходит обратный процесс: речь перекодируется сначала в промежуточный код, затем в УПК и попадает таким образом в долговременную память. Модели и схемы кодовых переходов нашли своё подтверждение в экспериментах Н.П. Бехтеревой, которая описала нейролингвистическую природу кодовых переходов [Бехтерева 1976].

Однако в современных когнитивных исследованиях в свете идей о полиморфности мышления, о существовании наряду с речевыми авербальных (образное, практическое, авербально-понятийное и др.) форм мышления, и о возможности, таким образом, осуществления интеллектуальных операций без использования языка [Серебренников 1988], схемы и модели Н.И. Жинкина признаются не вполне адекватными. А возможность объективации мысли не только в речи и, более того, необходимость завершения мышления во внешних формах породили серьёзные дискуссии «вербалистов» и «авербалистов», в которых «побеждают» последние. Получается, что дух может и не «отягощаться» материей звука. Этот вывод обязывает к переоценке целого ряда традиционных предположений, требует объяснений.

Идеи Л.С. Выготского об особых пространствах мысли и речи и необходимости фаз и трансформаций при переходе от мысли к речи получили своё развитие во введении в научный оборот новых когнитивистских категорий - концептосфера, семантическое пространство языка, концепт, концептуализация и др.

Когнитивные структуры, стоящие за структурами языковыми, принципиально нелинейны и при языковом воплощении требуют специальной «упаковки» [Чейф 1982], и языковые знаки представляют концепты не полностью: эксплицитно выражается лишь некоторая часть когнитивной структуры (отдельные концептуальные признаки, релевантные для сообщения), а другие её части могут присутствовать в имплицитном виде. То есть между когнитивными структурами и структурами языковыми

нет обязательной взаимозависимости: «когнитивные структуры не привязаны к определённом языковому знаку» [Пищальникова, Лукашевич 2001]. Этот аргумент также работает на стороне «авербалистов».

Таким образом, окончательно закрепляется и получает научный статус различие языковой и концептуальной картин мира. Языковая картина мира в виде значений языковых знаков, составляющих семантическое пространство языка, является вторичной, опосредованной и поэтому не влияет на мышление и поведение. И, напротив, на мышление и поведение влияет когнитивная картина мира, выступающая в виде концептов, образующая концептосферу, которая является непосредственной, первичной. Языковая картина мира представляется более узкой и бедной, не выражающей богатства, бесконечного разнообразия концептосферы. То есть имплицитно проводится мысль об ограниченных возможностях языка.

Следует отметить, что само понятие концепта оказалось востребованным в связи с подвижками, происходящими в философии: от уровня предельных абстракций, где преобладают термины «категория», «понятие», к уровню конкретному, на котором знание представлено личностно-субъективно. Психофизиологическая основа концепта – чувственный образ, к которому «прикреплены» знания о мире, составляющие его содержание (схемы, фреймы, сценарии и пр.). В определённой мере понятие концепта ассимилировало, уточнило, конкретизировало и развило понятие смысла, предложенного Л.С. Выготским (в УПК человек оперирует некоторыми личностными смыслами, личными концептами, которые выступают своеобразными кирпичиками в мыслительном процессе, из них складываются комплексы картины, в которых осуществляются предикации).

Различение двух пространств – семантического и когнитивного – с одной стороны, преодолевает все возможные формы языкового агностицизма и релятивизма. Однако, с другой стороны, при заострении их противоположности появляется возможность вывода о существовании мышления, не отягощённого материей звука. Более того, появляется парадоксальное заключение – для мышления язык не нужен: «Мышление как таковое ... есть функционирование УПК» [Горелов 1987]; «Еди-

нищами универсального предметного кода являются наглядные образы, формирующиеся в сознании человека в процессе восприятия им окружающей действительности. При помощи этих образов и осуществляется мышление человека» [Стернин 2003].

Действительно, онтологически мышление и язык – не одно и то же. Но, подходя к проблеме более масштабно, следует признать, что и появление, и существование мышления детерминировано языком. Иначе непонятно, какая же сила образует концепты, как смогла быть сформирована концептосфера в онтогенезе, да и в филогенезе, если язык тут не при чём. Да и как говорить о структуре, о полиморфизме мышления, не имея языка? В этой связи известный философ и логик Л.Тондл высказал гипотезу о существовании различных уровней рациональности человеческой психики: «...то, что мы называем рациональным сознанием есть в сущности наивысший уровень человеческой психики, для которого имеется существенная возможность адекватного выражения языковыми средствами» [Тондл 1975]. Правда далее он сам противоречит себе, говоря о том, что речь здесь не может идти об определённой иерархии, в которой низшие элементы психики подчиняются высшим. С другой стороны, он прав, когда говорит, что в определённых ситуациях оказывается, что решающими становятся некоторые из низших уровней. То есть неязыковые формы мышления, генетически более ранние, преобразуются и достраиваются после появления абстрактного (рационального) мышления, связанного с языком.

Рассматривая процессы перехода мысли в речь, Л.С. Выготский, от идей которого отталкивается когнитивистика, был более диалектичен, говоря о значении как единице мышления и речи одновременно, видя в нём «мост» между тем и другим. В когнитивистике намечается определённая тенденция к «разрушению» этого «моста» через сдвиг значения в сторону языка и чрезмерное разведение языковых процессов и процессов мыслеобразования.

Анализируя концепцию раннего когнитивиста У.Чейфа, В.А. Звегинцев писал: «... до ритуала вербализации язык оказывается где-то в стороне, в безразличном ожидании того, когда наступит его черёд проявить себя» [Звегинцев 1982]. Он доказывал, что, напротив, именно язык служит средством и дискре-

тизации, и интерпретации, и объективации знаний. Уже на этапе вычленения концепта, каким бы он ни был, из континуума действительности «язык принимает самое активное участие», и восприятию подлежит не аморфный, лишённый всяких границ эпизод (концепт), а «уже организованная определённым образом структура, следующая сложившимся в данном языке стереотипам и оставляющая за своими пределами многое, что оказывается для говорящего в данном случае излишним» [Там же: 78]. На этапе построения пропозиционной структуры также не обойтись без языка, так как «предикат, лежащий в основе пропозиционной структуры, несёт на себе следы структуры конкретного языка» [Там же: 79]. На этапе заполнения «ролей» конкретными лексическими единицами роль языка наиболее явна. Именно этот этап отмечен эффектом «мук слова» – поиском наиболее подходящей лексической единицы. Таким образом, язык образует главный компонент среды, вне которой невозможна интеллектуальная деятельность. В этой связи позиция В.А. Звегинцева оказывается более адекватной, чем, к примеру, позиция некоторых более поздних (современных) когнитивистов*, поскольку он берёт процессы порождения и восприятия речи и отражения мира в диалектическом единстве.

Однако здесь встаёт другая проблема. Являются ли «языки мозга» (концепты) и языки, «отягощённые звуком», трансформациями одного и того же явления или речь идёт о разных языках. Характеристики их различны. В чем специфика понятия языка как «порождённых мозгом человека вербально-познавательных структур» [Пищальникова, Лукашевич 2001], с которым работает когнитивистика? Или речь следует вести о языке естественном (человеческом) и языке мозга, взятом в метафорическом смысле и обладающем некоторыми качествами языковости в первом смысле. В этом случае мы вновь упираемся в проблему отсутствия единого определения языка.

Особое внимание в работах по когнитологии уделяется категориальной организации в познавательной деятельности и фор-

* Например, И.А. Стернин жестко разделяет концептуальную картину мира как непосредственную, первичную, и вторичные – языковую и художественную картины мира [Стернин 2003].

мированию высокоуровневых структур для представления прошлого опыта [Герасимов 2001]. Значимость этой области исследований объясняется тем обстоятельством, что язык не позволяет ничего сообщить иначе как в терминах рода или категории. Значением слова, пишет А.Р.Лурия, называется способность «...анализировать предмет, выделять в нём существенные свойства и относить его к определённым категориям» [Лурия 1973]. Таким образом, значение слова имеет две основные функции: выделение существенного признака предмета и отнесение предмета к определённой категории, то есть функции абстракции и обобщения.

По гипотезе Э. Рош, особенности категориальной организации не произвольны и объясняются действием универсальных психологических принципов, среди которых главные - принцип «когнитивной экономии» и принцип «воспринимаемой структуры мира» [Rosch 1978]. Согласно первому принципу - задача категориальных систем есть обеспечение максимума информации ценой минимальных когнитивных затрат. Согласно второму – окружающий мир не может рассматриваться как бесструктурная совокупность равновероятных встречающихся признаков. Представленные в нём материальные объекты отличаются закономерно организованной структурой, встречаемость структурных элементов не является случайной. В связи с этим максимум информации с наименьшими когнитивными затратами будет обеспечен категориальной системой, наиболее точно отображающей структуру воспринимаемого мира. Таким образом, наблюдается когерентность этих двух принципов.

В этом смысле у когнитологии намечается выход в философскую онтологию. Действительно, условие возможности познать (схватить) бесконечность кроется не только в устройстве когнитивных структур, в том числе языковых, но и в «устройстве» самого бесконечного мира, которое в разных формах и отражают эти когнитивные структуры. Язык, выступая в единстве с мышлением, является вторичным по отношению к нему. В свою очередь языко-мышление отражает окружающий бесконечный мир. Само «устройство» языка и мышления определённым образом отражает «устройство» бесконечного мира. Поэтому ес-

тественным и логичным следует вопрос об универсальных возможностях языка связывать с устройством бесконечного мира.

В мире же «имеется не только многообразие, но также и тождество», он построен не по принципу бесконечного многообразия единичных вещей, а «по принципу классов вещей, или общностей различного порядка ... Иерархия общностей (классов) носит не хаотический, а упорядоченный характер»: от единичного к общему, от общего к всеобщему. «... Организация общностей, структура бесконечности подчинена ... фундаментальному «принципу» развития материи» [Орлов 1974].

Процесс развития организует «устройство» материи определённым образом. Многообразие, иерархия развивающегося мира, построенного по принципу всё большего обобщения, с необходимостью ставит вопрос о наличии всеобщего свойства, которое делает мир единым и взаимосвязанным. Наличие этого всеобщего свойства даёт возможность «схватить» сущность бесконечного мира со всеми его фундаментальными свойствами. Таковым всеобщим является материя. Бесконечно многообразный мир имеет единую сущность (он тождественен во всём своём многообразии). Познание способно схватить эту сущность и набор фундаментальных свойств (который, по всей видимости, ограничен) и закрепить в языковых формах. В силу этого возможным становится и существование науки, в том числе и философской, науки, схватывающей сущность мира в понятиях и категориях. А там, где речь идёт о понятиях и категориях, с необходимостью выступает объективирующая и материализующая роль языка.

Концепция развития материального мира, представленная в теории единого закономерного мирового процесса (ЕЗМП), позволяет, таким образом, подойти к вопросу о познании бесконечности ещё с одной стороны: как возможно познание бесконечного мира и почему язык не является препятствием в этом процессе. Нет ли в самом человеке, в его природе, каких-либо коренных пороков, препятствующих познанию бесконечного мира.

Материя есть становление форм, из которых в настоящее время известны физическая, химическая, биологическая, социальная. Каждая высшая форма материи, возникая на основе

низшей, включает в себя низшее и сохраняет его «в изменённом виде в качестве своего фундамента или основы» [Там же: 138], иными словами, сущность высшей формы материи аккумулирует сущность всех низших, несёт их в себе в обобщённом, интегрированном, уплотнённом виде, является результатом аккумулятивного развития. Социальная форма материи – человек – как завершающая стадия развития форм, являясь конечным существом, за счёт аккумуляирования в себе всего предшествующего ряда форм материи, несёт в себе бесконечность.

Таким образом, в концепции ЕЗМП обнаружен тот методологический принцип, который позволяет признать, что проблема познания бесконечной реальности и выражения его результатов в языковых формах разрешима. Поскольку будучи высшей формой развития материи и потому аккумулирующей бесконечный ряд нижележащих форм, человек находится в универсальном отношении к миру, то и язык как действительное сознание, генетически и функционально связанный, сцеплённый с ним, являющийся высшей формой, результатом развития «языковости мира» [Атаян 1987], также находится в универсальном отношении к миру и способен к бесконечному его отражению. В природе человека нет никаких пороков, не позволяющих иметь (и выражать) истинное суждение о мире.

В этой связи логично упомянуть Г.В. Рамишвили, который, развивая идею В. фон Гумбольдта о языке как *Energeia*, а не как *Ergon*, возвышает язык до уровня сущностных сил человека, поскольку под понятием «*Energeia*» понимает «соучастие языка в познавательных актах превращения факта действительности в объект сознания» [Рамишвили 1981]. Вышеназванная концепция ЕЗМП подводит под эту идею фундаментальную теоретическую базу.

Язык – это действительное сознание. Концепции же языка, не учитывающие этого статуса языка, его связей, тесного органического единства с мышлением (сознанием), либо абстрагирующие его от мышления, то есть, по сути, метафизически разрывающие действительные связи, либо отождествляющие, растворяющие без остатка мышление в языке, рассматривающие язык-*Ergon*, представляют его как замкнутую, статичную, не развивающуюся систему, часто выступающую не как универ-

сальное средство, а как преграда, барьер, препятствие на пути познания бесконечной действительности. Примеров такого «бегства от действительности» много: от неогумбольдтианцев и логических позитивистов до постструктуралистов с их представлением о мире как «бесконечном тексте».

Только диалектический подход, связанный с пониманием языка как *Energeia* в ракурсе целостного взгляда на человеческую субъективность, сознание, как закономерный этап в процессе развития материального мира, от низшего к высшему, позволяет раскрыть причины бесконечных познавательных возможностей языка.

Литература

Атаян Э.Р. Язык и внеязыковая действительность. Опыт онтологического сравнения. - Ереван, 1987.

Бехтерева Н.П. и др. О нейрофизиологическом кодировании психических явлений человека //Память в механизмах нормальных и патологических реакций. - Л., 1976.

Выготский Л.С. Мышление и речь //Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. - М., 1982. Т.2.

Герасимов В.И. К становлению «когнитивной грамматики» //Когнитивные исследования в языковедении и зарубежной психологии. - Барнаул, 2001.

Горелов И.Н. Вопросы теории речевой деятельности. -Таллин, 1987.

Гриб В.В. Проблема взаимосвязи образа и знака (на материале языкознания). - Минск, 1978.

Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества //Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. - М., 1984.

Жинкин Н.И. Механизмы речи. - М., 1958.

Звегинцев В.А. Язык и знание //Вопросы философии. 1982. №1.

Ломтев Т.П. О природе значения языкового знака // Вопросы философии. 1960. №7.

Лосев А.Ф. О бесконечной смысловой валентности языкового знака //Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. - М., 1982.

Лурия А.Р. Речь и мышление. - М., 1973.

Нарский И.С. Диалектическое противоречие и логика познания. - М., 1969а.

Нарский И.С. Проблема значения «значения» в теории познания //Проблема знака и значения. - М., 1969б.

Общее языкознание /Под ред. А.Ф. Супруна. - Минск, 1983.

- Орлов В.В. Материя, развитие, человек. - Пермь, 1974.
- Пищальникова В.А. Общее языкознание. - М., 2003.
- Пищальникова В.А., Лукашевич Е.В. Когнитивизм как новая методология семантических исследований //Когнитивные исследования в языковедении и зарубежной психологии. - Барнаул, 2001.
- Портнов А.Н. Язык и сознание: основные парадигмы исследования проблемы в философии XIX-XX вв. - Иваново, 1994.
- Рамишвили Г.В. Языкознание в кругу наук о человеке //Вопросы философии. 1981. №6.
- Реформатский А.А. Введение в языковедение. - М., 1996.
- Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. - М., 1988.
- Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. - М., 2002.
- Стернин И.А. Язык и мышление. - Воронеж, 2003.
- Тондл Л. Проблемы семантики. - М., 1975.
- Чейф У. Данное, контрастивность, определённости, подлежащее, топики и точка зрения //Новое в зарубежной лингвистике. - М., 1982. Вып. XI.
- Шелер М. Положение человека в космосе // Проблема человека в западной философии. - М., 1988
- Benveniste E. Problèmes de linguistique générale. - P., 1966.
- Peirce Ch. S. Collected papers of Ch. S. Peirce. - Cambridge (Mass.), 1960. Vol.1.
- Rosch E. Principles of categorization //Cognition and categorization. - N.Y., 1978.

© Береснева Н.И., 2004

**Е.И.Беглова
Стерлитамак**

Некодифицированные номинации денежных единиц как элементы арготической системы

Арго, вслед за Д.С.Лихачевым и В.С.Елистратовым, мы понимаем как разновидность поэтики, имманентно присущей языковой и поведенческой культуре человека, для существования которой необходимы два социально-культурных фактора: 1) разделение труда, 2) наличие интеграционных процессов на основе товарообмена [Елистратов 2000]. Д.С. Лихачев выделяет **фактор** (двигатель) образования арготического слова и **условие** его образования [Лихачев 1993]. **Условие** – это среда, группа, в которой рождается не только арготическое, но и любое слово.

торой рождается не только арготическое, но и любое слово. **Фактор** образования арготического слова – момент производственный [Лихачев 1993: 129]. Кроме того, до сего дня существует языковая эзотерическая традиция. Например, меняются формы торговли (*челночничество, уличная торговля, организованная бизнес-торговля и др.*), но остается система приемов для того, чтобы заинтересовать покупателя или скрыть от него прибыль, подороже продать товар, то есть приемы воздействия на покупателя или конкурента. Это не только паралингвистические приемы, но и риторические, игровые, креативно-языковые, выражающиеся вербально. Существуют объекты, предметы, явления, которые арготируются чаще, в частности деньги, так как они являются материальным средством существования человека и символом его благополучия, показателем уровня жизни. Некодифицированные номинации денег отмечались с давних пор, например, в словаре середины XIX века В.И. Даля “Условный язык петербургских мошенников, известный под именем музыки или байкового языка” [Даль 1990] наблюдаются общие номинации: *сарá, ба́бки* – деньги, номинации количества денег: *колесо, царь* – рублевик, *рыжик* – червонец, номинации – характеристики денег: *темная сарá* – фальшивые деньги.

Некодифицированные номинации денег в наше время встречаются наиболее часто в речи торговцев, в особенности уличных, торговцев на рынке, а также в речи бизнесменов, коммерсантов.

Нельзя не отметить арготическую традицию в номинации денег. Так, в современном арго торговцев существует номинация денег *ба́бки*, аналогичная номинации середины XIX века, или слово *червонец*, которым в словаре В.И. Даля толкуется арготизм *рыжик*; в современном арго *червонец* – 10 рублей. Современные некодифицированные номинации денежных единиц можно разделить на два типа: 1) номинации национальных (российских) денежных единиц, 2) номинации иностранной валюты (денежных знаков). На наш взгляд, появление жаргонных обозначений иностранной валюты связано либо с ее функционированием на территории России, либо со сравнением русских денег с иностранными (с демонстрацией статуса рубля в отношении к иностранным денежным единицам), например, доллару –

денежной единице США, немецким маркам, белорусским деньгам (ближнее зарубежье), европейской валюте.

На рубеже XX – XXI вв. тема денег настолько актуальна, что не осталась без внимания телевидения, радио, газетно-журнальных публикаций. Это обстоятельство побуждает обратиться к сбору и анализу арготических номинаций денег и их количеств. В целом нами собрано около 60 (точнее, 58) некодифицированных номинаций денег, прошедших через газетно-журнальную публицистику и телепублицистику. В молодежных газетах тема денег – одна из главных. Например: *У меня же отношения с деньгами какие-то ненормальные: ни я их не контролирую, ни они меня – сплошное раздолбайство. “Деньги – Деньги, Дребе – Деньги”, а остальное все дребедень! (П.Еремин. Настроение // Твой курс. 09. 2003. №15. С.2).*

В некодифицированных номинациях денег репрезентируется отношение человека к ним в какой-либо конкретный период, например, шутливое отношение, игровое начало как способы общения, так как каждая номинация ассоциируется с вербальными и невербальными средствами, иногда реализуясь в метафорической форме, в форме символа и т.п.

Номинации иностранных денежных единиц созданы различными приемами, например: *джорджик* – доллар – прием персонализации: изображение на купюре президента США Джорджа Вашингтона; *баксы* – доллары, валюта или любые деньги – прием фонетической мимикрии с английским словом *bucks* (мн. ч.); ср.: 1) *Билеты на столь демократичного с виду дядьку стоили ... до 2 000 000 рублей! Ну-ка переведите это в баксы и скажите мне с ходу, где на Западе ... есть такие цены? (Эхо планеты. 1995. №24. С.18).* 2) *Почему упал бакс? (КП. 22.01.2003. С.7).* Или: *зелень, зеленые* – доллары, американская валюта – метафорическая номинация на основе цветового признака (купюры зеленого цвета – *зелень*): *Рубль обскакал “зеленый” (КП. 25.12.2002. С.9).* Или: *Большинство аналитиков сходятся во мнении, что уже к апрелю доллар будет стоить 1,35 евро, а к концу года еще дешевле – 1,43. В России к этому времени курс “зеленого” скатится до 28, а то и до 25 рублей, а евро может вырасти до 38 (КП. 16.01.2004. С.4).* Аналогичным приемом образована номинация долларов – *капуста*. Ср. также: *гринь* –

доллар; тысяча долларов – от английского *green* – зеленый – метафорический перенос по сходству с цветом доллара. Например: *Дом выкатили на продажу. Его намыливаются втюхать за 840 000 **грин**!* (Молоток. 26.01.-01.02.2004. №2. С.2.). Следует заметить, что слова *зеленые, зелень, капуста, баксы* не только именуют американскую валюту, но имеют и общее значение “деньги”, например: *Что будем заказывать? Поесть – попить? А **баксы** у вас есть?* (Твой курс. 09. 2003. №15. С.30).

Инфляция рубля по отношению к доллару привела к тому, что в России все стало оцениваться в долларах, и этот факт нашел отражение в частности в новом жанре *прикола*. Ср.: *Храни-те деньги в сберегательных **баксах**!* Шутливый лозунг подчеркивает значимость доллара по отношению к рублю и звучит как призыв обменять российский рубль на американский доллар. Или: *Не имей сто рублей, а имей сто **баксов**.* Замена компонента в известной пословице *Не имей сто рублей, а имей сто **друзей*** усиливает положительную оценку веса *доллара* по отношению к *рублю*. Большая часть жаргонных номинаций иностранной валюты соотносится с американской валютой – долларом. Немецкие марки в русском языке имеют некодифицированную номинацию – *морковка* (ТВ-6. 12.09.2000), зафиксированную в СЕ в аналогичном значении в формах *морковь, морковки* (мн.ч.). Европейская валюта – *евро* – получила ласкательную некодифицированную номинацию с суффиксом – *ик* – *еврик*: *Выиграл тот, кто ставил на “**еврик**”* (КП. 22.01. 2003. С.7; или КП.16.01.2004. С.4). Ср.: *Любим **доллар**, но веруем в **евро*** (КП. 25.12.2002. С.9). В современных словарях жаргона данное значение у слова *еврик* не зафиксировано, хотя отмечается омонимичное жаргонное [в БСРЖ с. 177]: *еврик* – *торговое* (с 1998 г.): европоднос, используемый экспортерами из европейских стран для транспортировки продуктов. Или некодифицированная номинация белорусской валюты (рубля) – *зайчик*: *Этот **зайчик** (белорусская валюта – редактор) будет не только греметь на барабанах, но и делать стойку на обеих ногах* (фраза В. Герашенко. *АиФ*. 9.03.2000. С.2). После распада СССР в Белоруссии была введена национальная валюта – купюры с изображением животных. В результате метонимического переноса возникает жаргонная номинация, зафиксированная в БСРЖ.

Некодифицированные номинации российских денег можно разделить на несколько видов:

1. Номинации *количества* денег: *арбуз* – 1 миллиард рублей, *лимон* – 1 миллион рублей, *барашки* – небольшие деньги, металлические монеты; *тугрики* – большая сумма денег (вероятно, от *тугой* (набитый деньгами) кошелек; прием усиления, актуализации внутренней формы слова) (ТВ-6. 12.09.2000). Жаргонизм *тугрики* фиксируется в словарях жаргона, например: в СЕ дано омонимичное общеупотребительное слово *тугрик* – денежная единица в Монголии; в СМСН жаргонизм фиксируется в значении “деньги” с пометой *шутливое*; в БСРЖ дается ссылка на его происхождение из уголовного аргю в значении “деньги, добытые в результате преступной сделки”, а также “деньги” с *шутливой* окраской (БСРЖ, СМСН).

2. Номинации-*характеристики* денег, содержащие оценку, например: *презренный металл* – небольшое количество денег, дающее возможность выжить. Ироническая окраска номинации эксплицирует пресуппозицию – презирать деньги за то, что без них невозможно существование. *Клянчушки* – от *клянчить* – деньги, полученные путем попрошайничества; *фальшаки* – от *фальшивый* – фальшивые, поддельные купюры, ср., например: *Какие они, фальшаки?* (Воскресная газета. № 38. 14-20.09.2000. С.2). Слово *фальшак* (в ед. ч.) отмечается только в СЕ в значении “подделка, фальшивое”. *Слюнявчики* – от *слюнявить* – вероятно, деньги, которые считают, слюнявя пальцы при счете; номинация в аналогичном значении отмечается в БСРЖ с пометами *уголовное, шутливое, ироническое*. *Деревянный (ые)* – российский рубль, который подвергся инфляции, обесценился начиная с 1990-ых годов, получив данную жаргонную номинацию. В 2000-е годы, когда статус рубля повышается, вновь активизируется узувальная номинация российской валюты: *Рубль, как всегда, будет стоять твердо, как положено существительному с мужским именем* (фраза В. Геращенко. *АиФ*. 1-2. 01.2000. С.2.); ср.: *Рубль обскакал “зеленый”* (КП. 25.12.2002. С.9); *Раньше доллары нам были жизненно необходимы, чтобы удерживать стабильность рубля. Теперь “деревянному”, вроде бы, ничего не угрожает, и можно задуматься о наиболее выгодных вложениях национальных денежных ресурсов* (КП.

22.01.2003. С.7). *Воздух* – жаргонная номинация денег, которые необходимы в данный конкретный момент (ассоциации с вербальной пресуппозицией *необходим как воздух*). Жаргонизм *воздух* в аналогичном значении фиксируется в СЕ, СМСН с пометой *уголовное* и *возду́ха* – как собирательное существительное в БСРЖ. *Мажорики* – деньги, которые приходят, получение денег в качестве прибыли; *мижорики* – деньги, которые уходят, которые нужно отдать кому-либо, выполнив обязательство (ТВ-6. 12.09.2000). В словарях жаргона жаргонизмы *мажорики*, *мижорики* не отмечены.

3. *Креативные* номинации: эзотерическая номинация денег – *тити-мити*, *кузявки*, *тарабаксы* (ТВ-6. 12.09.2000), *бабасы*: *Траблы*, с которыми они сталкиваются: где взять *бабасов*, как откосить от армии и тэ и дэ (Молоток. 15.12.2003. № 48. С.10). Некодифицированная номинация денег *тити-мити* отмечается в словарях жаргона. Так, в СЕ дается версия о связи номинации с уголовным аргом: “возможно через уголовное *пети-мети*”; в СМСН *тити-мити* отмечено в ряду общих обозначений денег: ...*таньга*, *тити-мити*, *тугрики*, *хрусты* (МК. 11.02.1992). Слово *бабасы* (*бабосы*), функционирующее в молодежной речи, в частности в молодежных газетах и журналах, в словарях жаргона не зафиксировано.

4. *Звукообразные* номинации денег: *хрусты* – возможно, от *хрустеть*; *хрюки* – от *хрюкать*; *шуршики* – от *шуршать*. Эти номинации основаны на звукоподражании, находящем проявление в характеристике денег. Номинация *хрусты* толкуется в СЕ как “деньги” с указанием на происхождение из *уголовного* арга, где слово *хруст* – означало *рубль*, чаще *серебряный рубль*. В СМСН отмечаются два значения: 1) *хруст* – в ед. ч. “рубль”, 2) *хрусты* – во мн. ч. “деньги”. В БСРЖ форма ед. ч. *хруст* в значении *рубль* дается с пометами *уголовное* и *молодежное*. Отмечается и форма мн. ч. *хру́сты* в значении “деньги”. В СЕ зафиксирована номинация *шуршики*, которая соотносится со словом *шуршалки*, трактуемого там же как “бумажные деньги”, что подтверждает наше мнение о звукоподражательной основе происхождения названных некодифицированных номинаций. В СМСН номинация *шуршики* с пометой *шутливое* имеет анало-

гичное значение. В БСРЖ жаргонизм *шуришки* в значении “деньги” имеет стилистические пометы *молодежное, шутливое*.

5. Номинации, соотносимые с ЛСГ “овощи”; они эксплицируют одно из назначений денег – трата их на питание. Такого рода номинации соотносятся с узуальными названиями овощей, например: *капуста, зелень, петрушка, бобы; морковь* (немецкие марки): “*Меняю морковь на капусту (доллары)* [СЕ]. Заметим, что слова *капуста, зелень* обозначают не только иностранную валюту (доллары), но и российские рубли. Значение “деньги” у этих слов отражено в БСРЖ: *зелень*, то же что и *зелененькая*, то есть “трехрублевая купюра” (цвет купюры) образца 1961 года. Или: *зеленая* – “пятидесятирублевая купюра”; метафора на основе сходства по цвету с купюрой образца 1961 года. *Капуста* (БСРЖ) – 1) молодежное, уголовное: деньги; 2) молодежное: советские рубли в отличие от валюты; 3) молодежное: доллары США. В СМСН слово *зелень* отмечается как номинация *долларов США*, аналогично в СЕ, но слова *зеленая* и *зелененькая* имеют значения “пятьдесят рублей” (советские). Слово *капуста* в СЕ дано в значении “деньги”, подчеркивается “рубли или доллары”, как и в СМСН. Номинация *бобы* фиксируется в СМСН в значении “деньги”, в СЕ указывается на происхождение слова из уголовного аргю; в БСРЖ *бобы* – молодежное “деньги”. Слово *петрушка* фиксируется в БСРЖ в значении “пятирублевая купюра”, а также в других значениях, например, “симпатичная девушка”, “пустое дело” или как уголовное “нож, кинжал”. В значении “деньги”, а точнее “пять рублей”, слово *петрушка* с пометой *шутливое* отмечено в СМСН.

6. Номинации, отражающие территорию функционирования и получения денег. Например: *лужниковки* – от “*Лужники*” – торгового центра в Москве, вещевого рынка на территории стадиона “Лужники”.

7. Особую группу составляют некодифицированные номинации денег – *любых денег, разного количества* (иностранной валюты или национальной). Их происхождение связано с разными языками (английским, цыганским, русским), например: *лавэ, лавандосы, лавашки* – из цыганского языка в значении “деньги”. Ср.: *Будь внимательнее с лавандосами – это то, с чем могут начаться подставы. У тебя есть шанс провафлить*

кучу денег на фигню... (Круто. № 26. 24.12.2003. С.38). В СЕ указывается на фиксацию этих номинаций в аналогичном значении в 20-30-х гг. XX века и на их уголовное происхождение; в БСРЖ отмечается происхождение названных слов из уголовного аргю. Или: *баксы, бабки*, зафиксированные в значении “деньги” в словарях жаргона [БСРЖ, СМСН, СЕ].

Арготическая традиция при номинации денег проявляется в наличии слов прошлых веков в современном аргю или корней, вошедших в современные жаргонные слова. Как уже отмечалось, слово *бабки* “деньги”, зафиксированное в словаре “петербургских мошенников” В.И. Даля, активно используется в современной разговорной речи и в публицистике, например: 1)... *Тату и все остальные, кто чешет под “фанеру”, просто собирают бабки и ничего не дают людям...* (АиФ. № 30, июнь, 2003. С.19); 2)...*Ты меня на бабки сажаешь. Сколько мы с тобой протрепались? 20 минут! Кто мне мобилу оплатит?* (Молоток. 26.01.-01.02.2004. № 2. С.8). Или: корень *сар* (*sará* – деньги) встречается в современной жаргонной номинации денег *сармаг* (Нез. газ. 30.06.2000. С.8).

Креативные жаргонные номинации, созданные с помощью приемов паронимической аттракции (*миллион – лимон*), фонетической мимикрии (*бабки, ба́шли* и их дериват *бабули*, соотносимые с узуальными *бабки, бабушки*), *барабульки* (с узуальным *бабульки*); или: фонетическая мимикрия со словом *баксы – бабо́сы, баба́сы*, ср.: ... *дали бабасов на более дорогой и безопасный макияж* (Молоток. 6.-12.10.2003. № 38. С.12). Метафорические номинации денег, выполняющие креативную функцию в речи торговцев, переходят в просторечие, например: *барашки – мелкие деньги* (ассоциация с круглыми колечками шерсти овец). Метафорические номинации денег, образованные на основе сходства по цвету, можно отнести к традициям арготического словообразования; например, в словаре В.И. Даля [Даль 1990] наблюдаются жаргонизмы *рыжик* (10 рублей), *рыжая сарá* – (“полуимпериял”) – красноватый, рыжий цвет купюр; в современном аргю: *зеленый, зелень, капуста, гринь* и т.п.

По нашему мнению, традицией образования жаргонных номинаций денег можно считать и заимствования слов, обозначающих денежные единицы той или иной страны, то есть ино-

язычные узуальные номинации денег, которые в русском словоупотреблении приобретают еще одно значение – “деньги”, например: *тугрики* – монгольская денежная единица, или *баксы* – доллары США. Некоторые из них подвергаются фонетической трансформации, например, *баксы* из английского *bucks* (мн. ч.) или заимствование из цыганского языка *лавэ* – “деньги” и т.п.

Источником образования современных некодифицированных номинаций денежных единиц являются молодежный жаргон и уголовное арг, а также наименования иностранной валюты, которые проникают в общенародную сферу употребления как узуальные, официальные, а затем переходят в жаргон, получая общее значение “деньги”. Таким образом, наблюдается постоянное взаимодействие узуальной, кодифицированной лексики, в частности, официальных номинаций денег, с некодифицированной лексикой. Развитие жаргонных значений у узуальных слов происходит часто на основе фонетической мимикрии, метафорического и метонимического переносов значения и других приемов.

Кроме того, каждую жаргонную номинацию денег можно рассматривать как эмблему конкретной эпохи, как неотъемлемый элемент уличного языка, связанного с определенной деятельностью человека, и как элемент карнавальной культуры, смеха (см., например, креативные номинации денег).

Эмоционально-оценочные номинации денег выражают отношение человека к деньгам (например, *хрусты*, *шуришки*, *барашки*, *бобы*, *капуста*, *зелень* и др.): деньги оцениваются как: 1) средство существования (*клянчушки*, *презренный металл*, *барашки*, *воздух*, *тарабаксы*); 2) средство достижения и показатель материального благополучия: *бабки*, *баксы*, *баши*, *лавэ*, *морковка* (*немецкая марка*), *зелень* (*доллары*); 3) некодифицированные номинации отражают креативное (*минорики*, *мажорики*, *бабули*, *бабасы*, *барабульки*, *тити-мити*, *петрушка*, *кузявки* и др.) и прагматическое отношение к деньгам: *зусы* “долговые деньги”, *фальшаки*, *лужники*, *лимон*, *арбуз* и др. Следует заметить, что отношение российского человека к деньгам меняется с 1990-х к 2000-м годам. Семантический и стилистический анализы жаргонных номинации позволили сделать следующий вывод: номинации денежных единиц и их количества 1994-1995-х го-

дов тяжеловесные, прагматичные, эксплицирующие цель – *наживу*, например: *кусок, тонна, штука* – 1 тысяча рублей, *стольник* – 100 рублей, *пятихатка* – 500 рублей; *крупняки* – крупные деньги, *арбуз* – 1 миллиард рублей; *деревянный, дуб, кол, рябчик, рваный* – 1 рубль. В номинацию *1 рубля* вкладывается и номинация советского языка – “деревянный, дубовый” (т.е. не эмоциональный, официальный, сухой). Происходит наложение двух значений слова *деревянный* – 1) ничего не стоящий по сравнению с долларом; 2) советский. Обесценивание российского рубля как денежной единицы советской эпохи привело к образованию жаргонных номинаций с иронической (*петух* – 5 рублей, *стольник* – 100 рублей) и даже отрицательной (*рваный, дубовый*) окраской. Номинации иностранной валюты более образны, экспрессивны, например: *валя* – сокращенное от *валюта, фюра, фюрка, Джорджик, зелененький* (1 доллар), *зелень* (доллары).

Жаргонные номинации денег и их количества с конца 1990-х годов и по сей день отмечаются возрастанием креативного начала в их создании, наличии шутиливой окраски, например, *бабульки, тарабаксы, петрушка, морковь, слюнявчик, клянчушки* и др. На наш взгляд, этот факт объясняется экстралингвистическими причинами: стабилизацией экономики в стране, стабилизацией рубля и повышением уровня жизни. С другой стороны, в условиях повышения уровня жизни отношение к деньгам меняется: это не только прагматизм, как в середине 1990-х годов (*деньги – это все*), но и игра: *деньги – это временное средство, сегодня они есть, завтра – нет; сегодня их много – завтра мало* и т.п., то есть усиливается смеховое начало в ментальности российского человека, проявляющееся, в частности, в арготировании товарно-денежных отношений.

Анализ арготических номинаций денег позволяет утверждать, что *условием* образования некодифицированных (жаргонных) номинаций денежных единиц, денег и их количества в постсоветскую эпоху является сфера торговли, бизнеса, то есть коммерсанты, торговцы, с одной стороны, с другой – покупатель, коим является каждый из нас (индивид). То есть обязательно наличие товарно-денежных отношений: “Деньги – Товар – Деньги” (бизнесмен), “Деньги – Товар” (индивид, покупатель).

Фактором образования жаргонных номинаций является процесс торговли, процесс становления и развития бизнеса, коммерции, торговли и экономики; экономические сдвиги в ту или иную сторону. Поскольку деньги отражают материальную сторону жизни человека, они подвергаются арготированию, так как материальное арготируется чаще, нежели духовное.

Некодифицированные номинации денег своим происхождением обязаны отчасти уголовному аргю, в большей же степени молодежной и профессиональной речи (например, речи уличных торговцев, коммерсантов). Часто номинации денег рождаются стихийно, с целью разнообразия в общении, выполняя при этом креативную функцию, иногда и эзотерическую функцию, когда требуется достижение определенной прагматической цели. Жаргонные номинации денег могут оставаться неизменными (например, *бабки*), а могут претерпевать семантические и стилистические трансформации (например, *зелень* - первоначально “доллары США”, позже “любые деньги, купюры зеленого цвета”). Большая часть жаргонных номинаций денег и их количества отражена в словарях жаргонов, например в СЕ, БСРЖ, СМСН и др., например такие, как: *крупняк* (СМСН), *лавэ, лавэшки, лавашки* (СМСН, БСРЖ, СЕ), *гринь* (СЕ, БСРЖ), *хрусты* (БСРЖ), *бобы* (БСРЖ), *башли* (БСРЖ), *барашки* (БСРЖ), *бабульки* (БСРЖ) и другие.

Некоторые обнаруженные нами в публицистике номинации денег не зафиксированы в современных словарях жаргона, например: *бабасы (бабосы), клянчушки, кузявки, мажорики, минорики, тарабаксы*. В молодежной речи (в частности, в молодежных газетах и журналах) они частотны.

Литература

Даль В.И. Условный язык петербургских мошенников, известный под именем музыки или байкового языка. // Вопросы языкознания. 1990. № 1.

Елистратов В.С. Аргю и культура // Елистратов В.С. Словарь русского аргю (материалы 1980-1990-х гг.). – М., 2000.

Лихачев Д.С. Арготические слова в профессиональной речи // Лихачев Д.С. Статьи ранних лет. – Тверь, 1993.

Источники материала

БСРЖ – Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. – СПб., 2001.

СЕ - Елистратов В.С. Словарь русского арго (материалы 1980-1990-х гг.) – М., 2000.

СМСН – Никитина Т.Г. Молодежный сленг: Толковый словарь. - М., 2003.

© Беглова Е.И., 2004

С.М.Белякова

Тюмень

**Языковая категоризация действительности в русских
диалектах. Лексема время (на материале тюменских
говоров)**

Представления о времени – один из основных ориентиров человека в мироздании, исключительно важный компонент картины мира, во многом обуславливающий другие ее составляющие. Особый статус времени связан с осмыслением бытия каждой личностью и обществом в целом и потому приобретает мировоззренческое значение. Отношение людей к этому феномену всегда было эмоционально окрашенным. Остро ощущая недолговечность своего пребывания на земле, человек пытался определить свое отношение к этой трудно постижимой категории. О сложности феномена времени говорят философы, ученые и поэты со времен античности до наших дней. Однако он по-прежнему представляет собой загадку не только в специальных научных исследованиях, но и в сфере повседневного опыта. Несмотря на многовековую традицию и огромное число научных концепций сущности времени, проблема не имеет пока однозначного решения.

Не менее сложным объектом исследования является и отражение времени в языке. Временной дейксис представляет собой сложную структуру, весьма специфичную для разных языков, даже близкородственных. Темпоральная организация речи (в особенности устной) соотносится с ее коммуникативной направленностью, эмоциональной окрашенностью, экспрессией. Сравнительная изученность временной референции в русском литературном языке (отметим значительный интерес к этой проблеме в отечественной лингвистике последних двух-трех десятилетий, объясняющийся утверждением в ней антропоцентризма) сменяется практически «белыми пятнами» в других

субстандартах (просторечии, территориальных диалектах). Между тем сельский микросоциум обладает своей системой ценностей, своими представлениями о мироустройстве, которые далеко не всегда совпадают с представлениями носителей городской культуры, хотя и не являются, на наш взгляд, диаметрально противоположными. Языковая категоризация мира (в том числе и ее временная координата) весьма специфически отражена в русских диалектах, что проявляется как на морфолого-синтаксическом уровне, так и на лексико-фразеологическом.

В данной статье рассматривается репрезентация времени в лексике и фразеологии тюменских старожильческих говоров. В силу обширности темы мы ограничились рассмотрением лексемы *время* как центральной для данной концептуальной области, а также ее синонимов. Источником материала стали записи устной речи сельского населения юга Тюменской области, произведенные автором в 1980-2003 гг., а также диалектные картотека и текстотека, имеющиеся на кафедре общего языкознания Тюменского государственного университета.

Центральная (хотя и не самая частотная в диалектных текстах) лексема *время* во многом отражает особенности лексической темпоральности в целом. Если воспользоваться термином Г.В. Звездовой, ее можно назвать гиперординатой. Исследователи отмечают специфичность данной лексемы, во многом объясняемую сложностью ее денотата. По мнению В.В. Морковкина, это слово относится к словам семасиологического типа, т.е. таким, относительно которых нельзя утверждать, «имеют ли они денотат в действительности или нет». С этим утверждением корреспондирует замечание В.А. Плунгяна, что «про лексему *время* трудно сказать, что она “делится на значения”»; более того, попытка описать хотя бы одно из этих “значений” с помощью принятой системы толкований... наталкивается на почти непреодолимые трудности» [Плунгян 1997: 160]. Л.О. Чернейко относит это слово к словам, утратившим «вещную» связь с физической действительностью и потому плохо структурируемым. Не случайно в американской когнитивной лингвистике время считается базовым, «простым» концептом, который структурируется путем пересечения с другими концептами [См.: Селезнева 2003]. - (Ср. с философскими представлениями о времени как о

«первофеномене».) Для подобных слов Л.В.Кнорина предлагает термин «металексика» [Кнорина 1996]. Как пишет Л.О. Чернейко, «слово *время* абстрактно и семиотически и металингвистически. <...>. Тем не менее слово *время* содержательно насыщено; оно прагматически плотно, что свидетельствует об особой антропоцентрической значимости стоящей за ним абстрактной сущности. Эта сущность каждым человеком в отдельности и социумом в целом переживается: о ней думают, говорят, ее по-разному «чувствуют», что и выражается в метафорических сочетаниях имени» [Чернейко 2003: 292]. Однако, несмотря на несомненные трудности, толковые словари содержат семантическую характеристику данного слова. Имеются также работы, где лексема *время* проанализирована с опорой на широкий круг контекстов, извлеченных из различных источников литературного языка [См.: Морковкин 1977]. Следует заметить, что среди источников значительное место занимают художественные тексты, в которых и реализуется в основном ее «прагматическая плотность».

Нами рассмотрено употребление лексемы в изучаемых говорах, установлена дистрибуция, комплекс значений, свободные и фразеологические контексты. Определены и проанализированы также ее синонимы: *годы, пора*. Анализ диалектных фактов имеет своей целью выявление элементов темпорального языкового сознания как существенного элемента картины мира.

С опорой на данные литературного языка определим значения лексемы *время*, реализующиеся в диалектной речи. В литературном языке устанавливается 6 основных значений этого слова и ряд семантических оттенков. (См.: МАС, Т.1.) В.В. Морковкин выделяет 5 основных значений (всего 14). Значения, реализующиеся в диалектных текстах, следующие.

1. «Период, отрезок времени» (с уточнениями). Как правило, существительное *время* конкретизирует согласованное или несогласованное определение. Оно может выражать количественное, параметрическое значение: *таперяшное, настоящее, сечасное, старое, старинное*; указывать на определенный сезон года или период суток, сезонных работ: *зимное, вёшное, летное, тёмное, паужинное, страдное, предстрадное, во время весны, сенокоса* и под. *В чичасно времё у женишыны други заботы*

(Ант.Н.-Тавд.). *Наверно, подойдём к старинному времени скоро* (Мед.Гол.). *В зимнёе время дак вот хлеб молотят да* (Сыч. Ваг.). *В вёшно время я шибко хвораю, летом полегче дышу* (Г.-Слн.Уват.). *Падунина во времё весны мокрая, топкая, в сухо лето она высыхает* (Анп. Н.-Тавд.). *Время-то тёмно, а у меня много управы* (Шип.Юрг.). *В паужинно времё молока с ягодам нахлебалися* (Дев.Н.-Тавд.). *Во время сенокоса копали колодчики, чтоб напиться, жарко ведь* (Н.-Змк.Завод.). *В страдно-то времё так утенькасья, дак не до кина* (Ант.Н.-Тавд.). *Пред-страдно времечко пришло* (Ант.Н.-Тавд.).

Из специфически диалектных определений отметим *рекоставенное* (*рекоставное*), *уповоденное*, *большеводное* и *роздышное* время: *В рекоставенно времё он утонул* (Сол.Уват.). *Опасно к реке подходить в рекоставно-то времё – непрочной лёд ишо* (Нов.Уват.). *Уповоденно времё мне-ка долго казалось, соха идёт, и ты за ей* (Анд. Н.-Тавд.). *В большеводно времё трамвай (речной) к самому огороду подходил* (Ант. Н.-Тавд.). *Ччас робь, а придёт роздышно времё – отдыхай* (Анд.Н.-Тавд.).

Особо следует отметить единственный в нашем материале пример определения, отражающего социальную характеристику времени: *переворотное*, т.е. революционное время: *Переворотно тогда времё-то было, стары-те порядки рухнули* (Чер.Н.-Тавд.). Ср. также: *В переворотной год мы и пожанилися* (Дев. Н.-Тавд.).

Также в функции определения используются местоимения, например: *Были песельницы в то время* (Ус.Слад.). *В то время люди стремились к работе* (Мед. Гол.). Как пишет В.В. Варламова, «говорящий, употребляя данные слова, концентрирует внимание слушающего на определенном отрезке временной шкалы» [Варламова 1995: 8]. Добавим, что в диалектах подобным образом маркируется чаще всего прошлое. Диалектно-разговорные выражения, не фиксируемые словарями, *в наше (мое) время*, а также диал. *на моём време* обозначают чаще всего период чьей-либо молодости при сопоставлении с теперешним положением, напр., *в наше время такого не было*. Ср. выражение *до нас*, т.е. до нашего рождения: *Ешо до нас были народ: до чего крепкучий да красный и не болел* (Мед.Гол.).

Определение может иметь и качественный характер: *Покос – самое хорошее время* (Мед.Гол.). *Самое худое время жили* (Трош.Юрг.). *Всё радийнѣ (раденье) у нас, чтобы войны не было, чтобы мирно-то времѣ было* (Н.-Бал.Тоб.). *Время буйное было – перестройка* (Сит.Омут.). *Уж само-то страшно время было, когда кони не работали* (т.е. уставали) (Гус.Тюм.). *Я родилась в самы войны. Было страшно время, всё время воевали* (Мед.Гол.).

Словосочетание *простое время* развивает в изучаемых говорах энантиосемию, т.е. значения «буднее время» и «праздничное, не занятое работой». Ср.: *Сейчас вот в таком платте ходишь и в простое время, а раньше вот сошьют тебе тако-то платте, раз в год наденешь* (Мед.Гол.). – *У баушек боле простого время* (уральск.). См. также пословицу: *Шей да пори – не будет простой поры*, а также выражение *не от простой поры* со значением «некогда», зафиксированное в челябинских говорах. Энантиосемию порождает наличие двух значений у прилагательного *простой* в русских говорах. Одно из них – «пустой, свободный» (ср. глагол *опростать*) – развивает значение «праздничный», другое – «обычный, рядовой» – значение «будний».

Определение может обозначать отрезок времени по какому-либо характерному явлению, событию. «Речь идет не собственно об отрезке особой субстанции (т.е. времени – С.Б.), а о тех событийных и эмоциональных критериях, которые позволяют выделить этот отрезок» [Морковкин 1977: 74]. Напр.: *На быках в войну пахали, в военно время на быках и на коровах* (Мед.Гол.).

2. «Срок, благоприятный для чего-либо период, момент». В литературном языке это значение реализуется в контекстах типа *пора спать, подходящее время, выбрать время*. В диалектном дискурсе данное значение весьма актуально и выражается достаточно разнообразно. Это сочетания *раньше время* (ср. лит. *раньше времени*, которое не отмечено словарями, фиксируется лишь в НОССРЯ), *до время, после время, ко времени*. Напр.: *Не надо покастить шишки раньше время. Бейте шишки в срок, а то раньше время ронжа растаскат* (Н.-Бал.Тоб.). *Не дают вырасти, до время обрывают (ягоды) – (Ус.Слад.). Теперь чѣ после время говорить?* (Мед.Гол.). *А не придѣшь ко времени, отес с*

матерью тебе наказ дадут (накажут) - (Анд.Н.-Тавд.). Всю дорогу лошадей-то понужал, дак ко время приехали (Бач.Ярк.). Таким образом, событие, произошедшее не в свой срок (раньше или позже), оценивается негативно. Аналогичные сочетания отмечаются и в других русских говорах.

В южнорусских говорах, а также в фольклорных текстах фиксируется сочетание *безо время* – «раньше положенного срока». Напр., в народной песне: *Царь Николка, что наделал: безо время войну сделал. Безо время, без поры нас на бойню повели;* а также в частушке: *Эх, сирень, сиренечка, завяла безо времечка.*

В говорах, как и в литературном языке, отдельные падежные и предложно-падежные формы слова *время* активно подвергаются адвербиализации и лексикализации. Таково, например, наречие *времем* со значением «иногда», чаще всего употребляющееся в сочетании со словами категории состояния (ср. лит. *временами*): *Времем тяжело было, всё пережила* (Мед.Гол.). См. также отражение семантики краткосрочности в словоформе *на время*, например, в частушке:

*Некрасива, некрасива,
Ну какая в том беда?
Красота, она на время,
А характер навсегда.*

Представляет интерес также сочетание *дивно время* – «долго» (наречие *дивно* имеет в тюменских говорах значение «много»): *Личили (лечили) дивно время, но доставили-то в исправности* (Клк.Тюм.). Здесь отражено значение слова *время* как обозначение особой субстанции.

Представляется возможным рассмотреть здесь также лексему *безгодье* (отмечается в брянских и некоторых других говорах и в словаре В.Даля) и *безвременье*, приведенной в МАС с пометой «устаревшее» и со значением «тяжелое время, пора невзгод; время общественного, культурного застоя». У Даля отмечаются также *безгода*, *безгодица*, *безгодушка*. См. следующие контексты. *Какая тады бязгоддя было!* (брянск.). *В то кручинное, горькое безвременье много я бед приняла, много слез пролила* (Мельников-Печерский). *Мы тоже дети страшных лет России: безвременье вливало водку в нас* (Высоцкий). В словаре Даля: *Время красит, безвременье старит; Было время, осталось*

одно безвременье. Таким образом, тяжелый, гнетущий период в жизни общества в русской культуре может восприниматься как прекращение течения времени (ср. слово *застой* в словарной дефиниции), что является нарушением установленного свыше порядка и оценивается отрицательно.

Синонимом слова *время* в одном из значений в изучаемых говорах так же, как и в литературном языке, является словоформа *года* (*годы*). МАС дает следующее толкование: «период времени в некоторое количество лет». Как отмечает В.А.Плунгян, «для русского множественного числа характерны употребления, в которых плуральная форма соотносится с некоторым новым, качественно неоднородным единством, возникающим на основе обозначаемого сингулярной формой объекта» [Плунгян 1997:167]. Данные словоформы сочетаются с местоимениями *те-эти*, *первые* и прилагательными *нонешние*, *последние* (при этом рамки обозначаемого периода остаются неопределенными, а актуальным является противопоставление «тех» и «этих» годов): *Вот это вручную вот так-от заготавливали сено в колхозе, первые годы, а потом уже стали давать косилки, на лошадях косилку таскали, а впоследствии, вот это в последние годы, трактор* (Мед.Гол.). *В те года прививали (поросят), а эти года и не прививают* (Мед.Гол.). *Тогда, те годы, кака жись-то была, кака свадьба-то?* (Гус.Тюм.). Возможны и определения эмоционального характера: *Самые проклятые годы. Тут война, Колчак, коллективизация, снова война – и всё одна прожила* (Чрм.Гол.).

Близким по семантике к слову *время* в русском языке является слово *пора*. В словаре В.Даля отражено противопоставление этих лексем: *То было время, а теперь пора; дураку что ни время, то и пора; не время дорого – пора*. Возможно, это следует рассматривать как оппозицию: неопределенно длительное время – конкретный момент времени, срок. Известна противопоставленность этих лексем в истории русского языка: *пора* как благоприятное, «положительное» время (Е.С.Яковлева), или как особо отмеченная, «горящая» точка (Г.В.Звездова). Однако имеющиеся в нашем распоряжении данные современных говоров рисуют иную картину, демонстрируя синонимичность этих слов. Ср.: *Были песельницы в то время* (Мед.Гол.). – *Никто не*

пил в ту пору (Мед.Гол.). Предстрадно времечко пришло (Ант.Н.-Тавд.). – Вот и предстрадна пора подходит (Ант.Н.-Тавд.). В частушках: Пришло времечко жениться – пора свадебку играть. Проявлением тождественности семантики этих лексем можно считать фразеологизм *порой да времем* со значением «иногда, время от времени, не всегда»: *Порой да времем бело платье носят* (Мед.Гол.). *Не всё же время робят, а только порой да времем* (уральск.). Исключение составляет лишь выражение *самая пора*, которое можно определить именно как «горячее время»: *Самая пора: хлеб, уборка, никаких выходных* (Мед.Гол.). См. также *впору* – «вовремя»: *Впору пришёл, а то б уехали* (Н.-Змк.Завод.). Ср. архангельское *вопору* с тем же значением: *Тоже мама-то их не вопору оставила*. В данных примерах отражена архаическая семантика. Возможно употребление этого существительного с определениями, однако они менее разнообразны, чем те, которые относятся к лексеме *время*. См., например, следующий контекст: *Самая трудная – сенокосная пора. Пауты, комары. Никогда из ума не выходит это стихотворение... Такая деревенская пора* (Мед.Гол.). Среди диалектных употреблений особого внимания заслуживают выражения с семантикой времени зрелости: *в поре* «в зрелом возрасте, созревший, возмужавший», *в пору войти* «возмужать» (зафиксированы в уральских говорах), *порелой* «достигший зрелого возраста, в расцвете сил», *выпореть, упореть* «вырасти, стать спелым (о растении)». Например: *Порелой мушнына* (Ант.Н.-Тавд.). *Выпорела тыква-та, можно ись* (есть) (Ант.Н.-Тавд.). С указанной семантикой можно связать и ФЕ *на последних порах* «на сносях»: *Мать была на последних порах* (Мед.Гол.). Наряду с общерусской формой *в ту пору* функционирует и вариант *в те поры*. Например: *У меня сапоги были в ту пору* (Том.Тоб.). *Мы в те поры небольшие-то были* (Мед.Гол.). Из данных сочетаний образованы наречия *втупор, тупора, втапор, тапор* и под. Диалектными также являются сочетания *до коей поры* со значением неопределенно долгого времени (*Запишусь на дрова, так до коей поры: то солярки нету, то плуга нету* - Пел.Слад.) и *в кою пору* – «иногда» (*Давнишню помнишь, а настоящее в кою пору забудешь* – Мед.Гол.). От существительного *пора* в говорах образовано прилагательное *разнопорой* – «совершающийся в

разное время» (*Лук-от у нас с тобой разнопорой получился: мы уже давно едим, а у тебя ишию только прочикатса* – Дев.Н.-Тавд.), а также глагол *выпореть* – «вырасти, стать спелым».

При всей абстрактности понятия время для диалектоносителя оно более конкретно, имеет более «бытовой» характер. В имеющихся в нашем распоряжении текстах данное существительное редко соотносится с глаголом-предикатом (хотя это возможно: *время идёт, летит* и под.). Чаще всего это обстоятельство, в большинстве случаев существительное *время* имеет определения, что еще более конкретизирует, ограничивает это понятие. Лишь в пословицах и поговорках частично реализуется тот образный потенциал слова, который широко отражен в художественных текстах, особенно поэтических. В фольклорных текстах отмечаются следующие значения:

1) «деятельная антропоморфная субстанция»: *время не дремлет; не гребень чешет голову, а время* (ср. в архангельских говорах: *время не обидишь* – «время терпит, можно повременить»), здесь характерно литературное толкование – время терпит – также содержащее олицетворение);

2) «особая статическая субстанция»: *пора да время дороже золота*. См. также в частушке:

*Купи, мама, маринат –
Мил жениться поминат.
Времечко протянется –
Ему друга понравится.*

Таким образом, понятие временной локализации оказывается достаточно актуальным для языкового сознания диалектоносителей. В употреблении лексемы *время* в тюменских говорах во многом проявляются общерусские закономерности. Ядро значения этого слова является общерусским и сохраняется в изучаемых говорах (как и в других известных нам диалектах). При этом его семантическая структура отличается от литературной, она «перегруппирована», если условно взять литературную за исходную. На первый план (если опираться на критерий частотности) выходит значение «период, отрезок времени» (зачастую с уточнением, что снижает высокую степень абстрактности семантики). В ней отсутствуют научные и книжные значения. Переносное значение слова, а также метафорические предикаты

отмечаются главным образом в языке фольклора. Фразеологические сочетания со словами *время* и *пора* реализуют значение краткосрочности, спорадичности: *временем, на время, порой да временем, в кою пору* (ср. лит. *временами, время от времени*). Слово *пора* в говорах не противопоставлено слову *время*, они часто отмечаются в идентичных конструкциях, но основным значением этой лексемы в народной речи следует считать значение зрелости человека или плода. Возможна трактовка *поры* как высшей точки развития человека (плода), в этом смысле следует согласиться с Е.С.Яковлевой, что здесь отражается отсутствие течения времени, при этом заметим, что это лишь точка или определенный интервал, своего рода «остановленное время», «плато» на фоне его вечного движения. Определения, сочетающиеся с лексемой *время*, характеризуют этот феномен как время природное (*зимнее, вёшнее, тёмное*), линейное (*сечасное, старинное*), трудовое (*страдное, уповоденное*), экзистенциальное (*моё, наше*). Качественные характеристики содержат оценочный компонент (*плохое, худое, страшное – хорошее, мирное время*). Кроме непосредственной временной референции, лексема *время* и ее синонимы используются диалектоносителями для подчеркнутого противопоставления разных периодов существования их микросоциума или собственной жизни. Можно предположить, что это отражает преимущественно качественный, эмоциональный характер восприятия времени людьми – носителями традиционной культуры. Хотя мы должны признать, что этот вывод не является окончательным, так как для сопоставления должен привлекаться корпус текстов литературной разговорной речи, что пока вряд ли возможно.

При описании диалектного материала, как правило, эксплицитно или имплицитно присутствует сопоставление с соответствующей сферой литературного языка. Поэтому не менее важно отметить и те лакуны, которые имеются в говорах. Так, для диалектной речи не характерно определение лексемы *время* путем указания на его конкретные и уникальные свойства, социальные характеристики. Ср. в лит. языке: *век скоростей, век компьютеров, время расцвета / застоя* и под. Полностью отсутствует понятие «современный» как соответствующий своей эпохе, отвечающий потребностям времени, такие выражения,

как *идти в ногу со временем, отстать от времени* и под., то есть модель «синхронного движения времени и человека» [Катунин 1998: 225]. Это понятие не является актуальным для традиционного народного мироощущения, что, возможно, свидетельствует о пассивной направленности, «неагентивности» (А.Вежибicka) последнего. Лексическое выражение темпоральности в говорах отражает более архаическую картину мира, имеющую преимущественно качественный характер.

Литература

Звездова Г.В. Русская именная темпоральность в историческом и функциональном аспектах. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. - Саратов, 1997.

Катунин Д.А. О направлении движения времени // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии. - Томск, 1998.

Кнорина Л.В. Грамматика. Семантика. Текст. - М., 1996.

Морковкин В.В. Опыт идеографического описания лексики (анализ слов со значением времени в русском языке). - М., 1977.

Плунгян В.А. Время и времена: к вопросу о категории числа // Логический анализ языка. Язык и время. - М., 1997.

Селезнева С.Ю. Проблема времени в американской когнитивной лингвистике (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. РЖ. Серия 6. Языкознание. - М., 2003, №2.

Чернейко Л.О. Содержание слова как объект структурной и когнитивной семантики // Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. Пленарные заседания. - СПб., 2003.

Яковлева Е.С. Фрагмент русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). - М., 1994.

Словари

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.1. - М., 1994.

МАС - Словарь русского языка. В 4-х т. Изд.3-е. Т.1. - М., 1985.

НОССРЯ - Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Под общ. рук. Ю.Д.Апресяна. Вып.1. - М., 1997.

Сокращенные наименования населенных пунктов районов Тюменской области

Сыч. Ваг. – Сычи Вагайского р-на; Мед. Гол., Чрм. Гол. – Медведево, Черемшанка Голышмановского р-на; Н.-Змк. Завод. – Новая Займка Заводоуковского р-на; Анд. Н.-Тавд., Ант. Н.-Тавд., Анп. Н.-Тавд., Дев. Н.-Тавд., Чер.Н.-Тавд. – Андрюшино, Антропово, Антипино, Де-вятково, Черепаново Нижнетавдинского р-на; Сит. Омут. – Ситниково Омутинского р-на; Пел. Слад., Ус. Слад. – Пелевино, Усово Сладков-

ского р-на; Н.-Бал. Тоб. – Нижнебалуево Тобольского р-на; Гус. Тюм., Клк. Тюм. – Гусево, Кулаково Тюменского р-на; Г.-Слн. Уват., Нов. Уват., Сол. Уват. – Горнослинкино, Новое, Солянка Уватского р-на; Трош. Юрг., Шип. Юрг. – Трошево, Шипаково Юргинского р-на; Бач. Ярк. – Бачелино Ярковского р-на.

© Белякова С.М., 2004

**И.Т. Вепрева
Екатеринбург**

**Путешествие из Екатеринбурга в Свердловск и обратно
(к проблеме мифологического сознания горожанина)**

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант 04-04-83404 а/У.

Имя собственное, будучи концептом языка и одновременно концептом этнокультуры, характеризуется объективной сложностью, диахронной многослойностью, которая проистекает из смены культурных представлений, из способности имени оставлять след ушедшего лингвовосприятия и по-новому отражаться в концептосфере современника.

Зависимость имени собственного от культурного контекста эпохи особенно заметна в переломные периоды развития общества. Соучастие имени собственного, называющего географический объект, в развитии и поддержании определенных мифологем обыденного сознания способствует тому, что топоним постоянно находится под угрозой переименования. Ориентация мифологического сознания на создание новой России мыслится как генеральное переименование – смена названия государства, городов, изменение титула главы государства, названий чинов и учреждений. Изменение имени города представляется прежде всего как ритуальное действие, сопровождающее духовное обновление общества. Номинация города обычно являет собой зафиксированный историей факт, сознательное формирование нового в средствах обозначения. Переименование также проходит в рамках официального утверждения. Но сама атмосфера, сопутствующая переименованию российской топонимики, дает возможность охарактеризовать феномен социального настроения современного общества как актуализированного реального

сознания, «которое регулирует жизнь человека именно в данный период времени» [Тощенко 2001: 23]. Кроме того, интересен аспект коллективного языкового творчества в поисках лучшей номинации. Жители города, предлагая то или иное имя, практически обсуждают мотивировочные признаки, которые кладутся в основу номинации.

Объектом исследования служат высказывания жителей города Свердловска и Екатеринбурга, обсуждающие проблему переименования города. Задача доклада – выявить состояние общественного сознания в момент переименования, типы аргументации в защиту новой и старой номинаций.

Сначала небольшой экскурс в историю. Наш город был основан в 1723 году и назван в честь жены Петра Первого – Екатерины. Существует исторический документ – письмо Геннина, одного из основателей города, императрице Екатерине о том, что город назван в ее честь. 1 августа 1923 года в год 200-летия города впервые возникла мысль о том, что столица Красного Урала не должна дальше носить имя царской семьи. Комиссию по переименованию в 1924 году возглавил Б.В. Дидковский, ректор Уральского университета. После обсуждений на различного рода комиссиях и в массовой печати Екатеринбургским городским Советом 14 октября 1924 года было окончательно определено новое имя нашего города и решено «переименовать Екатеринбург в память Уральского подпольного работника – большевика Я.М. Свердлова (товарища Андрея)». Президиум ЦИК СССР утвердил это ходатайство 14 ноября 1924 года. На волне массовых переименований российской топонимики в 1990-х в ноябре 1990 года в Свердловске постоянная комиссия по науке, культуре, религии, национальным отношениям, возглавляемая Ю.Е. Демидовым, выдвинула предложение вернуть городу историческое имя. Президиум городского Совета принял решение с середины мая 1991 года провести опрос свердловчан об их отношении к переименованию. 23 сентября 1991 года Указом Президиума Верховного Совета РСФСР городу Свердловску возвратили его историческое название.

Таковы сухие факты истории. Но за этим перечислением кроется активная дискуссия жителей города не только в 1990-е годы, но и в 1920-е. Страницы уральских газет сохранили живые

отклики горожан, их взаимоисключающие установки, аргументы и ориентации, желание и нежелание находить общие позиции и согласовывать их. Газетный материал сохранил коллективное языкотворчество, поскольку в ходе обсуждения предлагались различные номинации города, сопровождаемые аргументацией мотивировочного признака. Столкновение страстей и мнений 1920-х перекликается с нашими днями: та же поляризация взглядов, эмоциональная нагруженность высказываний, однотипность аргументов. Это позволяет нам рассмотреть хронологически различные высказывания вместе, группируя их по общности аргументов.

Проблема переименования города обусловлена прежде всего социальными факторами, является прямым следствием общественных изменений. Топонимическое имя остро реагирует на внешние факторы необязательно по причине кардинальных сдвигов в государственном устройстве. Попытки переименования Екатеринбурга были предприняты еще в 1924 году во время войны с Германией. Российское Министерство внутренних дел разослало циркуляр по городам с предложением пересмотреть немецкие наименования там, где это необходимо. Инструкция носила рекомендательный характер. Архивные материалы сохранили письмо 13 подписантов Екатеринбургскому Городскому Голове, в котором предлагалось не вполне русское название родного города переименовать. Вот авторские номинации того времени, в которых либо сохранялась первая корневая морфема сложного слова и заменялся второй иноязычный компонент, либо предлагалась структура номинации, исключая имя императрицы Екатерины: *Екатериноуральск, Екатерининск, Екатериногорск, Екатериноград Уральский, Екатеринопетровск, Градо-Исетск, Исето-Град, Екатериногорнозаводск* (автор этой номинации предлагал наряду с громоздким именем сокращенный вариант *Екатеринозаводск*). Были предложения изменить только второй компонент сложного слова: *-бург* предлагалось заменить на *-поль* или *-град*.

Революционная ситуация всегда связана с излишней политизированностью общественной жизни. Психологический дискомфорт в обществе вызывают топонимы, объективирующие отстраненные и условные мотивировочные признаки, состав-

ляющие **названия-посвящения**. Эти названия имеют мотивировочное значение «объект, названный в честь...» и направлены на возвышение человека, обозначенного лексическим мотиватором [Голомидова 1998: 161]. Эта направленность становится ключом к интерпретации внутренней формы топонима. Номинативное посвящение, вбирая смысл утверждения чьих-либо заслуг и достоинств, приобретает оценочные коннотативные смыслы, которые в эпоху смены мировоззренческих ориентиров могут трансформироваться в прямо противоположные. Так случилось с именами императрицы Екатерины Первой и большевика Я.М. Свердлова. Покажем смену коннотативных смыслов, опираясь на высказывания горожан в периоды переименования города.

1924 год. Характеристика Екатерины носит отрицательный характер: *Известны бурные скитания в роли «солдатской женщины» при русской армии. Петр I одновременно с Меньшиковым делил ее любовные ласки. На престоле пьянствовала, развратничала, наконец, пьяная умерла.*

Характеристика Я.М. Свердлова носит положительный характер: *Имя Свердлова стоит того, чтобы им назвать Екатеринбург; Свердловск – это революционное имя, которое с гордостью будет носить центр Красного Урала.*

Характеристика исторических лиц часто представлена в виде противопоставления: *Столь заслуженная в делах революции столица Урала все еще носит имя царицы-развратницы. Заслуги Свердлова перед лицом пролетариата слишком известны; Разве мы для того устраивали мозолистыми руками радио, водопровод, телефон, электростанцию, чтобы все это числилось за Екатеринбургом, а не за Свердловском.*

Дискуссия 1990-х на страницах печати отраженно воспроизводит аргументы «за» и «против» переименования эпохи 1920-х годов, передавая противостояние систем ценностных ориентаций, амбивалентность массового сознания в период перемен.

1991 год. Положительная характеристика Екатерины: *Что, разве доказано, что Екатерина I была пьяницей и развратной бабой при живом муже? Может, авторы таких заметок шлелись с ней по кабакам и борделям?*

Отрицательная характеристика Екатерины: *Меня как женщину оскорбляет перспектива жить в городе, носящей имя дамы, чьи исторические заслуги сводятся к тому, что судьба занесла ее в постель к царю, а не к плотнику или унтер-офицеру. Увековечиванием ее имени неизбежно будет одобрен и сам принцип «через постель». А если по этому принципу можно дать имя городу, то почему нельзя таким образом защищать диссертации, трудоустраиваться на «теплые» места, ездить на базар в служебной машине мужа и т.д. Ведь все это – звенья одной цепи.*

Положительная характеристика Я.М. Свердлова: *А если бы Я.М. Свердлов дожил до 30-х годов, не миновать бы ему участи загубленных миллионов людей, и ныне пришлось бы его реабилитировать. Интересно, стали бы тогда переименовывать город?*

Отрицательная характеристика Я.М. Свердлова: *Свердлов практически для города сделал мало.*

Сопоставительная характеристика Екатерины и Я.М. Свердлова: *Спросил у молодых ребят, знают ли, к чьему имени призывают вернуться. И услышал ответ: Пусть город лучше носит имя любой проститутки, но не коммуниста.*

Последующая аргументация выстраивается по линии дополнительных доводов. Отметим их.

1. Историческая память как высшая ценность в период перемен. Историческое сознание отражает особую значимость и актуальность информации о прошлом: *Вопрос идет не о переименовании города, а о восстановлении первоначального его исторического названия. И, следовательно, не имеет значения ни личность того, в честь кого город был назван, ни личность того, в честь кого он переименован. Для нас должны быть важны только историческая справедливость и воля основателей города. Чем дальше отстоит прошлое от современности, тем большей ценностью оно обладает. Но парадоксально следующее: несмотря на всеохватывающую ревизию и критику событий советского периода, для многих горожан значимым периодом истории остается «свердловский» период: Для меня не безразлично то, что я родился в Свердловске, что Свердловск для меня – часть моей души, а не просто топоним. Свердловску скоро ис-*

полнится 70 лет. Разве это не исторический факт? Зачем же его перечеркивать. Можно давать разную оценку этому периоду истории, но от этого историей он быть не перестанет.

2. «Нерусскость» имени. Этот аргумент всегда присутствовал при попытках переименования Екатеринбурга: *Память об иноземном «бурге» – не русская память. Еще нам «бургов» не хватало.* При обсуждении номинации «Свердловск» всплыла антисемитская тема: *Мы должны дать почувствовать евреям ответственность за грехи революции и те последствия, к которым она привела.* Противоположное мнение: *Почему города Жданов, Калинин, Молотов перестали носить имена русских деятелей тоталитарного режима, и это никто не считает проявлением русофобии.*

3. Несвоевременность переименования по экономическим причинам: *Мы нищие, кругом разруха и тратить деньги на это безумие. Поколения нас не простят.* Этот аргумент также оспаривался: *Мы будем есть один хлеб с водой, но решение горсовета выполним.* Авторы прямо противоположных высказываний одинаковы по социально-возрастному статусу: оба пенсионеры, инвалиды.

4. Одним из аргументов было полное безразличие к тому, как назван город, забвение внутренней формы имени: *Непонятно, что изменится от того, что наш город будет называться Екатеринбургом.*

Подводя итог аргументам «за» и «против» переименования города, необходимо отметить, что достаточно большая группа участников дискуссии осуждала резкую коннотативную переориентацию, демонстративное отрицание прошлого: *Нельзя просто так взять и объявить бывшего тирана-самодержца святым, а бывшего героя революции – палачом и людоедом. А как, например, быть с Петром I, который построил Петербург на костях русского крепостного крестьянства. Никому в голову не придет переименовывать людей, так почему эта операция позволена над городами.*

Нельзя обойти стороной попытки коллективного словотворчества. Наряду с названиями-посвящениями жители города предлагали другие модели номинации.

В 1924 году были следующие варианты: *Татищевград, Красноуральск, Красный Урал, Уралосвердловск, Андрейбург, Ленинбург, Уральск, Платиногорск*. Приводя окказиональные номинации, авторы определяли мотивировочный признак, лежащий в основе номинации, например: *Уралград* – высокое имя должен носить рабочий, т.е. тот, кто строил, строит и будет дальше строить город. Или *Больше 300 лет сидели на престоле цари Романовы. Теперь с ними покончено. С последним отпрыском царского рода – Николаем II – было покончено в нашем городе. В ознаменование возмездия, расплаты с царями надо именовать год Реванишбург*.

В 1990-е годы предложений было меньше, поскольку речь шла о возвращении исторического имени, хотя альтернативные имена все-таки предлагались: *Россоград, «что-нибудь уральское», Исетск*.

Заканчивая обзор бурного времени 1920-х и 1990-х, мы видим, что переименование города явилось языковым полем столкновения противоположных политических взглядов, мировоззренческих установок. Решение переименования Свердловска в Екатеринбург не все приняли положительно. Но сегодня есть возможность проанализировать, как относятся жители города к новой номинации спустя десятилетие, как прижилось это имя и как в живой речи уральского города достаточно трудное в звуковом отношении слово преобразовалось в более легкие и экономные номинации. Но это тема нашей следующей работы.

Литература

Голомидова М.В. Искусственная номинация в русской ономастике. - Екатеринбург, 1998.

Тоценко Ж.Т. Парадоксальный человек. - Москва, 2001.

© Вепрева И.Т., 2004

Н.И. Волкова
Сыктывкар

Имятворчество в сфере прозвищ в контексте взаимодействия языков

Население Республики Коми (РК) неоднородно по своему национальному составу. Больше половины населения – это русские, далее следуют представители титульной нации, затем –

украинцы, белорусы, татары, немцы... В последнее время «увеличилась численность киргизов, туркменов, азербайджанцев, армян, таджиков и др.». [Подоплелов, Фаузер, Жеребцов 1999: 51], в связи с чем *бок о бок* с русскими и коми начинают жить представители разных этносов, которые вступают в межэтническое и этнокультурное взаимодействие, проявляющееся и на уровне языков. Мы будем пользоваться термином *взаимодействие языков*, а не *языковые контакты* [Розенцвейг 1963; Кондакова 2002], и вслед за Ю.А. Жлуктенко считать, что данное понятие включает в себя разные явления, которые наблюдаются в результате установления той или иной языковой связи [Жлуктенко 1974: 17]. Так, в сельских районах РК выявлены следы взаимодействия коми и русского языков на различных уровнях, что зафиксировано и в системе современных прозвищ [Сергеенко 1986: 54]. В ряде коми прозвищ, восходящих к русским заимствованиям, на месте [ц] под влиянием севернорусских диалектов произносится звук [ч']: в ряде районов зафиксирован оним *кузнеч*, в Сысольском и Ижемском – *кутеч*, в Удорском – *продавеч*, *огуреч* и *свинеч*, в Сысольском и Усть-Куломском – *немеч*, в Усть-Куломском районе – *японеч*.

Наша картотека свидетельствует о том, что в системе прозвищ Республики Коми отмечается несколько проявлений межъязыковой интерференции, которая связана с адаптацией русских заимствований комиязычными билингвами [Айбабина 1985: 5,11]. Так, под влиянием коми языка ударение смещается на первый слог *мóнтер* (с. Ижма), *бóксер* (Ижемский р-н), *лэ́сник* (Корткеросский р-н), *мáтрос* (Удорский р-н). Конечные мягкие согласные отвердевают: *пекар* Лиза (Усть-Вымский р-н), *пекар* Саня (Удорский р-н), *пекар* Анна (Усть-Куломский р-н), *звер* (Сысольский р-н) и др.

Звук [х], отсутствующий в фонетической системе коми языка, в большинстве прозвищ замещается звуком [к]: *нетук* (Усть-Куломский р-н, п. Троицко-Печорск, с. Усть-Кулом), *конюк* (Усть-Куломский р-н), *сакар* (Удорский р-н), *плака* (Интинский р-н), *кутор* (Удорский р-н). Наблюдается регулярная субституция гласных звуков [о], [а], [ы] (редко – [и]) специфическим коми звуком [ö]: *немöй* (Усть-Куломский р-н, Усть-Вымский р-н), *вöльнöй* (Ижемский р-н), *метрöвöй* (Усть-Куломский р-н),

сырõй (Удорский р-н), *мяснõй* (Удорский р-н), *прõзрачнõй* (Удорский р-н), *стальнõй* (Усть-Куломский р-н), *кõсõй* (Усть-Куломский р-н), *белõй* (Корткеросский р-н), *рыжõй* (Ижемский р-н), *тõрдкан* (Усть-Куломский р-н, Прилузский р-н, Корткеросский р-н), *скõба* (Прилузский р-н) *пõчта* (Усть-Куломский р-н), *бõранõ* (Удорский р-н), *кõбыла* (Удорский р-н), *лõсь* (Удорский р-н), *слõн* (Усть-Куломский р-н), *кõсяк* (Усть-Вымский р-н), *самõвар* (Корткеросский р-н), и др.

Большое количество прозвищ восходит к русским апеллятивам, которые чаще всего заимствуются в форме им. п., ед. ч. [Игушев 1973: 14]. Такие онимы нередко сопровождаются комизированными формами личного имени [Тепляшина 1978: 45-48]: *артист* Вась (Усть-Куломский р-н), *взрывник* Аркадь (Усть-Вымский р-н), *пуля* Анõй (Удорский р-н), *скандал* Коль (Корткеросский р-н), *чижик* Сандра (Усть-Вымский р-н), *шпана* Вань (Удорский р-н), *гармонист* (Сысольский р-н), *павлин* (Ижемский р-н) и мн. др.

В других случаях «... перенесенные лексические единицы могут быть подвергнуты звуковой и (или) грамматической адаптации» [Айбабина 1985: 12]. Несмотря на то, что в нашем регионе в силу оканья наблюдается четкое разграничение в произношении звуков [о] и [а] в безударном положении после твердых согласных, нам встретились два варианта прозвища: *солдат* (Сысольский р-н) и *салдат* (Корткеросский р-н). В наименовании *булки юр* (Усть-Вымский р-н) первый компонент заимствован в форме множественного числа, но в коми языке он может выражать как единичность, так и множественность предметов, и поэтому указанный оним можно перевести на русский язык следующим образом: *голова как булка* [Айбабина 1989: 8]. В наименовании *макарон* Шурик лексема *макароны* в форме *pluralia tantum* в коми языке подверглась «отсечению флексии» [Айбабина 1989: 14] и воспринимается русскими как существительное ед. ч., муж. рода (ср. *магазин*).

Сложные случаи интерференции наблюдаются в прозвищах *манак* (с. Усть-Кулом), *пõнõмар* (Усть-Куломский р-н), *руб болт* Егор (Усть-Куломский р-н). В первом прозвище конечный [х] заменился звуком [к], а [о] поменялся на [а]. Второе дополнительное имя возникло в результате апокопы фамилии *Поно-*

маренко, замены гласных [о] особым коми звуком [ö] и отвердения конечного согласного звука производящей основы. В первом компоненте третьего прозвища произошло усечение согласного звука [л'], а звук [б], ставший конечным, не подвергся действующему в русском языке закону оглушения конца слова.

Распад СССР содействовал «... увеличению в составе населения представителей закавказских и среднеазиатских республик» [Подоплелов, Фаузер, Жеребцов 1999: 51], что не могло не отразиться не только на демографической ситуации в Республике Коми, но и на ее ономастике. Личное имя *Рахим* было ассоциировано и семантизировано за счет использования в качестве прозвища для школьника-узбека названия восточной сладости *рахат лукум*. Экспрессивный оним *черт с баржи* возник на базе азербайджанской фамилии *Ачербарджи*, а именование *мерзавец* закрепилось за выходцем с Кавказа по имени *Мирза* – ехидным мужчиной, любящим «подколоть» своих соседей по общежитию... Носитель фамилии *Тенгизов* становится *тузиком*, человек с личным именем *Анас* – *ананасом*, а *Дамир* – *домиком Кацо*, *Вано* – так часто называют грузин; оним *Кацо* также носит мальчик славянского происхождения, приехавший в г. Сыктывкар из Грузии.

В ряде случаев субъекты номинации, создавая прозвища, опираются на фоносемантический потенциал фамилий и имен. Так, основа фамилии старшеклассника *Кочанова* была соотнесена не с русскими словами *кочень* или *кочан* [Грушко, Медведев 1997: 246], а с коми лексемой *кӧчиль* «зайка, зайчик», ставшей дополнительным именем школьника. Начальная часть русской фамилии *Черепанов* ассоциировалась у носителей коми языка со словом *чери*, т.е. «рыба». И это не случайно, поскольку молодой человек, носитель данного онима, любит рыбалку и угощает рыбой всех своих гостей. Коми прозвище *кос тишак* «сушеный гриб» было дано молодому человеку в силу звукового сближения этого словосочетания с неофициальной формой его личного имени *Костя*. Немецкая фамилия *Шмидт* в сочетании с неофициальной формой личного имени *Аня* семантизируется, ассоциируясь со словом *сметана*, которое стало дополнительным именем девушки. Начало фамилии *Ошвинцева* идентифи-

цировалось с коми лексемой ОШ, т.е. «медведь», и этот оним стал «визитной карточкой» городской женщины.

Звукосимволика в некоторых прозвищах «...сигнализирует об идиоэтнической специфике усвоения иностранного языка» [Гридина 1996б: 100]. *Малэнкий* – такое именование закрепилось за лицом кавказской внешности, который в общезнании пристаёт к соседкам, говоря им: «*Малэнкий, когда станэшь башой?*»... Выходца из Сибири называют *Сибырак*, а коми женщину, прошедшую войну и перемешивающую в своей речи русские и коми слова, – *бытё*, потому что именно так она произносит излюбленное русское словечко *будто*. *Тучи* (с ударением на втором слоге) – это семейно-родовое прозвище мужчины, отец которого при исполнении коми кадрили просил сильнее *стучать*, при этом в его устах русская глагольная форма *стучи* в результате афerezиса звучала так: «*Тучи!...*». Характерная особенность речевого поведения русской женщины, неправильно произносившей коми слово *мазі* «пчела», привела к тому, что в честь заглавной героини популярного мультсериала ее стали называть *пчела Майя*. Как мы видим, эти прозвища отражают «нарушение орфоэпического нормативного стереотипа» [Гридина 1996б: 74] со стороны объектов номинации, но в то же время данные именованья свидетельствуют о реализации «...потребностей речевого общения с представителями другой этносоциальной общности» [Прохоров 1999:20].

Акцентологическая и морфологическая деформации русской словоформы *ушел* коми женщиной, которая на вопрос о сыне: «*Где Иван?*» – ответила: «*Ушла* (с ударением на первом слоге) *Иван*», привели к тому, что это высказывание матери стало «визитной карточкой» ее сына.

В сфере современных прозвищ РК мы столкнулись с явлением языковой игры. Г.Г. Молчанова ссылается на слова М. Тернера: «Язык – дитя литературного ума» – и добавляет от себя, что, «как всякое дитя, он любит играть – играть словами» [Молчанова 2000: 77]. Т.А. Гридина определяет языковую игру «как неканоническое использование языковых единиц с установкой на эстетическое восприятие последних...» [Гридина 1996б: 4]. Говоря о взаимодействии языков, мы отмечаем, что в языковую игру «вступают» отдельные онимы иноязычного про-

исхождения или их компоненты. Так, на базе именования итальянского художника *Леонардо да Винчи* в русском языке возник стилистически сниженный экспрессивный оним *Леонард Недовинченный*. При образовании прозвища конечная гласная личного имени утрачивается, а итальянский элемент *да* и русская частица *не* ассоциируются с русской приставкой *недо-*, которая присоединяется к усеченной фамилии художника *Винч-* одновременно с суффиксом *-енн(ый)*, и на свет появляется искусственная фамилия *Недовинченный*, несущая мощную смысловую нагрузку и имеющая резко отрицательную стилистическую окраску: школьник, сильно преувеличивающий свои творческие способности и утверждающий, что он будет рисовать не хуже Л. да Винчи, получает через это именование крайне негативную характеристику... Оним *Никола Паганини* образовался так: личное имя учителя *Николай* трансформировалось в народную форму *Никола*, а его отчество *Павлович* в связи с частичным фонетическим тождеством было замещено фамилией всемирно известного итальянского музыканта Никколо Паганини [ср. Гридина 1996а: 54; здесь автор статьи комментирует появление прозвища *Николо Паганини* у школьника по фамилии *Николаев*]. Для дополнительного имени *Зюган*, которое получил носитель тюркской фамилии *Загайнов*, одноклассники использовали созвучную этой фамилии лидера КПРФ *Г. Зюганова*, предварительно сократив ее конечную часть... В процессе обыгрывания ничего не говорящей русскому или коми человеку фамилии учащегося *Солонарь* появляется прозвище, восходящее к более привычному имени библейского царя *Соломона*. В силу частичного фонетического тождества возник оним *Чубайс*, который закрепился за носителем фамилии *Чубаров*. Парономазия лежит в основе прозвища *Рейган* – им стал молодой человек, обладатель созвучной фамилии иностранного происхождения *Эргардт*. В процессе языковой игры из фамилии мальчика *Иоганов* вычленяется ее основа, которая отождествляется с личным именем и фамилией известного австрийского композитора и дирижера, – и ономастикон РК пополняется прозвищем *Иоганн Штраус*. Именование *Чебурашка*, принадлежащее маленькому созданию с большими ушами, обыгрывается, и в ходе имятворчества уменьшительно-ласкательный суффикс заменяется дру-

гим формантом – *тор-*, в связи с чем новый оним *Чебуратор* меняет не только свою семантику, но и эмоционально-экспрессивную окраску: возникшее прозвище хотя и предназначено для молодого человека с большими ушами, но этот человек – взрослый юноша, обладающий большим ростом (ср. его структуру со структурой заимствованных слов *Терминатор*, *гладиатор*). В результате обыгрывания фамилии и личного имени старшеклассника *Герасимова Коли* и именования бывшего канцлера ФРГ *Гельмута Коля* рождается «гибридный» оним *Гермут*: происходит сложение начальной части фамилии юноши –*гер-* и конечной части личного имени канцлера –*мут...* Субъекты номинации «произвели на свет» прозвище *страус* в результате вычленения срединных слогов литовской фамилии *Астракаускас*.

Постоянные контакты титульной нации нашей республики с русскими обогащают региональный ономастикон специфическими «гибридными» прозвищами разных типов. Так, на морфологическом уровне встречаются прозвища наподобие *гобик*, в котором к коми лексеме *гоб* «гриб» присоединился русский суффикс –*ик-* (это дополнительное имя принадлежит плотнику, который любит собирать в лесу грибы, нежно называя их *гобиками*); строительным материалом для онима *солотшаковна* послужили русские морфемы –корень –*соль-* и суффикс –*овн(а)*, а также коми слово *тишак* «гриб» (это наименование принадлежит любительнице соленых грибов и используется в качестве искусственного отчества, принадлежащего объекту номинации по имени Наталья).

На лексическом уровне «гибридные» прозвища образуются в результате объединения в один оним коми и русских слов: *бызган падеж* (где *бызган* «болтливый») – такое дополнительное имя закрепилось за мужчиной, который любил много и попусту болтать. В связи с этим он сам себе дал прозвище, говоря: «В коми языке 16 падежей, а я 17-й – *бызган падеж!*»; *папа тури* (где *тури* «журавль») – данное прозвище получил длинноногий молодой человек высокого роста; *мича краля* (где *мича* «красивая, миловидная, привлекательная») – так называют пьющую женщину, которая ходит по селу и говорит, что она самая красивая и хорошая; *кертом рож* (где *кертом* «конец бревна») –

это наименование принадлежит узколищному человеку; высказывание трехлетнего ребенка: «У нас родился кукань, у него большой бугыль» - стало его «визитной карточкой» (где кукань «теленочек», а бугыль – обычно используется в сочетании син бугыль – «глазное яблоко»); мун, мун, три рубля (где мун «иди») – постоянные обращения к соседям любителя выпить с просьбой занять три рубля привели к появлению вышеуказанного онима – ярлыка; горох юр (где юр «голова») – так называют человека, обладающего маленькой головой.

По-видимому, к «гибридным» можно отнести и так называемые смысловые корреляты: отец – так называют сына, отец которого носит коми прозвище батъё «отец, батя» (при обращении); гоп «яма с водой, лужа» – так именуют мужчину, отца которого звали океан. «Гибридными» мы также считаем онимы, которые созданы на базе семантических калек и полукалек с фамилий (они в основном встречаются в молодежной среде): пельсь «рыбина» - прозвище принадлежит носителю фамилии Рябинин, а мёс «корова» - человеку по фамилии Коровин; одна из школьниц носит прозвище Редькина, оформленное как искусственная фамилия и являющееся полукалькой с ее настоящей фамилии Кушманова (коми кушман «редька»). По той же модели созданы онимы Ложкина < Панюкова (коми пань «ложка»), Ножиков < Пуртов (коми пурт «нож»). Как мы видим, в этих парах обозначающие выступают в роли «ассоциантов» из одного ассоциативного поля и отражают родо-видовые, видовые или метонимические отношения [Гридина 1996а: 53].

Один из приемов языковой игры с именами собственными заключается в том, что к основам фамилий или к их начальным частям присоединяются финальные компоненты, напоминающие иноязычные «суффиксы», в связи с чем полученные искусственные именованья как бы изменяют свою национально-культурную специфику и приобретают «иностраннный» колорит: Злобина становится Злобинелли, Павловская – Павлоччи, Ядомыкова – Ядомо, Брижань – Бриджит, Андреева – Андре, Родченко – Родчена, Раевская – Раис (ср. Таис Афинская).

Иногда школьники «играют» с иностранными словами, создавая таким образом дополнительные именованья для своих сверстников: биг (англ. big «большой») – это прозвище закрепи-

лось за высоким юношей крепкого телосложения; *нигер* (амер. *niger* «негр») – так называют очень смуглого старшеклассника; *Ю* (англ. *you* «ты») – данный оным принадлежит старшекласснице, часто употребляющей в своей речи местоимение «ты»; *киндер* (> нем. *Kind* «ребенок»).

Таким образом, в процессе создания современных прозвищ РК в условиях взаимодействия языков значимыми оказываются национальные, социальные и личностные характеристики как субъектов, так и объектов номинации. В актах имятворчества оказываются задействованными как «формальный, так и семантизированный коды языковой игры» [Гридина 1996б: 65].

Литература

Айбабина Е.А. Некоторые особенности лексической и лексико-семантической интерференции в русской речи носителей коми языка. - Сыктывкар, 1985.

Айбабина Е.А. Некоторые особенности морфологической адаптации русских лексических заимствований в коми языке //Грамматика и лексикография коми языка. - Сыктывкар, 1989.

Гридина Т.А. Имена собственные как база языковой игры (На материале отфамильных прозвищ в речи школьников) //Русский язык в школе - М., 1996. №5.

Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. – Екатеринбург, 1996.

Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Словарь фамилий. - Нижний Новгород, 1997.

Жлуктенко Ю.А. Лингвистические аспекты двуязычия. -Киев, 1974.

Игушев Е.А. Русские заимствования в ижемском диалекте коми языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Тарту, 1973.

Кондакова М.Ф. Языковые контакты и их типы // Лингвистика: Бюлл. Ур. лингв. общества. - Екатеринбург, 2002. Т. 8.

Молчанова Г.Г. Имя собственное и слияние концептов (К основаниям когнитивной стилистики) // Традиционные проблемы языкознания в свете новых парадигм знания. - М., 2000.

Подоптелов В.П., Фаузер В.В., Жеребцов И.Л. Население Республики Коми на рубеже веков: исторический опыт и перспективы развития // XXI век: взаимодействие языков и культур (бесконфликтное существование). - Сыктывкар, 1999.

Прохоров Ю.Е. Социокультурные стереотипы речевого общения и их реализация вне языковой среды: теоретические и методические ас-

пекты // XXI век: взаимодействие языков и культур (бесконфликтное существование). - Сыктывкар, 1999.

Розенцвейг В.Ю. О языковых контактах // Вопросы языкознания. - М., 1963, №1.

Сергеенко Э.С. Лексические заимствования из коми языка в антропонимике севернорусских говоров//Севернорусские говоры в иноязычном окружении. - Сыктывкар, 1986.

Тепляшина Т.И. Антропонимические модели пермских языков. - М., 1978.

English-russian dictionary (Мюллер В.К. Англо-русский словарь). - М., 1989.

Коми-роч кывчукӧр (Коми-русский словарь) /Отв. ред. Л.М. Безноскова. - Сыктывкар, 2000.

© Волкова Н.И., 2004

**Е.В. Галигузова
Екатеринбург**

К вопросу о польской языковой картине мира: характеристика некоторых лексических групп

Принимая во внимание как лексическую, так и структурно-грамматическую близость русского и польского языков, длительный период теснейших контактов наших культур, который способствовал активным заимствованиям русским языком из польского и наоборот, необходимо, тем не менее, отметить наличие ряда языковых явлений, в частности лексических групп в польском языке, которым нет прямого соответствия в русском и которые позволяют выявить специфику польского национального образа мира и места человека в нем.

Так, характерной чертой польского, как и любого другого языка, являются особенности его перформативных жанров, этикетные формулы обращения к собеседнику. Вежливой формой обращения, соответствующей русскому обращению на «Вы» к одному лицу будет обращение *Pan, Pani, Państwo* и форма 3 лица единственного числа (для *Pan, Pani*) или 3 лица множественного числа глагола (для *Państwo*), что несколько отстраняет собеседника, создает уважительную дистанцию и роднит польский с другими европейскими языками (итальянским и немецким). Ср.: *Jak Pan ma na imię?* – Как Вас зовут?; *Niech Pani*

proszeka chwilczkę (буквально: Пусть госпожа подождет минутку) – *Подождите минуту*.

С другой стороны, в ситуации обращения к незнакомому неличному адресату (например, в жанре инструкций, рекомендаций, рецептов, правил), когда в русском языке используются инфинитивные конструкции типа «Нажать», «Взять» или форма обращения на «Вы» и глагол в форме 2 лица множественного числа («напишите», «возьмите»), в польском языке предпочтительной оказывается форма обращения на «ты»: например, инструкции в телефонах-автоматах, на почте, в гостиницах, в банкоматах: «*Włóż kartę*», «*wybierz numer*». Таким парадоксальным образом польский речевой этикет отличается от русского и большей уважительностью к собеседнику, и большей демократичностью в ситуации опосредованного общения.

Опираясь на утверждение А.А.Леонтьева о том, что «язык есть система ориентиров, необходимая для деятельности в этом вещном и социальном, одним словом – предметном, мире» [Леонтьев 1997: 272], мы предполагаем, что национальные особенности системы ценностей и понимания места человека в мире находят отражение в языке, в таких его лексических группах, которые вербально отражают ментальную оппозицию «свои-чужие», называют свой и другие этносы, свою и другие национальные культуры.

Анализируя польскую лексику со значением степеней родства, семейных отношений, мы обнаруживаем, что польский язык точнее и детальнее номинирует степени родства. Например, для обозначения дяди существуют два слова: *wuj* – брат матери, и *stryj* – брат отца. Помимо этого, кроме имеющих в русском эквиваленты названий двоюродных братьев и сестер – *kuzyn*, *kuzynka* – существует детальное обозначение: *wujeczny brat*, *wujeczna siostra* (двоюродный брат и двоюродная сестра со стороны матери) и *stryjeczny brat*, *stryjeczna siostra* (со стороны отца), а также лексемы *wujenka* – тетка, жена брата матери, *stryjenka* – тетка со стороны отца. Племянники тоже имеют несколько наименований: *siopstrzeniec*, *siostrzenica* (сын сестры, дочь сестры соответственно) и *brataniec*, *bratanica* (племянники по брату). С другой стороны, русским «свекор», «свекровь» и «тесть», «теща» соответствует по одной лексеме – *teść* и *teściowa*. Инте-

ресно также, что существует понятие «*synostwo*» – 1. Кровная связь между сыном и отцом, матерью. 2. Сын с женой, а внутренняя форма для обозначения невестки, которая в русской этимологии возводится к значению «невеста кто, пришедшая, вошедшая в семью», в польском обнаруживает родственные узы: «*synowa*».

Существует также многочисленная группа лексем, обозначающих супружеские пары, родственников с продуктивным элементом *-ostwo-*, *-stwo-*, не имеющих эквивалентов в русском: *rodzeństwo* (братья и сестры), *wujostwo* (дядя с женой), *stryjostwo* (дядя по отцу с женой), *synostwo* (сын с женой), *Adamostwo* (Адам с женой), *profesorostwo* (профессор с женой), *marszałkostwo* (маршал с женой), *ambasadorstwo* (посол с супругой). В разговорном польском языке функционирует продуктивная модель с формантом *-owie-*, которая образует наименования супружеских пар исключительно от собственных имен, причем как от полной, так и от уменьшительной форм: *Adamowie* – Адам с женой, *Stasiowie* – Стась с женой, *Staszkowie* – Сташек с женой.

Даже беглый обзор этой лексической группы дает основания полагать, что в польской культуре, отраженной в языке, культ семьи и семейных, родственных связей значительно сильнее, чем в русской.

Заслуживает особого внимания также и лексика, обозначающая людей разных национальностей. Помимо того, что в языке, особенно во фразеологии, проявляются национально-культурные стереотипы взаимовосприятия разных этносов, наличие или отсутствие слов, характеризующих национальные черты, культуру, их частотность может многое сообщить о важнейшей в любой культуре оппозиции «свои - чужие», о степени ее осознания культурой и о существенных принципах восприятия других этносов.

В польском языке, что характерно, названия национальностей пишутся с заглавной буквы. Но кроме этого существуют слова, не имеющие эквивалентов в русском. Например, продуктивная модель с суффиксом *-szczyzn-* используется для обозначения 1. Всего, что относится к тому или иному этносу, культуры, обычаев. 2. Язык того или иного этноса: *polszczyzna*,

angielszczyzna, niemczyzna, francuszczyzna, włoszczyzna (все польское, английское, немецкое, французское, итальянское): *mówić piękną włoszczyzną* - говорить на отличном итальянском. Тогда как русские сходные лексемы *немецчина, туретчина* воспринимаются, во-первых, как устаревшие, а во-вторых, носят явно сниженный, чаще неодобрительный оттенок.

Наименования национальных черт характера также обозначаются в польском специальными лексемами – *polskość, niemieckość* – польский, немецкий характер чего-либо или кого-либо, тогда как русские эквиваленты («польскость») возможны, но воспринимаются скорее как окказиональные.

Интересно отметить, что для обозначения людей, недоброжелательно относящихся, например, ко всему польскому или еврейскому, в польском языке существуют как лексемы с международными корневыми элементами (*polonofob*), так и собственно польские слова: *polakożerca, polakożerstwo* (ненависть ко всему польскому), *zydożerstwo* (ср. *ludożerca* – людоед). Примечательно, что существуют лексемы, причем не помеченные, как жаргонные, негативно характеризующие человека по его национальности: *Francuzka* – француженка, *Francuzica* – неодобрительное наименование.

В польском языке также есть и особые лексемы, называющие все, что относится к полякам за пределами родины: *Polonia* – все поляки, живущие за границами Польши, польская диаспора, эмиграция, колония за рубежом; *polonica* – публикации (документы), касающиеся Польши и (или) написанные на польском языке; *polonijny* – поддерживающий поляков вне Польши. В русской культуре нет лексических соответствий этим понятиям, кроме заимствованных из польского языка, как нет и заботы о сохранении традиций и культуры в среде русских поселенцев в чужих краях (кроме их собственной инициативы). Также в русском языке нет лексем для выражения понятий «житель окраины, пограничной области» - соответствий польскому *kresowiak, kresowiec, kresowianka*, тогда как в польском эта лексема широкоупотребительна с явными положительными коннотациями: “*To są imprezy dla naszych kresowiaków*”, “*jeździć na kresy*” («Это мероприятия для жителей приграничных с нами

областей», «выезжать в приграничные области, обычно на Украину, в Беларусь, в Литву»).

Наличие значительного количества лексем, характеризующих человека с точки зрения его национальных и родственных связей, показывает, что эти составляющие личности важны для польского менталитета, являют собой его ценности. Важен индивидуум в его связях с окружающими людьми – родными, соотечественниками. Кроме того, для Польши и польской культуры особо значимы поляки, проживающие за пределами исторической родины – Польша в этом плане одна из очень немногих стран, проявляющих интерес к своим землякам и их потомкам за границей и активное участие в поддержании и возрождении их национального самоопределения. Интересные выводы в своих наблюдениях над польским образом мира делает Г.Гачев: «В Польском Логосе Единичное равномошно Всеобщему, часть равна целому. Отсюда – неважность счетности и количественности <...>, а важность качества. В Российском Логосе же Единица = ноль, а важны Все, Много, Большое, Большинство. Здесь даже напротив: полная незначимость единичности и ее утопление в субстанции Целого» [Гачев 2003: 90]. Пытаясь анализировать и сопоставлять польскую и русскую шкалы ценностей, Гачев приходит к неоднозначным, но заслуживающим внимания выводам о приоритете индивидуалистического принципа определения места человека в мире в польском менталитете в отличие от соборного, коллективистского в русском сознании. Учитывая аккумуляцию в языке особенностей национального менталитета, необходимо отметить, что на подобные же выводы об особенностях польского образа мира наталкивает нас и анализ чисто языкового материала.

Литература

- Леонтьев. А.А. Основы психолингвистики. - М., 1997.
Гачев Г. Национальные образы мира. Соседи России. Польша. - М., 2003.

© Галигузова Е.В., 2004

**К.И. Демидова
Екатеринбург**

**Региональные особенности языковых способов
категоризации действительности
(на материале русских говоров Среднего Урала)**

Как известно, в языке отражается определенное видение мира носителями того или иного языка, поэтому последний выступает как выразитель особой национальной ментальности. С точки зрения ряда исследователей, ментальность – это мировосприятие в категориях и формах родного языка, которые соединяют в себе интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях.

Концепт – фрагмент объективной действительности, который репрезентируется в языке. Следовательно, языковая картина мира – это способ репрезентации в языке концептов объективной действительности, поэтому языковую картину мира можно рассматривать как способ репрезентации концептуальной картины мира в языке.

В последнее десятилетие языковая картина мира изучается во многих аспектах, в меньшей мере рассматривается региональный аспект. А между тем существуют различия в мировосприятии у людей и социумов, говорящих на одном и том же языке, но живущих на разной территории его функционирования. Нам представляется правильной концепция профессора Апресяна, согласно которой языковая картина мира отражает множественность подходов к выражению одного и того же смысла. Существует комплекс факторов, влияющих на характер видения окружающей действительности социумом определенной территории, что и обуславливает региональные особенности способов языковой категоризации объективной действительности.

Цель статьи – рассмотреть некоторые языковые способы конкретизации действительности и факторы, влияющие на них, на материале среднеуральских говоров.

Как показывают наши многолетние наблюдения, существуют различия в мировосприятии у людей и целых социумов, говорящих на одном и том же русском языке, но живущих не в

одинаковых климатических, социальных, культурных, исторических и лингвистических условиях.

Известно, что образность – отличительная черта мировидения диалектоносителей. Поэтому уральские диалектоносители в процессе номинации широко использовали и используют метафорические модели для «постижения, представления и оценки действительности» (Чудинов А.П.). Это можно подтвердить анализом различных семантических общностей, функционирующих в говорах уральской территории. Например, созвездие Большой Медведицы в некоторых говорах Среднего Урала называют словом *коромысло* (новый для диалектоносителей предмет назван через образ реального, знакомого с детства крестьянского предмета). При этом используются разные типы метафорической модели: антропоморфная (в ее основе лежит окружающий человека мир вещей и предметов), зооморфная (в ее основе лежит окружающий человека животный мир, в том числе и уральской территории), фитоморфная (в основе лежит окружающий человека растительный мир). Примеры антропоморфной модели метафорического осмысления действительности: *коврига* «островок на реке», *кудри* «печенье-хворост», *вдова*, *вдовушка* «название игры: у носителей диалекта игрок, являющийся ведущим и не имеющий пары, ассоциировался с тем, кто лишился своего супруга и остался один». В других среднеуральских микросистемах наименование той же игры – *золотые воротаца*, которое мотивировано другими ассоциациями социума: каждая пара игроков со сцепленными и поднятыми вверх руками ассоциируется с воротами, через которые проходит ведущий. Конкретный характер реализации антропоморфной модели на разной территории неодинаковый, что объясняет региональные особенности конкретизации объективной действительности.

Наиболее продуктивной в говорах Среднего Урала является бытийная метафора, в основе которой лежат ассоциативные связи уральского социума с реалиями его быта. См. приведенное выше слово *коромысло*, а также названия камней на реках Урала: *Печка*, *Столбы*, *Коврижка* и многие другие и в иных семантических общностях.

Приведем примеры использования фитоморфной модели метафорического представления окружающей социум действи-

тельности: *жёлудь* «плод картофеля», *орехи, орешки* «маленькие круглые изделия из сдобного теста», *клуша* «неопрятная, растрепанная женщина» и другие.

Нередко слова в том или ином диалекте образованы по общенародной словообразовательной модели, но наполняемость последней связана с фитоморфной моделью, в основе которой лежит окружающий социум растительный мир. Например, в одних микросистемах Среднего Урала *опенница* «суп из опят», в других *обабница* «суп из обабков», в третьих *грибница* «суп из любых грибов» и т.д.

Примеры слов, образованных на основе зооморфной модели: *рябчик* «жареный картофель» (внешнее сходство с птицей), *кабан* «вид укладки снопов», *жаба* «болезнь горла и зева», *рогулька* «пирожки в форме рога»; *лебедчина* «игра-ручеек» (ведущий ассоциируется с птицей, ищущей себе пару), *олень* «игра, в которой водящий садится на стул, а другие участники ходят, поют, одевают на него свои платки и другие вещи; он дает задание каждому игроку; кто его выполнит, получает свою вещь» (возможно, у диалектоносителей собирающий вещи ассоциируется с оленем, который собирает листья на рога).

Некоторые названия реалий окружающего уральцев денотативного пространства созданы на основе сочетания антропоморфной и зооморфной модели. Например, *утки-охотники* – название игры, в которой одни участники, как охотники (антропоморфная модель), пытаются попасть мячом в других игроков, которые, в свою очередь, как утки (зооморфная модель) стараются увернуться от преследующих уток. Указанные метафорические модели являются общеязыковыми универсалиями: они имеют место во многих языках, а также и в диалектах как формах территориальной реализации национальной системы. Но характер их использования неодинаков, в частности в говорах Среднего Урала. Согласно концепции Р.И. Аванесова и В.Г. Орловой о диалектном членении русского языка, уральские говоры – это макросистема, включающая несколько микросистем, имеющих как общие черты, так и отличные, и это объясняет наличие в диалектах различий как плана выражения, так и плана содержания, что связано прежде всего с тем, что образная номинация окружающего диалектоносителей пространства в

разных микросистемах осуществляется неодинаково. Так, например, для названия общенациональной русской игры *ручѣёк* диалектные уральские социумы выбрали неодинаковые метафорические модели: в говорах Слободо-Туринского района по зооморфной модели создано слова *лебедчина*, в говорах Тугулымского, Камышловского районов использована антропоморфная модель при образовании слов *вдова*, *вдовушка*. В микросистемах Ирбитского, Каменского районов социум тоже использовал антропоморфную модель и создал наименование *золотые воротца*, которое объясняется другими ассоциативными связями номинаторов: каждая пара игроков со сцепленными и поднятыми руками ассоциировалась у них с воротами, через которые проходит ведущий. Подобный материал говорит о том, что существуют особенности восприятия окружающего пространства сельскими жителями диалектного уральского континуума, особенности в характере образной номинации в разных микросистемах, в степени продуктивности тех или других метафорических моделей на конкретной территории Урала. Более детальное исследование этого богатейшего материала еще предстоит диалектологам региона и других территорий функционирования русского языка.

Образно-эмоциональное мышление -- характерная черта диалектов вообще и среднеуральских в частности. Но характер реализации эмоционального восприятия действительности и ее концептов неодинаков на разной территории функционирования русского языка, в том числе и на Среднем Урале. Этим можно объяснить функционирование в одних говорах эмоционально окрашенных слов типа *сдобулька*, *сдобушка* – «булочка из сдобного теста», *колябушка* «кусоч хлеба», в других – соответственно *сдоба*, *серѣдка* и под.

Нами неоднократно отмечалось, что особенности восприятия окружающего мира диалектоносителями проявляются и в том, что в процессе наименования номинаторы обращают внимание на неодинаковые признаки реалии, что говорит о различиях в психической, образно-эмоциональной сфере социумов разной уральской территории. Например, слово *селянка* в разных говорах Среднего Урала обозначает кушанье, которое готовят селяне, т.е. в основе названия лежит такой принцип номина-

ции, как «кто готовит». Но на реализацию этого языкового принципа в разных среднеуральских микросистемах влияют многие факторы: образ и уклад жизни, особенности быта и традиций социума региона, поэтому в одних микросистемах *селянка* – это «овощная жидкая похлебка» (Байк., Тур., Туг.)*, в других – «овощная запеканка» (Камышл., Кр.-Ур., Петр., Тал.), в третьих – «запеканка из взбитых с молоком или сметаной яиц» (Камен., Сукс.), в четвертых – «сладкая, большая ватрушка» (С.-Лог., Таб., Асб.). Слово *колобки* тоже имеет неодинаковую денотативную соотнесенность в разных среднеуральских говорах: «фрикадельки мясные, рыбные, капустные или из теста, их варят в воде и едят с луком, горчицей, сметаной и т.п.» (Верхот., Гар., Камен., Н.-Серг., Туг. и др.) «только клёцки» (Перв., Петр. и др.), «суп с фрикадельками» (Н.-Серг., Перв.), «оладьи, испеченные в ямчатой сковороде» (Зайк., Сл.-Тур.). Слово *кокорка*, чаще в форме множ. ч. *кокóрки* имеет неодинаковую смысловую структуру в микросистемах Уральского региона: «ком, комья грязи» (В.-Тавд.), то же значение + «криночный творог» (Бел., Ирб., Реж.); «ком, комья грязи» + «различная выпечка» (Байк.); «криночный творог» + «замороженная пасха, приготовленная из сладкого творога» (Алап., Берёз., Бутк.); «замороженная пасха из сладкого творога» (Асб., Камышл., Копт., С.-Лог.); «криночный творог» (Алап., Арт., Нев., Н.-Тур., Саж., Сл.-Тур., Туг., Шадр.), «различная выпечка» (Богд., Верхотур.). Заметим, что в одних случаях значения связаны между собой, в других эта связь может быть установлена на уровне макросистемы (см. значения у слова *кокорки* – «различная выпечка» и «криночный творог», «различная выпечка» и «комья грязи»), что лишний раз говорит о плодотворности использования при изучении этого материала концепции Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой о диалектном членении русского языка, о взаимодействии диалектных микро- и макросистем. К различиям плана содержания по диалектам уральской территории приводят и особенности ду-

* Здесь и в дальнейшем сокращения названий районов Среднего Урала те же, что в Словаре русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1964.

ховной жизни социума территории. Например, среди факторов, влияющих на территориальное варьирование названий игр на Среднем Урале, и такой, как некоторые особенности концепта. Например, игра в «догонялки» в одном селе Тугулымского района называется словом *ловилки* (по действию, осуществляемому во время игры), в другом – *белки-охотники* (охотник ловит белок; если охотник догонит белку, не успевшую залезть на дерево, она становится охотником; одни участники игры убегают от своих преследователей, поэтому они называются *белками* (зооморфная модель), *охотники* стараются догнать убегающих (антропоморфная модель). Новый элемент игры – залезание на дерево. Или еще пример. В одних говорах Среднего Урала слово *ключник* называет тысяцкого на свадьбе, обычно крестного отца невесты (Манч., С.), в других это слово называет «ответственное лицо на свадьбе, обязанность которого нести шлейф невесты» (Богд., Н.-Таг., Шал.).

Различия в денотативной соотнесенности одинаковых по звуковой оболочке слов в окружающем диалектоносителе мире зависят также от различий в хозяйственной деятельности социумов Среднеуральской территории. Например, слово *колодка* в одних говорах обозначает «деревянный брус, который устанавливают на санях при перевозке тяжелых бревен» (Зайк., Богд., Гар., Ивд., Камышл., Нев., Н.-Тур.): в хозяйствах указанных территорий хорошо развито лесное дело; в других говорах – «деревянный чурбан, используемый в домашнем хозяйстве: на нем рубят дрова, колотят лен, оттачивают косу и т.п. (Байк., Камен., Копт.); часть ручной мельницы, к которой прикрепляется рукоять, приводящая в движении жёрнов» (Н.-Тавд.), «деревянная крестовина, надеваемая на шею козы, поросенка для того, чтобы они не забирались в огород» (Сл.-Тур.).

Одним из факторов, определяющих региональные особенности языковых способов категоризации действительности на Среднем Урале, являются неодинаковые природные условия и связанные с ними различия в хозяйственной деятельности социума. См. пример выше (*колодка*), а также: ср. слова, употребляющиеся в разных уральских микросистемах типа: *опенница* «суп из опят», *оба́бница* «суп из обабков», *груздянка* «суп из груздей», *грибница* «суп из любых грибов».

См. также слова типа *кляпы* «ловушка для горностая» (Таб., Перм.), *капканье* «капканы для лисы» (Таб.) и под. Неслучайно, что эти слова функционируют в говорах северной территории Среднего Урала.

Основные принципы семантической мотивации наименований одни и те же в разных русских говорах, в том числе и в говорах Среднего Урала. Но выбор конкретных принципов и способов мотивации названия в разных микросистемах уральского континуума не всегда одинаков, что связано с различиями в восприятии окружающего пространства, в способах мировидения носителями диалекта. Поэтому в разных говорах Среднего Урала для названия жареного картофеля употребляются слова *жа́ренки*, *жа́рёха* (принцип номинации – «характер приготовления»), при этом в разных говорах выбраны неодинаковые словообразовательные модели: *глагол + ен + к + и*; *глагол + ёх + а*); *карто́вница* (принцип номинации – «основной продукт приготовления»), *ря́бчик* (способ номинации – «внешнее сходство с птицей»). И это также определяет региональные особенности языковой категоризации действительности на Среднем Урале.

Вариантность лексических единиц богато представлена как в макросистемах уральских говоров, так и в ее микросистемах, что объясняется прежде всего разнодиалектным и разноязыковым составом населения региона, связанным с историей его заселения. Это создавало лингвистические условия иной языковой категоризации действительности, чем в других русских говорах, так как перед диалектным социумом стояла проблема выбора, и она решалась по-разному в разных микросистемах Среднего Урала. Например, в макросистеме для названия ягоды голубика существуют варианты: *голубя́на* (слово заимствовано из вятских говоров), *голуби́ца* (заимствование из новг., олон., ленингр. говоров), *голубика* (общенародное слово). Или: *земляника* (общенародное слово), *земляна* (вят.), *землянига* (вят., новг., моск., влад., костром., твер.)*, *землянка* (иван., пенз.) и т.д. В конкретной микросистеме функционируют далеко не все.

* Здесь и в дальнейшем сокращения даются по «Словарю русских народных говоров» под ред. Ф. П. Филина, вып. 1-33.

Нередко вариантность по микросистемам связана с различным освоением в конкретном говоре заимствованного из языков аборигенов края слова. Этим можно объяснить, например, характер финно-угорского слова *пельмень* (пель – «ухо», нянь – «хлеб») в разных говорах Среднего Урала: *пельмяне* (Ирб., Тал., Махн.), *пермени* (Бутк., С.-Лог, Сл.-Тур.), *пельмяшки* (Тал., Серов., Махн., Ивд., Перв.), *перемени* (В.-Салд.), *пельяны* (Ю.-З., Сукс., Кр.-Ур.). Необходимо отметить и разные исторические связи социумов уральской территории с другими русскими социумами и этносами. Поэтому, например, в среднеуральских микросистемах для названия дремучего леса используются разные языковые единицы: *глушь*, *глухота* (д. Калиновка, Кр.-Ур.), *урёма* (д. Поползуха, Арт.), *трещоба* (д. Корзуновка, Ачит.).

Еще одной причиной региональных особенностей языковых способов категоризации действительности уральским социумом является неодинаковый в разных системах выбор из общенациональной системы моделей для наименования. Например, для названия поваленного бурей леса в одних уральских говорах употребляется слово *бурья'н* (от слова *бур-я* + суффикс *-ян*), в других – *бурелом* (от слов *бур-я* + *ломать* + соединительная гласная *е*), в третьих – *буреломник* (от *бур-я* + *лом-ать* + суффикс *-ник*), в четвертых – *слóмок* (от глагола *слом-ать* + суффикс *-ок*). Ср. также: *глазóвка*, *глазы'рка*, *глазунья*; *арендатель*, *арендовщик*, *арендатор* и под.

В уральских говорах, как правило, оторванных от материнских говоров, происходили и происходят внутрисистемные изменения, что отличает способы языковой категоризации действительности в уральских говорах по сравнению с другими русскими говорами. Например, наблюдаются различия в протекании общезыковых процессов на территории Среднего Урала. Так, процесс семантического отталкивания в разных говорах Урала охватывает неодинаковые группы слов, что приводит к отличиям в лексике говоров. Например, в некоторых уральских говорах слова *кокорки* и *творог* не различаются по значению; в других – слово *кокорки* обозначает только что сваренный творог, а слово *творог* называет любой другой, что явилось следствием процесса семантического отталкивания в говорах второго

типа. Неодинаково в уральских говорах проявляется и общеязыковой принцип экономии языковых усилий, что также приводит к неодинаковым средствам наименований одних и тех же реалий в разных говорах: ср., например, *вязанка* – вязаная варежка; *носовик* – носовой платок; *висячка* – висячий замок и т.д.

Таким образом, существуют региональные особенности языковой категоризации действительности, связанные со многими факторами: лингвистическими (характер протекания общеязыковых процессов, связь между компонентами лексико-семантической системы конкретного говора, характер заимствования и т.д.), психолингвистическими (особенности восприятия окружающей действительности и ее концептов, проблема выбора мотивировочного признака при наименовании, общенародной метафорической и словообразовательной модели и под.), культурно-социальными (особенности духовной жизни социумов, их связь с другими социумами и этносами и др.), социально-историческими (характер образования социума), природными и климатическими условиями региона. Они рассмотрены в статье отдельно, однако в конкретной языковой среде эти факторы, как правило, взаимодействуют, что может быть предметом специального рассмотрения.

© Демидова К.И., 2004

Т.И.Ерофеева, Ф.Л.Скитова
Пермь

**«Семейный идиолект»: о формировании идиолексикона
в диалектных условиях**

... Литературный язык меньше сам создает, чем берет созданное жизнью, а языковая жизнь бьется и кипит главным образом в разговорном языке отдельных человеческих группировок.

Л.В. Щерба

Интерес к личностному аспекту изучения языка является сегодня приоритетным не только в лингвистике, но и в социологии, философии, педагогике и других науках.

Однако еще в 20-30-е гг. в ряде лингвистических работ уделяется внимание проблемам предназначения и функционирования языка. Так, М.Н. Петерсон в своей статье «Язык как социальное явление» определяет главнейшую из функций языка – «служить средством общения между людьми» [Петерсон 1929: 11]. Он призывает изучать язык как социальное явление. Г.О.Винокур считает, что «язык есть, прежде всего, средство социального общения и понимания. Язык, для того, чтобы быть языком, должен быть понятен, по крайней мере, двум индивидуумам» [Винокур 1929: 23]. Автор предлагает различать две лингвистики: статическую, изучающую язык в его системе, и историческую, изучающую язык как реальный факт социальной жизни. В научном аппарате второй лингвистики особое внимание уделяется акту индивидуальной речи, понимаемому как акт речи одного человека и как говорение «группы особей», например, семьи.

Семья образует базовые условия функционирования социума. Это «основанная на браке...**малая группа** (выделение наше – Е., С.), члены которой связаны общностью быта, взаимной помощью, моральной и правовой ответственностью [БЭС 1997: 1082].

В нашем случае изучается семья, состоящая из трех поколений. Старшее поколение представляет свекровь главы семьи, 1928 года рождения. Образование – 6 классов и курсы счетоводов. По характеру – добрая, приветливая покладистая, общительная. Пользуется уважением у окружающих. С ней приятно беседовать. Ее речь насыщена местными диалектными словами, изобилует меткими выражениями, включает фразеологические обороты. Информант знает много пословиц и поговорок. Ср. отрывки из речи Марии Степановны: Да хорошо ведь, Нина, платье-то. Вон **сколь ба'ссенько**. // Ой, а раньше-то... Надевать-то **не'чѐ** было **ладом**. У нас **чѐ**, у мамы было **четвѐ'ро**, а мы **чѐ**, **не в угол рожей**, не хуже никого...**Мало-малко сре'дишша**, все равно – бежишь. // А **чѐ**. Клуба не было. А **мо'лодежи** было много в деревне. К нам в Паньки из чужих **деревѐн** ходили, вон из Посада, из Расох. Собирались **в ограде** у Катьки Грузель. Ой, как весело, песни **по всей ноче'** пели. А нынче молодежь, они ведь невеселые. Ой, раньше **шибко** весело

было, жили бедно, но было весело. // Полно видела, **дак** это ска-
зывает, у ее **сестре'ницы** **девка** **взамуж** вышла. А мужика-то
взяла **маломальенького**. **Нок** **чѐ**, **мал** **мужичок** – да **огоро-**
дишко. Поговорка ведь старинная. **Не век** же ей одной **жить**.

Среднее поколение – глава семьи и его жена, оба 1947 года
рождения. Имеют высшее образование.

Муж, инженер-механик, работает главным энергетиком пти-
цефабрики. По характеру деловой, предприимчивый, твердый,
жесткий, отличный организатор. В семейных беседах прост, от-
крыт, обладает чувством юмора, любит подшучивать над чле-
нами семьи, придумывает меткие слова и выражения (в речевых
отрезках подчеркнуты курсивом).

Отрывки из его речи: Хватит вам **ерепе'ниться**. **Ня'мать-то**
скоро будем? Да. И огласите все меню. // Сережка, иди **жу'жей**
проверь, летают, нет, меня **сѣдня** одна **куснула**. // Завари **фа-**
мильного [чая] **две ложки с горошком...** Достань кружку из **пе-**
нала, **ты на ходу**. А кто край кружки **скуснул**? К **ей** Светка
пришла.

Жена главы семьи работает учителем русского языка и лите-
ратуры и по роду деятельности имеет отношение к культуре ре-
чи. Находясь в домашней обстановке, прибегает к использо-
ванию локальных элементов. Иногда употребляет слова и выра-
жения, которые слышала в детстве от своей бабушки. Отрывки
из речи Нины Ивановны: Сходи на **улочку**, подыши, песику **за-**
однем вынеси [поесть] // Ну давай, садись **ски**, а мы с бабушкой
стряпать будем... Катюша, **сочни** давай! // **Чѐ** это ты тут **на-**
колбасила, **колобков** наделала бы – и *нечего марѐну пороть...*
Мужики, **кажись**, идут. **Ничѐ**, щас посадим их **стряпать**, пусть
помогают. То **дак** не дозовешься, а то **дак** тут как тут. **Попе-**
рѣшнные. // Катя, тебе не попадались нитки черные? Все **пере-**
шерстила, ну как сквозь землю провалились.... Да ты не режь,
толчком растолки – и все.

Младшее поколение – дети: Сергей 29 лет, инженер-механик;
Екатерина 27 лет, филолог. Оба имеют высшее образование.

Сергей по характеру деловой, целеустремленный, предпри-
имчивый. Любит и уважает родителей. Его хобби – охота. В до-
машней обстановке – прост и раскован. Локальные элементы в
его речи присутствуют, за пределами дома – в меньшей степени.

в домашней среде – в большей. Отрывки из его речи: Куда **выпендрилась, шалюшку-то почё** натянула? Как бабушка стоишь. // Мама, не видела мою *треуголку*?... // Схожу с Валетиком прогуляюсь *на вечернюю зорьку*. Надо Валетику взять **чё-нибудь** для поощрения. Дома **ничё** не ест, в лесу такой **жоркий** делается... // Ты **чё**, Катька, **пакорукая** што ли, налить не можешь **толком**! // **Чё** **пойсь** есть?

Екатерина. По характеру сдержанная, уравновешенная, требовательная. Любит и уважает своих родителей, ценит домашний труд. На работе и в официальной обстановке старается не употреблять локализмы, однако в обиходной речи пользуется как локальными, так и «семейными» словечками. Будучи филологом, к культуре речи имеет прямое отношение. Отрывки из ее речи: Опять Семка пришел. **Чё орешь, чё** тебе надо? Молока напился. Давай иди, иди **на улку, айда**. // Папа, смотри **под ноги**, опять все *сборобондил*. Не можешь што ли ногами не **шебуршить**? // **Чё** пить будем, *фамильный* или кофе?

Анализ речевых отрезков членов семьи показывает, что локальные и просторечные единицы используются ими достаточно активно. В большей степени фиксируются в речи бабушки – 30 единиц на 96 словоупотреблений, т.е. 31%. 27% локализмов (13 единиц на 48% словоупотреблений) отмечено в речи Сергея, 25% (18 единиц на 72 словоупотребления) – в речи матери и 20% – в речи Екатерины и главы семейства. Как видим, % использования лексических локальных элементов колеблется в пределах от 30 до 20. Различия в обыденной речи между поколениями минимальны и математически **не существенны**, однако это подтверждает теоретическое положение Б.А. Ларина о «неком низком **общем** (выделение наше – Е., С.) разговорном языке» [Ларин 1928: 73] как об объективной данности, которое был выдвинуто им еще в 20-е гг. XX столетия. Изучение речевой коммуникации данной семьи велось и методом анкетирования. Анкета включала 181 локализм (слов и фразеологических сочетаний). Она была предложена каждому члену семьи с просьбой определить принадлежность локализма либо к известным, но не употребляемым в собственной речи, либо к разряду известных и употребляемых, либо незнакомых. Составим сводную таблицу.

Таблица

Частота владения локализмом, в %

Член семьи	Знание	Употребление	Незнание
Бабушка	90,6	84,7	9,4
Отец	92,3	53,6	7,7
Мать	94,0	39,8	6,0
Сын	87,8	50,8	12,2
Дочь	90,1	48,1	9,9

Сопоставительный анализ данных выявил целый ряд научно интересных фактов и положений. Одно из них касается синхронной динамики. Она проявляется в передаче из поколения в поколение речевых элементов: ср. данные колонок «знание» и «незнание». Вспомним в связи с этим высказывание Р.В. Пазухина, что «язык антиципируется способом перехвата потока и элементами ситуации, наблюдая акустическую деятельность посторонних на фоне определенных событий [Пазухин 1968: 63]. Полученные данные позволяют увидеть процесс порождения собственной речи поколений – ухода старого и появления нового. Представитель старшего поколения (бабушка) употребляет наибольшее количество локальных элементов. Более того, ее речь производит в целом впечатление диалектной речи. Среднее и младшее поколения практически не различаются по употреблению локализмов в речи. Исключение составляет только мать семьи, которая в силу опыта работы филологом и будучи носителем литературного языка использует в речи лишь 39,8% по анкетным данным, полученным методом интроспекции. Наблюдения показали, что к числу наиболее известных и употребляемых в речи всех членов семьи принадлежат локализмы, относящиеся к группе собственно лексических локализмов и фразеологизмов (**голбец, красноголовик, ограда, паут, стряпать, чушка** (подбородок); **ночь-полночь; не жить, не быть** и др).

Проведенное исследование позволяет говорить о реальности понятия «сельское просторечие», выявляя и реальных его носителей (напомним, что все члены семьи, кроме бабушки, имеют высшее филологическое / нефилологическое образование, а час-

тота использования локализмов в этом идиоме намного выше, чем в городском просторечии).

Как видим, рассмотрение локализмов в семейной речи жителей села является продуктивным не только в решении проблем «языкового существования», но и в изучении синхронной динамики этих единиц в речевой продукции разных поколений семьи.

Литература

Ларин Б.А. О лингвистическом изучении города // Русская речь. Вып. 3. - Л., 1928.

Пазухин Р.В. О месте языка в семиологической классификации // ВЯ. 1968. №3.

© Ерофеева Т.И., Скитова Ф.Л., 2004

А.Г. Жукова, Г.М. Мандрикова

Новосибирск

Интерпретация фразеологизмов как показатель специфики категоризации действительности в языковом сознании говорящих

Как известно, процесс категоризации основан на определенных представлениях о сходстве и различии объектов внешнего или внутреннего мира. Категоризация является неотъемлемой частью нашей повседневной языковой практики. В последнее время широкое распространение получили различного рода экспериментальные исследования, обращенные к языковому сознанию носителя языка и направленные на изучение разного рода связей между языком и мышлением. В качестве источника материала для исследования процессов категоризации объектов действительности, отнесения их к различным группам, классам может служить интерпретация языковых единиц носителями языка. Ее изучение, по словам А.Н.Ростовой, предполагает подход к интерпретации как к результату мыслительной операции, ориентированной на язык-объект. Таким результатом является знание, объективированное средствами языка [Ростова 2000].

Анализируя ответы информантов, мы часто сталкиваемся со случаями несовпадения представлений о значении единицы, которые демонстрируются в так называемых «дефектных» дефинициях (являющихся показателями языкового сознания наших

современников), с теми значениями, которые можно назвать конвенциональными (зафиксированными в соответствующих словарях). Работа с подобным материалом позволила говорить о таком явлении, как агнонимия, т.е. неизвестность, непонятность или недостаточная понятность носителями языка тех или иных лексических или фразеологических единиц. Одним из возможных направлений в исследовании агнонимии является изучение процесса категоризации, т.е. отнесения единицы-агнонима к тому или иному классу объектов. Такое отнесение соответствует 3-ему критерию агнонимичности по шкале В.В. Морковкина: «знаю, что слово обозначает нечто, относящееся к определенному классу предметов» [Морковкин, Морковкина 1997: 106]. Особый интерес представляет фразеологическая агнонимия, изучение которой, в отличие от лексической, по сути, только начинается. По отношению к фразеологическим единицам (ФЕ) процесс категоризации, вероятно, может выражаться в том, к какому именно фрагменту действительности (ситуации) относит носитель языка данную ФЕ.

Говоря о процессе категоризации агнонимичных ФЕ, необходимо иметь в виду процесс возникновения фразеологизма: существует некий фрагмент действительности, некая ситуация (прототипическая), которая должна быть вербализована, описана средствами языка, и это описание всегда есть метафорическое переосмысление ситуации. Закрепление связи между отрезком действительности и содержанием ФЕ в дальнейшем происходит в процессе языковой практики, и его результат впоследствии фиксируется в соответствующей словарной литературе. Современная языковая ситуация характеризуется тем, что «средний» носитель языка зачастую не осознает этой связи или осознает ее недостаточно. При «дефектной» интерпретации происходит как бы индивидуальное «восстановление» связи между языковой формой и фрагментом действительности/прототипической ситуацией.

Если обратиться к фразеологическим единицам, которые используются в речевой практике достаточно широко, то мы как будто вправе ожидать, что носители языка способны достаточно точно интерпретировать данную ФЕ применительно к обозначаемой ею ситуации. Другими словами, носитель языка, марки-

руя фрагмент действительности соответствующей ФЕ или интерпретируя ФЕ как характеризующую определенную ситуацию, осуществляет операцию категоризации. При этом человек выражает свое понимание сходства или различия.

Материалом для данной статьи послужили дефектные дефиниции фразеологизма *искать иголку в стоге сена*, полученные в ходе анкетирования абитуриентов. Из 100 опрошенных 73 информанта дали дефиниции, которые мы сочли возможным оценить как «дефектные».

Образец анкеты:

1. Знаком ли вам фразеологизм *искать иголку в стоге сена*?
 - а) понимаю его значение; б) встречал в речи, но не понимаю;
 - в) встречал в речи и понимаю; г) использую в своей речи.
2. Объясните, пожалуйста, его значение.
3. Напишите, по отношению к чему, к кому или в какой ситуации, по-вашему, может использоваться такое выражение.
4. Приведите пример (контекст) употребления фразеологизма (составьте с ним предложение).

Отметим, что все информанты на вопрос, знакома ли им данная единица, употребляют/встречают ли они ее в речи, ответили утвердительно. Большая часть ответов соответствует пунктам в) и г).

Полученные данные показывают, что большая часть «дефектных» дефиниций не являются индивидуальными, случайными, а легко поддаются типизации на основании тех представлений о значении данной ФЕ, которые в них реализуются.

Общая категориальная сема (архисема) фразеологизма *искать иголку в стоге сена* по данным фразеологических словарей может быть определена следующим образом: **«нельзя, невозможно найти, обнаружить, разыскать»** [Молотков 1978: 4]. Те интерпретации, которые мы получили, можно разделить на несколько групп на основании тех категориальных сем, которые актуализированы в ответах информантов. Таких категориальных сем нами было выделено четыре. Рассмотрим последовательно все группы.

Общая категориальная сема 1 – **«пытаться найти что-то мелкое в большом пространстве»**. Типичные ответы: *искать мелкую вещь в чем-то огромном, искать что-то очень малень-*

кое в чем-то очень большом, искать что-то среди много чего другого.

На наш взгляд, подобная интерпретация является следствием образного представления, возникающего в сознании носителя языка. Прототипическая ситуация, которая послужила основанием для возникновения данного фразеологизма, воспринимается носителем языка как вполне понятная. Однако очевидно, что подобные ответы показывают отличное от конвенционального представление. На наш взгляд, в сознании носителя языка происходит «смещение контуров» прототипической ситуации: при этом значение не абстрагируется от конкретного фрагмента действительности (как обычно происходит при возникновении ФЕ), а как бы возвращается к тому, что было положено в основу номинации — налицо буквальное прочтение образа-картинки. Данную прототипическую ситуацию можно описать как взаимодействие двух предметов — «маленькой иголки и огромного стога сена». Их сопоставление служит основанием для понимания образа.

Общая категориальная сема 2 — «**бесполезно тратить время**». Типичные ответы: *делать зря, тратить силы, мартышкин труд, пустая трата времени, бесполезная работа, пустое занятие, бесполезное занятие, делать что-то зря, заниматься бесполезной работой, которая не приносит плодов, заниматься напрасным делом, напрасно тратить время на невыполнимую задачу, заниматься бессмыслицей, работа, проделанная попусту.*

В отличие от предыдущей данная интерпретация складывается из следующего представления: поиск маленького предмета в большом пространстве видится как действие, не приносящее результата. В данном случае мы имеем дело, как кажется, также с попыткой буквального прочтения образа, заключенного в ФЕ. Тем не менее, степень «отхода» от прототипической ситуации здесь явно больше: уже не так важны конкретные предметы, внимание сосредоточивается на самом действии.

Общая категориальная сема 3 — «**находиться в безнадежной ситуации**». Типичные ответы: *безнадежная ситуация, безвыходное положение, иметь мало шансов сделать что-л., иметь мало шансов на удачный результат и под.*

По нашему мнению, здесь имеет место новое метафорическое переосмысление данной ФЕ. Отметим, что в анализируемой группе ответов нет сосредоточенности на отдельных компонентах ситуации -- предметах, обладающих определенными свойствами, или действии, связанном с этими предметами. Все компоненты данной ситуации принимаются во внимание, подвергаются анализу, на основании которого и делается вывод о безнадёжности всей ситуации в целом.

Общая категориальная сема 4 – «**делать невозможное**». Типичные ответы: *пытаться совершить невозможное, делать что-нибудь крайне сложное, практически невозможное, делать что-н. непосильное, выполнять невыполнимые задания, трудная и очень длительная работа.*

Появление такого понимания рассматриваемой ФЕ связано, как представляется, с актуализацией одного из компонентов конвенционального значения – «невозможно». Другими словами, действие «найти» заменяется действием вообще, и основная смысловая нагрузка ложится на первый компонент. В данном случае специфика категоризации заключается в том, что конкретная ситуация расширяется до более общей (родовой) ситуации – невозможно сделать, осуществить что-либо.

С другой стороны, на появление такого категориального значения могло оказать влияние употребление этой ФЕ в сравнительной конструкции типа «делать что-либо, все равно что, искать иголку в стоге сена». Можно предположить, что если данная ФЕ сохранится в активном употреблении, то скорее всего именно в этом значении. Как представляется, преобладание буквального прочтения образа-картинки носителями языка с большой степенью вероятности свидетельствует о «смерти» ФЕ, во всяком случае для современного языкового сознания, в то время как расширение ее значения продляет жизнь ФЕ, т.к. дает возможность применения ее к большему числу ситуаций, фрагментов действительности, что чрезвычайно «удобно» для носителя языка.

Помимо выделенных выше типичных интерпретаций в ответах встретились и индивидуальные прочтения: 1) «*разыскивать что-то давно потерянное или забытое в незнакомом месте*», 2) «*пытаться найти что-то очень редкое*». На наш взгляд, по-

добные интерпретации также показательны для исследователя, поскольку в них реализуются важные для интерпретатора представления, основанные на его жизненном опыте, здравом смысле, существующих в картине мира ценностных ориентациях и под. Так, иголку часто теряют и забывают, куда воткнули – типичная бытовая ситуация, иголки в сене не теряют – такие вещи вообще не связываются в сознании носителя языка, давшего ответ 2).

Анализ представленного материала позволяет сделать вывод о том, что интерпретация ФЕ носителями языка дает основания говорить о специфике процесса категоризации в случае фразеологической агнонии. При интерпретации одной и той же ФЕ носители языка относят ее к совершенно разным фрагментам действительности, подводя интерпретируемую ФЕ под разные категории. При этом на носителя языка оказывают влияние разные факторы, например, формальная и содержательная аналогии, ассоциативные связи различного рода, образное основание единицы, позволяющее осуществить вторичное метафорическое ее осмысление, возможность буквального прочтения фразеологизма и др.

Литература

Ростова А.Н. Стратегия толкования значений слов говорящими: обусловленность языковыми факторами и когнитивными способностями / Актуальные проблемы русистики. – Томск, 2000.

Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). – М., 1997.

Словари

Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молотова. – М., 1978.

Словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1999

© Жукова А.Г., Мандрикова Г.М., 2004

**Т.А. Зуева
Екатеринбург**

Основные ономаσιологические модели фразеологизмов-антропономинантов

В современной лингвистике наиболее актуальным является когнитивный подход к анализу фразеологических единиц (ФЕ).

согласно которому фразеологизмы рассматриваются как языковое явление, отражающее процесс познания человеком окружающего мира. Когнитивный подход к изучению языковых единиц (фразеологизмов) позволяет исследователю проникнуть в глубины языкового сознания народа, структурировать его определенным образом, используя когнитивно-лингвистические модели.

Обобщенным понятием, объединяющим все виды когнитивно-лингвистических моделей, является концепт. Под концептом обычно понимают совокупность представлений, ассоциаций, переживаний, которыми сопровождается тот или иной языковой знак (слово, фразеологизм и др.). По мнению Ю.С. Степанова, концепты не только мыслятся, но и чувствуются. В их смысловое содержание помимо собственно лингвистических составляющих включаются различные внеязыковые компоненты, отражающие фоновые знания носителей языка (их практический жизненный опыт, культурно-исторические традиции, систему социально-типичных позиций, оценок) [Степанов 1997]. Таким образом, концепты представляют собой основную ячейку культуры в ментальном мире человека. Совокупность всех существующих в сознании носителей того или иного народа концептов образует национальную концептосферу.

Свою вербальную реализацию концепты получают в различных ономаσιологических моделях, существование которых облегчает выбор того, что подлежит называнию в окружающем нас мире, создает благоприятную почву для появления нового наименования. Ономаσιологическая модель представляет собой схему (образец), по которой происходит наименование однородных предметов.

Объектом нашего анализа является наиболее многочисленная по составу в современном русском литературном языке группа фразеологизмов-антропонимантов. Описание продуктивных ономаσιологических моделей данных ФЕ позволит, на наш взгляд, проследить, как формируется концепт «человек» во фразеологической картине мира.

Отличительной чертой ФЕ этой группы является образность их значения, возникающая за счет различных типов переноса:

метафоры, метонимии, гиперболы, литоты, сравнения. К числу наиболее продуктивных из них относится метафора.

В когнитивной лингвистике метафора рассматривается как важнейший способ познания действительности. Она наглядно показывает, как происходит перенос из одной сферы опыта в другую, познание менее известного через более известное. Когнитивный подход к метафоре позволяет широко трактовать это языковое явление, относя к ее сфере такие типы переноса, как метонимия, синекдоха, литота, гипербола, которые при традиционном подходе рассматриваются как самостоятельные. Такой подход к метафоре позволяет не просто трактовать метафору как языковую данность, но рассматривать процесс метафоризации как человеческую способность. Подобное широкое понимание метафоры мы будем использовать в данном исследовании.

Как показывает анализ языкового материала, наиболее характерными ономаσιологическими моделями, по которым образуются фразеологизмы-антропониманты, являются зооморфная, антропоморфная, предметно-обиходная и фитоморфная метафорические модели.

Источником зооморфной метафорической модели является широко понимаемый мир животных, включающий в себя не только собственно наименования животных, но и птиц, рыб, насекомых, земноводных и других видов живых существ. К числу наиболее продуктивных зооморфных метафорических моделей относятся:

а) внешний вид животного: *драная кошка* – «о слишком худой, изможденной женщине»; *желторотый птенец* – «очень молодой, неопытный человек»; *ни пава ни ворона* – «человек, который по своим взглядам и интересам отошел от одних людей и не примкнул к другим»; *белая ворона* – «человек, резко выделяющийся чем-либо среди окружающих его людей»;

б) особенности поведения животного: *травленный волк* – «человек, испытывавший многие лишения и приобретший опыт, знания»; *лиса Патрикеевна* – «хитрый, ловкий, пронырливый человек»; *невинный барашек* – «нравственно чистый, непорочный человек»; *вольная птица* – «свободный, независимый человек».

В основу данных ономаσιологических моделей положено соизмерение тех или иных отличительных признаков, свойств по-

ведения животного с индивидуальными качествами человека, особенностями его характера, манерой поведения. Ср.: *божья коровка* – «кроткий, безобидный человек» – *колорадский жук* – «лицемерный, хитрый, коварный человек» и *божья коровка* – внешне приятное, безобидное, полезное насекомое (наличие положительных коннотаций подчеркивается определением *божья* и уменьшительно-ласкательным суффиксом –к) – *колорадский жук* – вредное насекомое, уничтожающее посевы картофеля.

Особо следует выделить такие зооморфные метафорические модели, в основу которых положены устойчивые эталонные сравнения, включающие в свой состав компоненты – зоонимы: *глуп как баран, неуклюжий как медведь, нем как рыба, хитрый как лиса, голодный как волк* и т.п. В качестве основания метафоры в подобных ФЕ выступает человек и указанное в первом члене сравнения свойство, а в роли носителя метафоры – эталонное представление о свойстве. Подобные устойчивые эталонные сравнения «как бы «задают» образцы здоровья, глупости, ума» [Телия 1996: 242]. Устойчивые сравнения, положенные в основу образных моделей фразеологизмов-антропонимантов, довольно продуктивны и имеют не только зооморфную, но и антропоморфную, фитоморфную и предметно-обиходную основу: *глуп как пробка, пьян как сапожник, толстый как бочка, свеж как огурчик* и т.п.

Большинство фразеологизмов-антропонимантов, построенных по данным моделям, отражает наивную картину мира и имеет во многом интернациональный характер. Однако у каждого народа помимо общих с другими народами эталонов существуют свои критерии «соразмерности» человека и животного, человека и растения, человека и предмета. Так, у русского народа образцом назойливости является муха (*пристал как муха, назойливый как муха*), в то время как у болгар муха – образец кротости, эталоном глупости в русской ментальности выступает баран (*глуп как баран*), неуклюжести – медведь (*неуклюжий как медведь*), здоровья – бык (*здоров как бык*). Таким образом, эталонные устойчивые сравнения в полной мере следует отнести к культурно значимым источникам осмысления тех или иных качеств человека во фразеологической картине мира.

Не менее широко представлены в исследуемой группе фразеологизмов и антропоморфные метафорические модели, основу которых составляют:

а) части тела человека: *большое сердце* – «отзывчивый, добрый человек»; *дырявая голова* – «о человеке с плохой памятью»; *золотые руки* – «мастер своего дела, человек очень искусный»; *острый глаз* – «человек с хорошим зрением»; *бойкий на язык* – «болтливый, хорошо говорящий человек».

Важную роль в формировании образного оценочного потенциала в семантике данных ФЕ играют качественные имена прилагательные, способствующие появлению различного рода квалифицирующих признаков у обозначаемого: медный лоб, сильная рука, горячее сердце, злой язык и т.п., а также умственные, физические, профессиональные возможности человека, связанные с конкретными соматизмами: голова, рука, язык и др.;

б) внешний вид человека: *кожа да кости* – «крайне худой, изможденный человек»; *кровь с молоком* – «здоровый, цветущий, со здоровым цветом лица»; *ни кожи ни рожи* – «крайне непривлекательный человек»;

в) профессиональная деятельность человека: *и жнец и швец и на дуде игрец* – «мастер на все руки»; *артист погорелого театра* – «человек, не оправдавший надежд в каком-либо деле»; *первая скрипка* – «человек, играющий главную роль в каком-либо деле»;

г) степень родства: *ни сват ни брат* – «посторонний, чужой человек»; *маменькин сынок* – «избалованный, изнеженный мальчик, юноша»; *бедный родственник* – «о человеке, который прикидывается бедным, обиженным»;

д) половой признак: *красная девица* – «очень застенчивый, стыдливый, скромный юноша»; *кисейная барышня* – «изнеженный, не приспособленный к жизни человек»; *бой-баба* – «смелая, решительная, боевая женщина»; *базарная баба* – «крикливый, грубый, вздорный человек»; *генерал в юбке* – «властная, любящая командовать женщина».

В основу данной типологической модели положено уподобление лиц мужского пола лицам женского пола и наоборот. Подобное уподобление способствует появлению различного рода эмоционально-экспрессивно-оценочных компонентов в значе-

нии этих ФЕ. Так, семантическое переосмысление признака пола во фразеологизмах-антропономинантах *кисейная барышня*, *красная девица*, *базарная баба* ориентировано на выделение таких прагматически важных для номинатора признаков, как изнеженность, чопорность, жеманность, крикливость.

Разнопланово представлены в группе фразеологизмов-антропономинантов предметно-обиходные метафорические модели.

Признаки, положенные в основу таких наименований, отражают сходство каких-либо качеств человека

а) с внешним видом предметов, их назначением: *мешок с соломой* – «увалень, нерасторопный человек» (ср. мешок с соломой – нечто большое, бесформенное); *бездонная бочка* – «человек, который много пьет, не зная меры» (бездонная бочка – предмет, лишенный объема, величины); *бесструнная балалайка* – «болтун, пустомеля» (балалайка – щипковый, струнный музыкальный инструмент; экспрессивные возможности данной метафорической модели опираются на соединение двух взаимоисключающих признаков); *пугало огородное* – «простой человек, чудака, служащий всеобщим посмешищем» (пугало – предмет, внешне напоминающий человека, одетый в старую, поношенную одежду, имеющий нелепый вид);

б) с пищей, способами её приготовления: *тертый калач* – «бывалый, опытный человек» (тесто для тертых калачей подвергалось длительной обработке, отсюда тертый жизнью человек); *крепкой закваски* – «о здоровом, полном сил человеке»;

в) характером построек: *ветряная мельница* – «несерьезный, легкомысленный человек» (крылья мельницы меняют свое направление в зависимости от ветра); *старая скворечня* – «о старом человеке» (старая скворечня – предмет, приходящий в негодность, отслуживший свой срок).

Фитоморфные метафорические модели оказались менее востребованными в процессе фразеологической номинации человека. Вероятно, это обусловлено тем, что номинативная природа этого класса реалий тяготеет к более специфическим для него принципам номинации: место произрастания, специфические особенности внешнего вида, лечебные свойства и т.д.

В сетку образных стереотипов фразеологизмов-антропономинантов вписываются прежде всего те фитоморфные ономасиологические модели, которые имеют универсальный характер, обладают достаточно высоким образным и эмоционально-оценочным потенциалом. Поэтому, очевидно, среди образных фитоморфных моделей наиболее продуктивными оказались

а) названия пород деревьев, их частей: *дуб дубом* – «о глупом человеке», *пень пнем* – «о человеке совершенно безучастном к кому-либо или чему-либо»; *пень березовый* – «тупица, дурак»; *голова еловая* – «несообразительный, медлительный, невнимательный человек». Дерево как твердый, непроницаемый материал в сознании носителей языка ассоциируется с тупостью, невосприимчивостью, глупостью человека;

б) наименования сорных растений и их семян: *лопух лопухом* – «о наивном, глупом человеке», *крапивное семя* – «чиновники, взяточники, крючкотворы»; *перекати-поле* – «о том, кто долго не живет на одном месте, не имеет постоянного пристанища»; *белены объелся* – «о человеке обезумевшем».

Описанные ономасиологические модели фразеологизмов-антропономинантов в когнитивном плане отражают знания о тех свойствах номинаторов (человеке, животном, растении и т.д.), которые чаще всего оказываются в центре внимания носителей языка. Они в типизированном виде представляют ценностные морально-этические установки их творца – народа и способствуют формированию концепта «человек» во фразеологической картине мира.

Несмотря на то, что многие из перечисленных моделей имеют интернациональный характер, являются универсальными для данной группы фразеологизмов, они сохраняют свою национальную самобытность. Культурная маркированность этих моделей обусловлена своеобразием их внутренней формы: обыгрыванием в ней реалий, специфических для русского быта (чаще всего крестьянского): *не лаптем щи хлебать*, *пятое колесо в телеге*, *мелкая сошка*; названием тех животных, птиц, насекомых, ареалом обитания которых были районы расселения древних славян: *стреляный воробей*, *медведь на ухо наступил*, *сонная тетеря* и которые занимали важное место в повседневной

жизни русского человека: дойная корова, невинный барашек, мокрая курица, свинья свиной, как лошадь (бык) и другие.

Литература

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М., 1997.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. – М., 1996.

© Зуева Т.А., 2004

Н.И. Коновалова
Екатеринбург

«Болезнь» в русском языковом сознании

*Что русскому здорово,
то немцу смерть*
(В.Даль)*

Народные представления о болезни, нашедшие отражение в русской языковой традиции, основаны на логике мифологического мышления, базирующейся на вере в магическую силу слова, обряда, действий с предметами, с помощью которых можно изгнать болезнь и излечить больного. Все компоненты семантического пространства «болезнь» ритуализованы и направлены на «завораживание болезни». К таким компонентам, структурирующим семантическое пространство «болезнь», можно отнести образ болезни, ее название, причины, название лекаря, симпатическое средство (название растения, название обряда, ритуального предмета и т.п.), заговоры и другие вербальные формулы, выполняющие суггестивную функцию.

Чаще всего болезнь представляется в антропоморфном или зооморфном облике: это может быть женщина, красивая или безобразная, костлявая беззубая и/или безглазая старуха; змея, жаба, червь, козел, свинья, птица и др. Реже болезнь представляется в виде каких-либо конкретных предметов (черного волоса, скрученной нитки, гнилого семечка, соринки и т.п.), которые могут расти, увеличиваться в объеме и занимать собой все внутренности заболевшего человека. Образы болезни находят

* Здесь и далее пословицы, приметы, приговоры и другие устойчивые словесные формулы приводятся по: [Даль 1993. Т.2]. В скобках указывается только номер страницы.

отражение в устойчивых выражениях типа: *Оспа с клювом ходит, оттого и пятнает человека щедринками* // *Болезнь змеей заползает* [179] и др., в поверьях и мифах русского народа [см., например, Левкиевская 2003, Попов 1903, Макаренко 1897, Герасимов, 1898 и др.].

Народные названия болезней отражают представления: а) об их общем облике (*сосец-волосец, волосяница, рожа, жаба, косматка*);

б) об отдельных симптомах, способах проявления заболевания (*краснуха, глухья, ломовка, костогрыз, бессонница, трясовица, свербежница, падучая*);

в) о времени проявления болезни (*веснуха, третница, зоринная лихорадка, вечерница*);

г) о части тела, которую поражает болезнь (*грудница, животишка, пуповая грыжа, сердцеда, очанка = глазница, суставница, межперстница*);

д) о возрастной и половой группе людей, на которых направлено действие болезни (*мужицкий переполох, бабий переполох, младенский припадок*) и т.д. Часто имя болезни табуируется, в этом случае для называния используются термины родства или описательные конструкции с обобщающим (семантически диффузным, как правило, оценочным) наименованием: *тетка, кумоха, бабушка, опасная болезнь, страшная болезнь, эта болезнь, одна болезнь, лихо* и др.

Представления о способе излечения болезни связаны с верой в симпатическую магию. Симпатические средства связаны какой-либо ассоциативной связью с названием болезни или ее симптомов [см. Познанский 1917]. Принцип их использования закреплен в народной афористике: *Чем ушибся, тем и лечись! Где упал, там и плюнь (и поскреби)* [171]. Ср. *Клин клином вышибают* и т.п.

Одним из наиболее популярных средств симпатической народной медицины является воздействие на символические эквиваленты или лечение с их помощью. Например, при боли в спине больной ложился на порог на живот, на спину ему клали несколько щепок, на них «рубили» ножом или топором 3 прутика, выдернутых из голика, при этом читали наговор [см. Герасимов 1898, Макаренко 1897, Попов 1903, Торэн 1996 и др.]. При этом

само название обряда выступает в качестве симпатического средства. Ср. выражение *спину пересекло*, обозначающее боль в пояснице, и название обряда излечения от этой боли *рубить утин* ('боль в пояснице от радикулита, ревматизма или подъема тяжестей') или *лечить присеком* - ассоциативная связь однокоренных слов (*пересекло* - *присеком*) или симилиаров* (*пересекло* - *рубить*) // *Добыть языка на колокольне* - название обряда излечения немоты: когда отыметса язык, то обливают водой колокольный язык и поят больного [179] // *От курячей слепоты* - *смотреть в дырочку доски, где выпал сучок* [178] // *Зажать сучок в избе* - *кровь станет* [180].

Отметим в этой связи магические заклинания, заклички, заговорные формулы, наговоры, в которых обыгрывается эпидигматическая связь названия болезни по названию действия, которое она производит в организме, и, соответственно, обозначения действия, которое должно быть произведено над самой болезнью с целью ее уничтожения: *Что грызешь?* - *Грызть грызу.* - *Грызи, да гораздо* (от грызи, т.е. от ломоты) [177] // *Житина, житина, возьми свою жичину* (наговор от жичины, ячменя глазного, причем: слегка колют его ячменным зерном, которое отдают петуху) [176].

Языковые средства конституируют основные параметры взаимодействия макро- и микрокосма (природы и человека), важные, с точки зрения носителей архаического сознания, приемы воздействия человека на окружающий мир, ибо языческое мировидение, как уже отмечалось, определялось верой в магическую силу слова - наименования предмета, действия, явления, - тождественного магическому действию (ритуалу, обряду). Одним из элементов такого взаимодействия человека с болезнью является антропоморфизация природных явлений: *Зарина, заря орина возьми с раба Божия младенца N зыки и рыки дневные и ночные* (с этими словами нагая бабка обносит нагого новорожденного вокруг бани) [179]. Ср. также: *Обжог Обжоговец, Обвар Обваровец прилетел без крыл, улетел без ног, у рабы Божьей (имя) ничего не обжог* [Русские заговоры ... №1704].

* Термин А.А.Залевской.

Другим неизменным атрибутом обряда излечения считались ритуальные предметы. Например, *пупник-горшок* - особый горшок, сделанный по специальному заказу, использовался для лечения от болезней живота в обряде «накидывания горшка на пуп»: 3 восковых огарка, прилепленных к кусочку хлебной корки, ставили на пуп, зажигали и опрокидывали над ним кувшин или горшок, который плотно присасывался к животу [Торэн 1996: 20-21]. «Отголоски» этого забытого обряда находим в выражениях *Горшок на живот - все заживет // Горшок брюха не испортит // Горшок лиха не попустит* [172].

Ни один обряд изгнания болезни (излечения) не обходился без лекарственных растений. Ср.: *На всякую болезнь зелье вырастает // И собака знает, что травой лечатся* [170]. Народная фитонимия фиксирует параллельность номинаций болезней и трав (названия растений по названию болезней): лапчатка серебристая = *горлянка*, *жабная трава* - от грудной жабы; козлобородник луговой = *молочник* - от молочницы; дивало однолетнее = *грызня трава*; переступень белый = *глистовник*; касатик аировидный = *ужачка*, вероника широколистная = *змеевик* - от укуса змей.

Трава считалась оберегом от злых духов, если, например, имела особую форму (так, живокость = *рогатый* василек имеет удлинённый шпорец у цветка; *Петров крест*, названный по форме корня в виде креста), горький вкус (почти все виды полыни), колючки, шипы (*чертополох*) и т.д. Ср.: *бабий переполох* - название колючника обыкновенного (номинативные варианты: *девичий переполох*, *страхополох*), который запаривали, кололи им ноги больной, развешивали вокруг кровати для лечения испуга от «насыльного беса», который в образе какого-нибудь домашнего животного неожиданно появлялся перед женщиной, работавшей по ночам [Коновалова 2000: 22].

Самым ярким этнокультурно выделенным компонентом семантического пространства «болезнь» являются обряды излечения и их названия. Типичным примером может служить, например, обряд «обмана болезни»: перед приступом лихорадки больного приносили в баню, клали на стол и покрывали белой простыней, чтобы, когда придет лихорадка, она думала, что этот больной уже умер, и уходила. Больной также прятался от лихо-

радки в печь, стараясь обмануть ее [Торэн 1996: 17]. Обман болезни осуществлялся разными способами, например «во время эпидемии холеры на дверях домов, куда еще не проникла болезнь, часто писали углем: «Такого-то нет дома», полагая, что холера, прочитав эту надпись, поверит и обойдет дом стороной» [Левкиевская, 384]. Чтобы обмануть болезнь, на кровать укладывали соломенное чучело, «заменяющее» больного. Такой прием отражает широко используемый способ излечения – «передачу» болезни на какой-либо символический эквивалент (заместитель) больного.

Регламентированными компонентами ритуала излечения были место и время его проведения. Так, например, утин пресекали *обязательно где-нибудь на дверном пороге; в бане* сначала лечили вывихи (ср. расслабление мышц от тепла), потом почти все болезни изгоняли в бане: *Наешься луку, ступай в баню, натришься хреном да запей квасом // Баня - мать вторая. Кости распаришь, все тело направишь* [170 - 171]; место у огня (*у печи, костра*) использовалось при лечении от лихорадки, а *между огнями* - от повальных болезней и мора скота, когда стадо скота прогоняли между огнями; на *межу* (символическое воплощение грани жизни и смерти) выносили особо тяжело больных, когда непонятна была причина заболевания, другие способы не помогали и надежд на выздоровление было мало (ср. выражения *пограничное состояние, между жизнью и смертью*). Время проведения ритуального действия было приурочено к восходу и заходу солнца, например, *по трем зорям* - вечером, утром и вечером следующего дня пресекали утин; на *вечерней заре* читали заговоры против лихорадки, на *утренней заре* – от «насыльных» болезней (порчи, сглаза, испуга, детских болезней). Лишь «обманные» ритуальные действия совершались *ночью*: прятались от лихорадки, притворялись мертвыми, заменяли человека куклой (чучелом) и т.п.

Мифологическое сознание, ориентированное на связь субъекта с виртуальной «реальностью», служит основанием для построения поведенческой модели взаимодействия с этой реальностью. В этой модели язык выступает как основной фактор создания эффекта суггестии. Детальное членение семантического пространства «болезнь», название каждого его компонента,

включенность в ритуал есть проявление стереотипа наивного восприятия болезни и воздействия на нее с помощью различных (в том числе и вербальных) средств симпатической магии.

Литература

Герасимов М.К. Материалы по народной медицине и акушерству в Череповецком уезде Новгородской губернии // Живая старина, 1898, вып. II.

Даль В.И. Пословицы русского народа. В 3-х т. - М., 1993.

Коновалова Н.И. Словарь народных названий растений Урала. - Екатеринбург, 2000.

Левкиевская Е.Е. Мифы русского народа. - М., 2003.

Макаренко А. Материалы по народной медицине Ужурской волости, Ачинского округа, Енисейской губернии // Живая старина, 1897, вып. I-IV.

Познанский Н.Ф. Заговоры. - СПб., 1917.

Попов Г.И. Русская народно-бытовая медицина. - СПб., 1903

Русские заговоры и заклинания. Материалы фольклорных экспедиций 1953-1993 гг. /Под ред. В.П.Аникина. - М., 1998.

Торэн М.Д. Русская народная медицина и психотерапия. - СПб., 1996.

© Коновалова Н.И., 2004

О.И. Коурова

Шадринск

Традиционно-поэтическая лексика и фразеология – штампы или лингвокультурная ценность?

В настоящее время в связи с ростом интереса ученых к проблеме взаимодействия языка и культуры (см.: Язык и культура [1997, 1999, 2001], Фразеология в контексте культуры [1999] и др.), лингвисты говорят о рождении в пределах антропологической парадигмы новой области гуманитарных исследований, которую называют лингвокультурологией, с чем свидетельствуют труды Н.Д.Арутюновой, В.В.Воробьева, В.И. Карасика, В.А. Масловой, И.Г. Ольшанского, Е.О. Опариной, Ю.С.Степанова, В.Н.Телия, В.Шаклеина и др.

Вслед за В.В.Воробьевым, лингвокультурологией мы называем «комплексную дисциплину, изучающую взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающую этот процесс как целостную структуру единиц

в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания» [Воробьев 1996: 4].

Ведущими терминами лингвокультурологии являются: языковая картина мира и концепт. Языковая картина мира - это «мировидение, отраженное в структуре языка» [Кобозева 2000: 23]. Единицей исчисления знаний и представлений о мире является концепт. Аспекты подходов к пониманию концепта различны.

В лингвокультурологическом аспекте концепт рассматривается как элемент художественного осмысления мира: «концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [Степанов 2001: 3], культурно обусловленное представление о действительности [Вежбицкая 1966].

Как показывает анализ, наибольший интерес ученые проявляют, во-первых, к исследованиям ‘культурных’ концептов, представляющих основополагающие понятия русской культуры: Бог, Вера, Грех, Душа, Жизнь, Любовь, Судьба, Смерть, Страна, Страх и др., как, например, в Словаре русской культуры Ю.С.Степанова [2001], работах В.И.Постоваловой, Т.В. Топоровой, Л.О.Чернейко и Хо Сон Тэ и др.

Во-вторых, интерес проявляется к анализу ведущих концептов в творчестве отдельных поэтов, писателей, личностей. Например, Е.И.Диброва в рамках новой парадигмы исследует язык М.А.Шолохова на основе романа «Тихий Дон» и приходит к выводу, что базовым концептом казачьего мира является ‘Работа’. Довольно часто предметом исследования выбираются концепты ‘Жизнь’ и ‘Смерть’ (Е.В.Дзюба, А.Б.Иргебаева, Н.А.Кузьмина, С.В.Романовская, Л.О.Чернейко и др.). Есть исследования концептов ‘Судьба’ (Е.П.Карташова), ‘Красота’ (Е.С.Севрюгина), ‘Любовь’ (Т.Н.Данькова), ‘Пространство’ и ‘Время’ (Е.С.Яковлева) и др. В результате в новом аспекте исследованы идиостили поэтов Ф.И.Тютчева, М.И.Цветаевой, А.А. Ахматовой, И.Анненского и других.

Актуальной, на наш взгляд, проблемой в рамках антропологической парадигмы и новой дисциплины - лингвокультурологии является исследование языка не только отдельных поэтов и писателей, но и поэтического идиостиля определенной эпохи

и направления, например, традиционно-поэтической лексики и фразеологии пушкинской эпохи, которая, как показывает анализ, представляет уникальную лингвокультурологическую концептосферу русского языка эпохи романтизма.

Главный признак языка художественной литературы, по мнению большинства лингвистов, – образность, а язык поэзии есть не что иное, как система приемов и образов, выполняющих эстетическую функцию.

В то же время ряд отечественных лингвистов отмечает, что поэтический язык есть «система языковых средств и правил в каждую эпоху различных, но равно позволяющих создание воображаемого мира в художественной литературе» [Степанов 1990: 609].

Таким образом, многообразие подходов к понятию поэтического языка можно свести к двум:

1. Поэтический язык понимается как произведение искусства, как язык в его эстетической функции. В этом аспекте вели свои исследования деятели ОПОЯЗа, Пражского лингвистического кружка, В.В.Виноградов, Б.А.Ларин, Е.Курилович, В.П.Григорьев, Л.Ю.Максимов, Н.А.Павлович, Н.В.Черемисина, Д.Н.Шмелев и другие.

2. Поэтический язык может рассматриваться как “образовавшийся набор стандартизованных в поэтическом творчестве данного периода слов и выражений” [В.В.Виноградов 1963: 170], что нашло отражение в работах Г.О.Винокура, Л.Я.Гинзбург, А.Д.Григорьевой, Н.Н.Ивановой, В.Д.Левина, Н.А.Кузьминой и других.

В предлагаемой работе поэтический язык рассматривается, главным образом, во втором аспекте.

Традиционно – поэтической лексикой и фразеологией мы называем устойчивый набор слов и выражений с окраской лиричности, регулярно воспроизводимый преимущественно в средних жанрах сентиментальной и романтической литературы конца XVIII- первой трети XIX вв.

Традиционно-поэтическая лексика и фразеология на сегодняшний день остается малоисследованной проблемой. Статус традиционно-поэтической лексики и фразеологии ограничен представлением лексикографической пометы (‘трад.-поэт.’)

лишь в Словаре русского языка в 4-х т. [1985-1988] и Большом толковом словаре под ред. С.А.Кузнецова [1998]. В справочной лингвистической литературе фактически отсутствует определение традиционно-поэтической лексики и фразеологии. Если же это понятие вводится, как правило, оно отождествляется с термином 'поэтическое'. По нашему мнению, в пределах поэтической лексики и фразеологии в значении 'стилистических сигналов' следует различать народно-поэтические, высокие и традиционно-поэтические слова и обороты в связи с выражением указанными парадигмами менталитета различных эпох и различного способа восприятия мира.

Долгое время не был определен состав традиционно-поэтической лексики и фразеологии.

Традиционно-поэтическая лексика и фразеология имеет противоположные оценки: в эпоху сентиментализма и романтизма - «избранные цветы поэзии», «цветы слога», «цветы чувства», «украшения», «нежность, украшенная замысловатым оборотом», «язык богов», в оценке же В.Г.Белинского, Н.А.Добролюбова, Н.Г.Чернышевского - «условные украшения стихотворства», «язык паркетной музыки», «благозвучное пустозвонство». В XX в. противоречивость остается: с одной стороны, это слова с окраской «нежности, музыкальности» [Винокур 1991], с другой, - «штампы» [Григорьева 1966], «трафареты», «поэтические формулы», «общие места».

Традиционно-поэтическая лексика и фразеология, по нашему глубокому убеждению, является уникальной культурно значимой языковой парадигмой, полнота исследования которой возможна, если рассматривать ее в трех аспектах: как явление исторической поэтики, как категорию исторической стилистики и, что особо значимо, и что не имело ранее решения, как лингвокультурологическую концептосферу. Термин концептосфера был предложен Д.С.Лихачевым как обозначение совокупности концептов русской культуры [Лихачев 1993].

Рассмотрим лишь один аспект: традиционно-поэтическая лексика и фразеология как романтический срез языковой картины мира.

Эпоха романтизма в русской литературе явилась периодом решительного перехода от риторической поэтики к поэзии ли-

рической, периодом противопоставления реальному миру идеального. Главными темами романтической поэзии стали размышления о жизни и смерти, идея спасения человеческой личности в любви, творчестве, единении с миром природы, соответственно ведущие концепты лирики поэтов-романтиков – это ‘Жизнь’, ‘Смерть’, ‘Любовь’, ‘Поэтическое творчество’, ‘Природа’. Ограничимся краткой характеристикой концепта ‘Любовь’.

Стихи романтиков о любви по праву называют шедеврами мировой лирической поэзии. Любовь – чувство многогранное: от трепетной надежды до пылкой неудержимой страсти: *«Я знал любовь прелестною мечтой, очарованьем, упоеньем»*, – писал А.С.Пушкин.

Ядерная зона концептуального поля ‘любовь’ включает имена античных богов любви и красоты: *Венера (Киприда, Кифера, Афродита, Цитерея) и Эрот (Амур, Купидон)* и древнеславянского – *Лель*, представляя это чувство как нечто **божественное, неземное**. *«Венчали розы, розы Леля, Мой первый век, мой век молодой...»* (Е.А.Баратынский). *«Киприда и Эрот! Мучители сердец! Услышьте голос мой, последний и унылый, Я вяну и еще мучения терплю!»* (К.Н.Батюшков). *«Так и мне узнать случилось, Что за птица Купидон; Сердце страстное пленилось; Признаюсь – и я влюблен!»* (А.С.Пушкин).

Любовь – **красота** передается также именами античных богинь красоты: *Афродита, Венера, Грация, Киприда, Цитерея*, героинь произведений античной и западноевропейской литературы, отличавшихся пленительной красотой, очарованием: *Армида, Сильфида, Цирцея*: *«Вы сами знаете давно, Что вас любить немудрено, Что нежным взором вы Армида, Что легким станом вы Сильфида»* (А.С.Пушкин). Поэты для изображения возлюбленной использовали и условно-поэтические имена: *Доррида, Климена, Филлида, Хлоя* и др., взятые из античных эклог и поэзии XVIII века: *«С Купидоном помирись, Позабудь его обиды И в объятиях Дориды Снова счастьем поделись»* (А.С.Пушкин).

Любовь – **чистота**. Любимая женщина в лирике пушкинской эпохи предстает носительницей юной, чистой, нетронутой красоты, как существо неземное: *кроткий ангел, ангел любви*,

ангел чистоты, богиня, богиня красоты, богиня любви, гений чистой красоты, дева красоты: «Цветы мечты уединённой И жизни лучшие цветы, - Кладу на твой алтарь священный, О гений чистой красоты!» (В. А. Жуковский).

Любовь как мечта, как надежда не менее значима в поэзии эпохи романтизма: *греза, мечта, мечтание, сны златые, сны сердца; луч надежды, звезда надежды, упование*. Например: «Надейтесь, юноши кипящие! Летите, крылья вам даны; Для вас и замыслы блестящие, И сердца пламенные сны!» (Е.А.Баратынский).

Ведущий образ любви в лирике пушкинской эпохи, обладающий интерактивностью, воспроизводимый в поэзии самых разных направлений и исторических периодов, это **огонь**.

А.С. Пушкин, В.А.Жуковский, К.Н.Батюшков, Д.В. Давыдов, Е.А.Баратынский, П.А.Вяземский, А.А.Дельвиг, А.И. Потемякин, В.И.Туманский, Д.В.Веневитинов и другие поэты при изображении интенсивного проявления чувств чрезвычайно часто обращались к образу огня: *жар души, жар любви, жар сердца, жар страсти, жар в крови, огонь в крови, огонь желанья, огонь (огонь) любви, пламень, пламень в крови, пламень любви, пламень сердца, пламень страсти, пламень упоенья; возгореть любовью, возгореть сердцем, возгореться, возжечься, воспылать, воспылать страстью, воспалиться огнем любви, вспыхнуть, гореть, гореть огнем, пламенеть, пылать, пылать душой, сердце горит, сердце пламенеет, разжечь огонь любви, разгореться душой и др.* Например: «**Огонь любви** – огонь животительный, Все говорят; но что мы зрим? Опустошает разрушительный Он душу, объятую им!» (Е.А.Баратынский), «Я все еще горел – и в грусти равнодушной На игры младости взирал издалека» (А.С.Пушкин).

Любовь и разнообразные формы её проявления могли быть названы поэтами *огнём неистовым, мятежным, священным; пламенем жгучим, небесным, прекрасным, роковым, опасным; жаром неутолимым, тайным, сладким*. Любовь – огонь, пламень, жар употреблялись в языке поэтов с яркими эпитетами, которые помогали понять смысл этих слов-образов: «Как много ты в немного дней Прожить, почувствовать успела! В мя-

тежном пламени страстей Как страстно ты перегорела» (Е.А. Баратынский).

Любовь как **чувственное наслаждение** представлена весьма полно: *восторг, восторги сладострастья, забвенье, нега, отрада, томленье, трепет, упоенье, упоенье страсти, утехы: «Напрасно! Ты была в объятиях моих, И к новым радостям ты воскресала в них, О пламенный восторг! О страсти упоенье! О сладострастие! Себя, всего забвенье!»* (К.Н.Батюшков). Этот мотив выражается также глаголами и глагольными сочетаниями: *душа кипит, кровь кипит, пить из чаши сладострастья, тонуть в неге, таять сердцем, усладить, упиваться восторгом, - негой, напоить чашей любви, упиться сладострастием: «В сладострастной неге тонет, И молчит, и томно стонет»* (А.С.Пушкин). *«Мой друг! Скорей за счастьем В путь счастья полетим; Уьемся сладострастьем И смерть опередим»* (К.Н.Батюшков). *«Я в сердце твой приемлю глас; Я пью любовь в твоём дыханье»* (В.А.Жуковский). Как показывают примеры, любовь как чувственное наслаждение стыкуется с образом **воды** - еще одной реализацией восприятия этого чувства: *выпить чашу любви, вливать жар любви, пить любовь, - негу, - мед, - сладость, - чашу любви, - из чаши сладострастья, упиться любовью, напоить, пить любовь, - негу и др.: «Вчера, друзей моих оставя пир ночной, В ее объятиях я негу пил душой»* (А.С.Пушкин).

Любовь как **свет**, то есть чувство, несущее радость, счастье, выражена в поэзии пушкинской эпохи поэтизмами: *луч, солнце, звезда, лампада, факел: «О дева милая! Звезда любви моей!»* (В.И.Туманский). *«Она одна бы разумела Стихи неясные мои; Одна бы в сердце пламенела Лампадой чистою любви»* (А.С.Пушкин).

Любовь как **союз** представлен именами богов брака Гименей и Юнона, а также поэтизмами: *узы, оковы: «И Юнона, с оком ясным, Низлетев от высоты, Сводит с юношей прекрасным В храме деви красоты»* (В.А.Жуковский). Оковы, узы для поэтов пушкинского периода не являются выражением зависимости, скорее, привязанности, союза, о чем свидетельствуют положительно окрашенные компоненты, входящие в словосочетания, например: *оковы нежны, узы любви: «Я был твоим жре-*

цом, Киприды милый сын! До гроба я носил твои **оковы нежны!**» (К.Н.Батюшков).

Поэты пушкинского круга понимали, что любовь недолговечна, в их творчестве любовь предстает и как **холод - процесс охлаждения, увядания, затухания**: **хлад души, хлад сердца, сердца хлад печальный, душа охладела, кровь остыла, охладеть; любовь угасла, - потухла, жар души потух, душа увяла, сердце увяло** и др. Например: *«Притворной нежности не требуй от меня, Я сердца своего не скрою хлад печальный: Ты права, в нем уж нет прекрасного огня Моей любви первоначальной»* (Е.А.Баратынский).

Недолговечность любви подчеркивается эпитетами: *легкокрылая радость, мгновенья легкокрылы, легковерные мечты.*

В стихах поэтов пушкинской эпохи любовь нередко связана с разлукой, разочарованием, безответным чувством, отсюда – еще одно воспроизведение: любовь как **страдание**.

Выражением этого восприятия чувства являются поэтизмы: *змея, мрак, отравы, яд, потоки слез; пить отраву, -чашу страдания, -яд любви, -яд страсти*: *«Зачем, зачем так сладко пела ты? Зачем и я внимал тебе так жадно И с уст твоих, певица красоты, Пил яд мечты и страсти безотрадной?»* (Д.В. Веневитинов). *«Я пил отраву в вашем взоре, В душой исполненных чертах, И в вашем милом разговоре, И в ваших пламенных стихах»* (А.С. Пушкин). Но в лирике поэтов-романтиков нередко проходит мотив отречения от любви ради счастья любимого человека: *«Но пусть она вас больше не тревожит, Я не хочу печалить вас ничем»* (А.С.Пушкин).

Ведущий способ концептуализации любви в романтической лирике – поиск прекрасного в мире неземном, идеальном.

Таким образом, традиционно-поэтическая лексика и фразеология – это не штамп, а важный инструмент трансляции общечеловеческих ценностей, например, чувства любви, воспроизведение в целом миропонимания поэтов-романтиков конца XVIII - первой трети XIX вв.

Литература

Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. - М., 1963.

Воробьев В.В. Теоретические и прикладные вопросы лингвокультурологии. Автореф. дис. ...докт. филол. наук. - М., 1996.

Диброва Е.И. Фольклорная илиосфера в романе М.А.Шолохова «Тихий Дон» // Текст. Структура и семантика. Т.1. - М., 2001.

Кобозева И.В. Лингвистическая семантика. - М., 2000.

Коурова О.И. Словарь традиционно-поэтической лексики и фразеологии пушкинской эпохи. - Шадринск, 2001.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. - М., 2001.

Степанов Ю.С. Язык художественной литературы // Лингвистический энциклопедический словарь /Под ред. В.Н.Ярцевой. - М., 1990.

© Коурова О.И., 2004

М.Л.Кусова
Екатеринбург

Семантические особенности фразеологических единиц, обозначающих деятельность человека

Характерной частью номинативного состава языка являются фразеологические единицы, которым, как и слову, присуща номинативная функция. Однако указывая на близость слова и фразеологической единицы, исследователи подчеркивают отсутствие тождества у данных единиц, отмечая, что денотатами фразеологических единиц в системе языка служат социально закрепленные, типизированные представления об определенных явлениях [Мелерович 1979: 12], что фразеологизмы охватывают сферу переживаний и чувств, гамму оценок и квалификаций [Жуков 1986: 137].

В.Н. Телия подчеркивает, что фразеологизмы «не столько называют обозначаемое, сколько характеризуют его», что номинативная функция фразеологизмов связана не столько с обозначением явлений реальной действительности, сколько с приписыванием признака обозначаемому, значение идиом прагматически нагружено оценочной и объективной модальностью [Телия 1996: 79, 152].

В этом плане представляется небезынтересным описание фразеологических единиц, связанных с отражением социального пространства, в том числе и современного. При обозначении пространства фразеологическими единицами значимо указание на беспорядок, на отсутствие порядка: *мамаево побоище, Мамай прошел, пыль столбом, содом и гоморра, вавилонское столпо-*

творение, пыль коромыслом. Заметим, что представленные фразеологизмы несколько противоречат языковому закону экономии усилий: представленные единицы синонимичны, являются дублетами лексики единицы «беспорядок», различие внутри парадигмы связано со сферой употребления и степенью интенсивности проявления признака:

дым коромыслом – беспорядок,
как Мамай прошел – полнейший беспорядок,
содом и гоморра – крайний беспорядок.

Выделяются также фразеологические единицы, связанные с процессуальной характеристикой беспорядка:

авгиевы конюшни – то, что находится в беспорядке,
перевертывать вверх дном – приводить в беспорядок.

Говоря о фразеологических единицах, связанных с обозначением пространства, следует заметить, что в современной публицистике выделяется ряд фразеологических единиц, семантику которых можно определить как конкретизация пространства, очерчивание пространственных границ:

политическая поляна - зона действия олигархов,
российская почва, на российской ниве,
срез страны (о студенческом конкурсе и его победителях).

Следует заметить, что фразеологизация единиц в современной публицистике достаточно регулярно соотносится именно с конкретизацией пространства, даже если фразеологическая единица и не имеет пространственного значения, а связана с номинацией и оценкой конкретного лица, например: *лондонский сиделец* (о Березовском).

Приведенный пример позволяет обратить внимание на тенденцию, которая наблюдается при анализе фразеологических единиц в современной публицистике: их сознательно увеличенную денотативную и сигнификативную соотнесенность. Кроме связи с первичным денотатом, подобные фразеологизмы содержат намек на литературный контекст и контекст исторический, благодаря чему субъективная модальность в них превалирует над объективной, вызывая иронию, поскольку «конспирировать» подобным образом известную политическую фигуру нет никакой необходимости. Использование аллюзии регулярно

наблюдается при трансформации фразеологизмов в современной публицистике.

Поскольку важнейшими категориями языка являются категории пространства и времени, и именно пространство и время – параметрические характеристики деятельности, остановимся на обозначении времени фразеологическими единицами. В отличие от конкретизируемого пространства, временные признаки чаще определяются фразеологическими единицами расплывчато, очень неопределенно:

морковкино заговенье – неопределенно отдаленное время, которое никогда не наступит,

в редкость – нечасто, изредка,

конца краю не видно – бесконечно долго длится.

Обращение к временным координатам может быть связано с алогизмами:

без году – совсем немного времени, совсем недавно, с отсутствующими в действительности реалиями, т.е. данные единицы могут иметь нулевой денотат, как, например, *морковкино заговенье*.

Среди фразеологических единиц выделяются также такие, которые одновременно могут быть использованы для обозначения как локальных, так темпоральных признаков: *без конца* – бесконечно.

И хотя приводимые нами примеры из современной публицистики не являются результатом большой выборки, тем не менее в наших материалах очень редко встречались трансформированные либо новые фразеологические единицы, связанные с обозначением времени, хотя для понимания некоторых фразеологических единиц значимы ассоциативные связи с прошлым: «красный» директор. Примечательно, что новые фразеологические единицы в качестве адресата предполагают человека с определенным культурным уровнем, способным соотнести первичный денотат со значением фразеологизма, понять фразеологизм в широком литературном и историческом контексте: *розовое детство демократии* – о начале существования РФ как суверенного государства.

Следовательно, можно предполагать, что в современной фразеологии появляется новая тенденция, когда фразеологиче-

ские единицы соотносятся с устойчивыми конструкциями времен социализма, но при этом их значение трансформируется: изменение значения происходит не в силу изменения лексического наполнения фразеологизма, а в силу изменения его коннотации.

При анализе фразеологических единиц очевидно, что единицами со значением «деятельность человека» представлена большая их группа. Ю.А.Гвоздарев, описывая процесс образования фразеологических единиц на базе переменных, свободных словосочетаний, отмечает, что фразеологические единицы образуются на базе словосочетаний, связанных с различными видами профессиональной деятельности человека, с поведением животных, с бытом человека [Гвоздарев 1977: 76]. Фразеологизмы группы «деятельность человека» соотнесены со всеми видами указанных словосочетаний:

держат нос по ветру – первичный денотат связан с поведением животного,

ждать у моря погоды – первичный денотат соотносится с профессиональной деятельностью человека, рыболовством, мореплаванием,

связывать по рукам и ногам – первичный денотат связан с бытовой деятельностью человека.

Фразеологические единицы со значением «деятельность» могут быть распределены по двум парадигмам: действие – бездействие. Члены парадигмы «бездействие»

- либо указывают на отсутствие деятельности:

складывать руки – переставать действовать,

хлопать глазами – бездействовать,

отбиваться от дела – перестать проявлять интерес к делу;

- либо на причины этого отсутствия, обусловленные отсутствием желания, способностей, сил, смелости, времени: *не идет на ум, опускать руки, падать духом, руки опускаются, все до лампочки.*

При этом особую позицию занимают фразеологические единицы, обозначающие бездействие, тогда как их первичный денотат связан с обозначением деятельности, неким подобием труда: *считать ворон, ловить ворон, небо коптить, плевать в*

потолок, лодыря гонять, бить баклуши, валять дурака, переливать из пустого в порожнее, гранить мостовую, слоны гонять, лощить бульвары.

Последний ряд, очевидно, отражает особенности национальной картины мира, когда легче признаться в никому не нужной деятельности, бессмысленной и бесполезной, чем в отсутствии таковой. Кстати, единицы с подобной семантикой широко представлены и в «Словаре диалектной личности» В.Д.Лютиковой: *гонять ямщину, баклуши околачивать, коровам хвосты крутить, мерить клюкой* и т.п. Ю.Н.Караулов отмечает, что «завершенная, однозначно воспринимаемая картина мира возможна лишь на основе установления иерархии смыслов и ценностей для отдельной языковой личности» [Караулов 1987: 137], следовательно, обращение к словарю отдельной личности может рассматриваться как дополнительный весомый аргумент в пользу утверждения, что для носителя русского языка важно увидеть деятельность, а не бездействие.

Наличие подобных фразеологических единиц говорит также об избирательности фразеологических значений по отношению к отражаемым в сознании признакам обозначаемых явлений, об интерпретационном характере фразеологических единиц. В фразеологических единицах, обозначающих подобие трудовой деятельности, появляется избыточность значения, порождаемая двуденотативностью. Занятие «собак гонять» не может восприниматься как социально значимый вид деятельности, это деятельность, равная отсутствию ее. Заметим, что причины отсутствия деятельности последовательно связаны с человеком, удельный вес объективных причин «внечеловеческого» происхождения гораздо ниже.

В парадигме *деятельность* фразеологические единицы связаны с различными параметрами в характеристике деятельности, с определением результата деятельности, не всегда положительного:

перевертывать вверх ногами – делать совершенно иным, не таким, как было,

бросать на полпути – не доведя до конца,

забегать вперед – делать что-л., не соблюдая последовательность.

Фразеологизмы определяют содержание деятельности:
размениваться на мелкую монету – заниматься не главным, не основным, а несущественным, возможностью осуществления деятельности:
не разгонишься – многого не сделаешь,
недалеко уйти – не добиться больших успехов, не достичь значительных результатов.

На основании материалов «Фразеологического словаря русского языка» и словаря Р.И. Яранцева «Русская фразеология» в связи с обозначением деятельности выделяются фразеологизмы, обозначающие трудовую деятельность, интеллектуальную деятельность, речевую деятельность.

При определении трудовой деятельности фразеологизмы могут указывать на отношение к трудовой деятельности, наличие определенных умений:

валить через пень колоду – делать неповоротливо, неумело,
брать голыми руками – овладевать без особого труда;
на особенности протекания этого процесса:
выжимать пот – изнурять непосильной работой.

Значимо, что при обозначении трудовой деятельности как одного из видов деятельности человека сохраняется семантическая модель, заложенная при характеристике деятельности в целом: семантические различия при обозначении трудовой деятельности связаны либо с ее наличием, либо с ее отсутствием. При обозначении трудовой деятельности не определяются временные, пространственные параметры, хотя очевидно, что трудовая деятельность как всякий вид деятельности осуществляется во времени и пространстве, не определяется инструмент, необходимый для осуществления трудовой деятельности. Подобные фразеологизмы не были обнаружены и в словаре диалектной личности.

Фразеологические единицы со значением «речевая деятельность» также объединяются в две парадигмы: отсутствие речевой деятельности и наличие речевой деятельности. Отсутствие речевой деятельности соотносимо с лексической номинацией «молчать»:

держат язык на привязи – молчать, не болтать, не говорить лишнего.

Причем, отсутствие речевой деятельности фразеологизмы определяют более дифференцированно, чем лексические единицы. Отсутствие объясняется воздействием:

замазывать рот,

отсутствием предмета речи:

вот и весь сказ,

неуместностью высказывания в данной ситуации, в данный момент времени:

не к ночи будь сказано,

под руку говорить.

Говоря о значении идиом, В.Н.Телия замечает, что идиомы представляют собой «свертки» таких речевых актов, как одобрение, порицание, неодобрение, осуждение и т.п. [Телия 1996: 152]. Р.И.Яранцев выделяет также семантическую группу фразеологизмов «болтливость», включающую 14 единиц, например:

длинный язык,

язык без костей,

чесать языком и т.д.

Заметим, что большинству фразеологических единиц, связанных с обозначением речевой деятельности, присуща отрицательная коннотация, что, с нашей точки зрения, отражает национально-культурную семантику, когда предпочтение отдается не разговору, а делу.

В семантической группе «интеллектуальная деятельность» также значимы наличие-отсутствие деятельности, интеллектуальное воздействие и интеллектуальное действие. Отсутствие интеллектуальной деятельности определяется отсутствием способности соображать:

лишиться ума, потерять рассудок, голова пухнет, закружилось в голове, голова идет кругом.

Характеристика интеллектуальной деятельности может быть связана с ее неполнотой, отсутствием/наличием способности правильно воспринимать и оценивать явления действительности, логических оснований, сомнений, понимания:

как свинья в апельсинах,

само собой разумеется,

на кривой не объедешь,

*раскрывать карты,
смотреть сквозь пальцы.*

Со всеми выделенными семантическими группами фразеологических единиц соотносятся фразеологизмы «результат деятельности». Интегральным признаком в данных фразеологизмах является отсутствие/наличие результата, отсутствие/наличие неудачи: *почить на лаврах, дело в шляпе, остаться ни с чем, с пустыми руками, бить мимо цели.*

Приведенный ряд не является конечным (в словаре Р.И.Яранцева предлагается 22 фразеологические единицы для обозначения удачи/неудачи, и этот список не является полным), но и данного фрагмента достаточно, чтобы говорить о значимости данного явления для носителей языка.

Описанные ранее фразеологизмы, как уже отмечалось, выделены нами на материале словарей, тогда как обращение к современной публицистике позволяет выделить новые семантические группы фразеологических единиц: это фразеологизмы, связанные с обозначением политической деятельности и финансово-экономической. Появление данных групп фразеологизмов объясняется экстралингвистическим фактором. По нашим наблюдениям, во фразеологизмах, обозначающих финансово-экономическую деятельность, доминирует отрицательная коннотация, в большинстве своем они стилистически снижены: *грязные деньги, деньги крутятся, деньги отмываются, страна на крючке* (название статьи о западных производителях продуктов питания и бытовой техники), хотя могут быть и нейтральными по отношению к оценочной модальности: *жилищно-коммунальный тоннель (забрезжил свет в жилищно-коммунальном тоннеле).*

Во фразеологизмах, обозначающих политическую деятельность, нередко не утрачивает актуальности первичный денотат, при их употреблении наблюдается элемент языковой игры, когда первичный и вторичный денотат воспринимаются одновременно:

*публичный политик,
пятна на репутации (питерской) власти* (ср. пятна на солнце),

чистые люди (нужно прийти к власти с чистой программой и чистыми людьми).

Негативная оценка политической деятельности может определяться и осознаваемой говорящим двуплановостью фразеологизмов, принадлежащих просторечию и употребляемых в политических статьях, где речь идет о государственной политике:

*рвать на куски (губернаторов),
высосать компромат из пальца.*

Таким образом, обращение к семантическим группам фразеологических единиц, обозначающих деятельность человека, позволило увидеть, какие аспекты деятельности наиболее значимы для носителя языка, какие сферы деятельности не имели ранее собственных номинаций на уровне фразеологических единиц, а также увидеть некоторые тенденции в возникновении новых фразеологических единиц.

Литература

Гвоздарев Ю.А. Основы русского фразеобразования. - Ростов-на-Дону, 1977.

Жуков В.П. Русская фразеология. - М., 1986.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. - М., 1987.

Лютикова В.Д. Словарь диалектной личности. - Тюмень, 2000.

Мелерович А.М. Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка. - Ярославль, 1979.

Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. - М., 1996.

Словари

Фразеологический словарь русского языка /Под ред. А.И. Молоткова. - М., 1986.

Яранцев Р.И. Русская фразеология. Словарь-справочник. - М., 1997.

© Кусова М.Л., 2004

**Ю.А.Мамонова
Пермь**

О семиотике некоторых концептов

Примечательной особенностью современного типа мышления является сосредоточенность на смысловых характеристиках формообразующих начал существования человека в мире. Человек живет, общается, мыслит, действует не просто в пространстве вещей, предметов, а в пространстве смыслов. Отсюда

следует, что необходимо вернуться к представлению о том, что сознание – это особая реальность, в которой человеку создается возможность переживать, чувствовать, думать – пребывать в состояниях осмысленного восприятия мира.

Однако привычные для традиционного методологического сознания формообразования типа «идея», «понятие», «образ» и другие оказываются недостаточными для проникновения в глубинные структуры бытия, реализованные в человеческой деятельности. (Несомненно, что одной из важнейших составляющей последней является речевая деятельность). Для адекватной передачи, экспликации смысла в лингвистике последних лет стали активно использовать термин *концепт*. Все большее и большее число авторов оперирует этим термином, несмотря на то, что очень часто его понятийное наполнение обнаруживает несовпадение у разных авторов, что в значительной мере осложняет взаимопонимание между исследователями. Вместе с тем нельзя отрицать, что утверждение в науке понятия *концепт* обозначило новую ступень в постижении способов, закономерностей и особенностей взаимодействия языка и сознания [Грузберг 2002] и, кроме того, во многом расширило рамки содержательного анализа языковых явлений, обозначив тем самым новые горизонты исследований.

Таким образом, основная задача, которую мы ставим перед собой: основываясь на обобщении опыта лингвистических исследований в данной области, попытаться дать свое определение термина *концепт*. Кроме того, были исследованы речи политических лидеров с целью выявления специфики проявления концептов *время* и *пространство* в политической речи и, в частности, у разных политических лидеров.

Материалом для исследования послужила устная речь В.В.Путина, Б.Н.Ельцина, М.С.Горбачева в момент пребывания каждого из них на посту президента страны. Выбор информантов продиктован тем, что все они президенты, два – в прошлом, один – в настоящем, то есть в разное время имели одинаковый статус.

Говоря о семиотике концептов, имеем в виду их рассмотрение в качестве неких «знаковых систем, хранящих и передающих информацию» [Языкознание 1998: 441]. Таким образом,

методика анализа ориентирована на выявление содержательных основ концептов, той информации, которая в них заложена. Такое рассмотрение возможно, если ввести понятие *сверхтекста*. «Сверхтекст – совокупность высказываний, текстов, ограниченная темпорально и локально, объединенная содержательно и ситуативно, характеризующаяся цельной модальной установкой, достаточно определенными позициями адресанта и адресата, особыми критериями нормального и аномального» [Купина 1995: 53].

Одно из первых по времени определений *концепта* принадлежит А.Вежбицкой: «Это объект из мира «Идеальное», имеющий имя и отражающий определенные культурно-обусловленные представления человека о мире» [цит. по: Фрумкина 1992: 31]. В когнитивной лингвистике закрепилось следующее определение *концепта*: «Термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека» [Краткий ... 1996: 90]. Ср. понимание *концепта* прежде всего как ментальной сущности [Колесов 1996, Фрумкина 1992]. Кроме того, некоторые исследователи из множества объектов, называемых термином *концепт*, вычленяют так называемые «культурные концепты» [Степанов 1997, Грузберг 2002, Слышкин 2002].

Как видно из представленных определений исследуемого термина, все авторы говорят о *концепте*, прежде всего как о ментальном образовании, то есть формирующемся в сознании каждого человека на основании его знаний и опыта. Кроме того, *концепт* является инструментом познания окружающего мира, способом его отражения в человеческом сознании, инструментом мышления, «неким квантом знания» о мире [Краткий ... 1996: 90]. Таким образом, основываясь на рассуждениях И.А.Стернина и Г.В.Быковой о механизме мышления, которое «осуществляется на так называемом универсальном предметном коде (смысловом коде), имеющем образно-чувственный характер». можно предположить, что *концепты* – это и есть тот универсальный предметный код мышления, ментальной сферы, который формируется на отражательной основе [Стернин, Быкова 1998: 56].

Однако если мы остановимся здесь в определении *концепта*, то в этом случае *концепт* будет непознаваем, так как невозможно познать что бы то ни было, если это последнее не имеет форм материального закрепления. Следовательно, *концепт* должен быть выражен в языке, назван той или иной лексической единицей, то есть *концепт* выполняет функцию посредника между словами и экстралингвистической действительностью. Как полагаем, лексическое значение слова не может быть приравнено к содержанию *концепта*, несмотря на то, что слово и *концепт* материализуются в одном и том же звуковом/буквенном комплексе, имеют общий план выражения. Последний намного шире; сложнее и многограннее. Как верно замечает Л.А.Грузберг, «внутреннее содержание слова – это его семантика плюс коннотации», тогда как внутреннее содержание *концепта* – «это своего рода совокупность смыслов, организация которых существенно отличается от структуризации сем и лексико-семантических вариантов слова» [Грузберг 2000: 127]. Исследователи считают, что слово своим значением представляет в языке лишь часть *концепта*, что никакой *концепт* не выражается в речи полностью, но, тем не менее, получить доступ к нему можно именно через речевые произведения и через тексты, в своей совокупности раскрывающие содержание того или иного *концепта* [Вежбицка 1999, Степанов 1997]. Для *концепта* характерно наличие множества «входов», то есть лексических единиц, при помощи которых этот концепт актуализируется в сознании своего носителя. О необходимости выраженности *концепта* говорят многие лингвисты, занимающиеся этой проблемой [Арутюнова 1988, Купина 1995, Кубрякова 2000]. Под «множеством форм» *концепта* понимается не только и не столько множество грамматических форм слова, но, в первую очередь, *многослойность концепта*, его способность вбирать в себя понятия, образы, представления, мифологемы, модели, ассоциации и т.д., сопровождающие определенную лексическую единицу. Но это не сумма отдельных составляющих, а единство, синтезирующее материальный (внешний) и идеальный (внутренний) опыт человека, поэтому в сознании обычного человека эти пласты образуют гетерогенную смесь, которая функционирует как нечто единое.

Следует добавить, что именно структурность, многослойность *концепта* является основным отличительным признаком, отграничивающим его от *понятия*. *Концепт* можно рассматривать как структуру, в пределах которой могут быть объединены и понятие, и образ, и представление, и модель. В разных коммуникативных условиях один и тот же *концепт* может реализовывать либо понятие, либо образ, либо представление и т.д., поскольку все эти реализации *концепта* представляют собой разные уровни абстракции, а коммуникативные запросы могут потребовать разные степени конкретизации мысли. Реализации *концепта* и составляют его структуру. *Понятие* же не может быть рассмотрено в виде структуры, лишено тех дифференциальных признаков (образов, представлений, моделей и т.д.), которые образуют структуру *концепта* и вызывают положительные или отрицательные эмоции. Оно уже *концепта* и включается в последний, несомненно, составляя базу *концепта*, на основе которой происходит дальнейшее наращивание смыслов, но далеко не исчерпывая его.

Итак, наше определение термина *концепт* следующее: *концепт* – некий универсальный предметный код (смысловой код), формирующийся на отражательной основе и получающий выражение в языке в виде той или иной лексической единицы (слова или словосочетания). В настоящем исследовании мы будем опираться на данное определение этого термина.

Действительный окружающий нас мир требует своего познания, и человек на протяжении всего своего существования стремится охватить его, отразить в своем сознании в виде понятий, представлений, образов, мифологем, то есть в виде системы *концептов*. Концептуальные системы – это, по образному выражению А.Вежбицкой, – дверь, ведущая за пределы языка – к мысли; через *концепты* – к познанию [Вежбицка 1999]. Естественно, что мир крайне разнообразен в своих проявлениях, а человек стремится охватить своим сознанием как можно больше проявлений многообразного мира. Факт многообразия мира приводит нас к осознанию многообразия, или *множественности концептов*, так как именно они являются способом перевода, перенесения фактов экстралингвистической действительности

сти в языковую и, естественно, стремятся произвести этот перевод без существенных потерь.

Ни один *концепт* не может существовать вне его связей с другими *концептами*, как ни одно явление действительного мира не может существовать изолированно от других явлений. Так же как все взаимосвязано в объективном мире, все взаимосвязано и в мире концептов: каждый *концепт* входит в определенную *концептоферу* – некую область пересечения отдельных концептов, их взаимодействия. Г.Г.Слышкин говорит о *концептосфере* как о совокупности концептов, объединенных на основании того или иного признака, при этом один концепт может входить в разные *концептосферы* [Слышкин 2002: 67].

Так, рассматриваемые в нашей работе *концепты время и пространство*, несомненно, в первую очередь, взаимодействуют друг с другом, образуя пространственно-временной континуум, который закрепился в литературоведении и лингвистике под названием «хронотоп». Кроме того, исследуемые *концепты* вступают во взаимодействие с такими *концептами*, как демократия, тоталитаризм, государство, диктатура и др. Однако в целях глубинного изучения определенного *концепта*, можно отвлечься от рассмотрения других, пересекающихся с ним *концептов* и направить все свое внимание на интересующий нас объект.

В докладе мы затронем лишь некоторые, наиболее существенные моменты, выявленные нами при анализе выбранных концептов. В сверткесте каждого из наших информантов обнаруживается свой концепт *пространство*. У М.С.Горбачева все политическое пространство покрывает пространство Россия-Советский Союз. Мы не обнаруживаем ни связей, ни оппозиций с другими пространствами, им просто нет места в данной модели пространства. Поэтому можно говорить о достаточно простой модели пространства, которая включает в себя только одно реальное пространство. Причем это локальное пространство расширяется, разрастается до масштабов всего мира: «*Россия была / и осталась миром миров//*». Оно покрывает все мировое пространство, искажая реальное представление о мире, что дает нам право говорить о *квазипространстве*, обнаруживаемом в пределах данного концепта.

У В.В.Путина модель пространства более сложная. Оно включает в себя не только свой идеологический центр - Россию, но и другие пространства. Политическое пространство постоянно стремится к расширению, разрушает все границы, преграды. При этом оно не ограничено никакими четкими географическими преградами, а факторами ограничения являются некие идеальные критерии – многополярный мир, борьба с общим врагом – международным экстремизмом. Политическое пространство расширяется, вначале включая в себя свой центр, за тем -- пространство СНГ, далее – Европы, вбирая в себя реальное пространство всего мира в итоге.

Модель пространства Б.Н.Ельцина можно назвать переходным вариантом от модели М.С.Горбачева к модели В.В.Путина. С одной стороны, в его сверхтексте мы наблюдаем оппозицию Россия – страны СНГ, есть отсылки к западным странам, что говорит о том, что центр его политического пространства – Россия – не находится уже в том пространственном вакууме, который характерен для М.С.Горбачева. С другой стороны, его политическое пространство здесь замыкается, несмотря на отдельные моменты его разомкнутости, то есть так же, как у М.С.Горбачева, модель пространства представлена только одним реальным пространством – Россией. Но оно не принимает глобальные масштабы, как у последнего. Картина ближе к реальности: Россия – лишь часть мира, пусть большая, но все же часть. В концепте этого информанта уже не обнаруживаем *квазипространства*, искаженного представления о пространстве. Тем не менее, его замкнутость остается непреодоленной.

Наличие идеологического центра, которым у всех информантов выступает Россия, вокруг которой выстраиваются все пространственные оппозиции и связи, как и присутствие оппозиций внутри политического пространства является характерной чертой последнего. Оппозиции мы обнаруживаем у двух из трех информантов, причем и у В.В.Путина, и у Б.Н.Ельцина присутствует одна оппозиция мы - они, но у первого она проявляется в виде противопоставления мировое сообщество – международный экстремизм: «...Чечня / это только один из фрагментов этой их общей борьбы за передел мира». Вследствие этого находим категорию *враги* в этих сверхтекстах. Наличие реальных

врагов того или иного государства, как мы видим, получает отражение в концепте *пространство*. *Враг* – один из главных семантических составляющих рассматриваемых концептов. Эти моменты позволяют предположить наличие особого идеологизированного, *политического пространства* в свертхтекстах политических лидеров, характерными чертами которого являются следующие моменты:

- в центре пространства – определенный регион (страна, область, город);

- наличие категории *врагов*;

- наличие пространственных оппозиций.

Таким образом, политическое пространство – это особое идеологизированное пространство, сгусток той идеологии, выражение той политической обстановки, в которой находится тот или иной регион. Исходя из этого, мы выдвигаем предположение о существовании наряду с философским, культурным концептом, особого *политического концепта пространство*.

Что касается *концепта время*, то, несмотря на общность некоторых моментов, можно говорить о том, что у каждого из информантов свои составляющие времени, в совокупности формирующие, соответственно, свою реализацию *концепта время*.

Точкой отсчета в свертхтекстах В.В.Путина и Б.Н.Ельцина является 1991 год, тогда как в свертхтексте М.С.Горбачева начало отсчета времени - 1917 год. Однако и в его текстах присутствует 1991 год, который знаменует у него начало периода, после которого время перестает быть однонаправленным, теряет свою устремленность к лучшему будущему: «*Страна деградирует/пришедшая власть/ исходным своим пунктом взяла разрушение страны*». Таким образом, время до 1991 года, которое мы условно обозначили Советский Союз, в свертхтексте М.С. Горбачева получает положительную оценку, Б.Н.Ельциным оценивается резко отрицательно, тогда как В.В.Путин к оценке этого периода подходит с разных сторон, не давая ему однозначных характеристик: сама политическая система советского периода получает в его свертхтексте негативную оценку, о времени же в целом он говорит более сдержанно, замечая и положительные моменты. В его свертхтексте мы можем наблюдать оппозицию политических систем: тоталитаризм – демократия; «*Это важ-*

нейший на самом деле институт (свободная пресса) /который гарантирует/ государство от скатывания в трясину тоталитаризма». Это характерно именно для политической речи, где время оценивается через призму политических событий, его наполняющих.

В свертках двух других информантов обнаруживаем оппозицию Советский Союз – Россия. Противоположная оценка этих временных отрезков информантами (Б.Н.Ельциным и М.С.Горбачевым) подтверждает предположение о том, что оценка того или иного периода времени находится в прямой зависимости от оценки наполняющих его событий, в данном случае политических событий.

Чертой, общей для концепта *время*, в текстах В.В.Путина и Б.Н.Ельцина, является сложная темпоральная структура, связанная со случаем уплотнения времени. При этом время сжимается в клубок, течение его убыстрается в том случае, если в определенный временной промежуток произошло много событий. В свертке М.С.Горбачева обнаруживаем более простую структуру времени, проявляющую себя в хронотопе дороги. Эту разницу можно объяснить различием политических устремлений информантов. М.С.Горбачев сам называет себя сторонником «эволюционного, постепенного пути» преобразований, тогда как В.В.Путин и Б.Н.Ельцин проводят политику реформ, то есть более быстрых, радикальных изменений в обществе.

Отличительной особенностью концепта *время* в речи В.В.Путина является диапазон его охвата времени, событий. Временная ретроспектива в его свертке значительно расширена по сравнению с текстами других информантов и включает в себя не только временной промежуток с 1917 по 1991 год, общий для всех свертков, но и значительно более ранние периоды.

Рассмотрев концепт *время* в данных свертках, можем также предположить существование особого, *политического времени*, отличительной чертой которого является то обстоятельство, что время измеряется и оценивается с точки зрения политических событий, его наполняющих. Оно убыстрается или замедляется, оценивается негативно или положительно в зависимости от его политического событийного наполнения.

Таким образом, исследование речевых текстов говорящих, а именно текстов политических лидеров, позволяет выдвинуть гипотезу о новом подходе к проблеме *концепта*.

Мы можем рассмотреть мировоззренческие проблемы *концепта* применительно к той эпохе, в которой живут люди. Наряду с философским, культурным, национально-культурным, можно говорить и о *политическом концепте*, проявляющемся в политической речи. (Наиболее яркое свое воплощение он получает в речи руководителей стран и регионов). С этих позиций обозначается новый подход к проблеме осмысления *концепта*, который, нам представляется, может получить дальнейшее развитие в науке.

Литература

- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. - М., 1999.
- Вежбицка А.* Семантические универсалии и описание языков.- М., 1999.
- Грузберг Л.А.* Концепт как культурно-ментально-языковое образование // Изменяющийся языковой мир. - Пермь, 2002.
- Колесов В.В.* Ментальная характеристика слова в лексикологических трудах В.В.Виноградова // Вестник МГУ. Сер.9. Филология. 1996. №3.
- Краткий* словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С.Кубряковой. - М., 1996.
- Кубрякова Е.С.* О понятиях места, предмета и пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. - М., 2000.
- Купина Н.А.* Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. - Екатеринбург - Пермь, 1995.
- Слышкин Г.Г.* Гендерная концептосфера современного русского анекдота // Гендер как интрига познания. Альманах. Пилотный выпуск. Гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации. - М., 2002.
- Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. - М., 1997.
- Стернин И.А., Быкова Г.В.* Концепты и лакуны // Языковое сознание. - М., 1998.
- Фрумкина Р.М.* Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога (концепт, категория, прототип) // НТИ. Сер.2. Информационные процессы и системы. - М., 1992.
- Языкознание.* Большой энциклопедический словарь /Гл. ред. В.Н.Ярцева. - 2-е изд. - М., 1998.

© Мамонова Ю.А., 2004

**Специфика отражения языковой картины мира
в русских и немецких поговорах**

В настоящее время активно развивается когнитивный и лингвокультурологический подходы к исследованию языковых единиц, в результате чего возрастает интерес к анализу различных поговоров, которые оказались в центре внимания представителей самых разных областей знания. Именно сопоставительный анализ поговоров позволяет проследить специфику метафорического моделирования языковой картины мира, сложившейся у носителей неблизкородственных языков.

В состав поговоров исследователи включают языковые клише разных видов: различные афоризмы, крылатые слова и выражения, пословицы, поговорки, народные приметы. В частности. Д.Б. Гудков определяет языковое клише как “всякую готовую речевую форму, критерием для выделения которой служит регулярность ее появления в определенных повторяющихся языковых ситуациях” [Гудков 2000: 80]. Сам автор использует термин “прецедентное высказывание”, характеризуя, например, пословицы и поговорки как автономные прецедентные высказывания, которые либо потеряли связь с породившим их прецедентным текстом, либо не имели таковой [Гудков 2000: 84]. Один из основателей структурной поговориологии Г.Л. Пермяков трактует понятие “поговорка” достаточно широко и предлагает подробную классификацию поговоров, разграничивая прежде всего поговори, имеющие форму незамкнутых предложений (поговорки, пожелания и т.п.), и поговори, имеющие форму замкнутых предложений (пословицы, приметы и т.п.) [Permjakow 1985: 8]. Другие исследователи выдвигают набор дифференциальных признаков, характерных для поговоров. Так, В.М. Лейчик считает, что для пословиц и поговорок таковыми являются отсутствие авторства; наличие национальной специфики, выступающей в виде национальных стереотипов; использование художественного образа-тропа. Под поговорией автор понимает “краткое высказывание, содержанием которого является обобщение, нравочение или наблюдение, а формой - устойчивое выражение, представляющее собой либо предложение, либо часть предло-

жения с эксплицитной или имплицитной предикативностью, с минимальной или нулевой вариантностью” [Лейчик 2001: 159].

В научной литературе распространена характеристика паремий с точки зрения тех тематических полей, которые являются их содержанием [Пермяков 1997]. Однако сопоставительные исследования паремий с точки зрения используемой в них лексики, особенностей выражения характера действий обобщенного субъекта, субъектно-объектных отношений в лингвокультурологическом аспекте практически не предпринимались.

В рамках сопоставительного подхода, как отмечает М.Я. Цвиллинг, следует учитывать, что взаимная эквивалентность идиоматичных единиц двух разных языков, как правило, не является абсолютной, многие эквиваленты русских пословиц и поговорок нередко частично расходятся с исходными речениями по объему значения, сфере употребления, оценочным коннотациям и т. д. [Цвиллинг 2002: 7].

В центре нашего внимания находятся те единицы, которые традиционно выделяются в практике преподавания русского языка как иностранного, а именно пословицы и поговорки, которые мы рассматриваем в рамках паремичных высказываний. Пословицы и поговорки представляют собой содержательное и формальное единство и обобщают различные сведения об окружающем мире, основанные на жизненном опыте носителей различных языков и культур. Особенно интересно в этом плане сопоставительное рассмотрение названной группы лексики в близкородственных языках, в частности, русском и немецком. В качестве ядерного компонента анализируемых нами пословиц и поговорок мы рассматриваем глагол, в лексическом значении которого заключен основной смысл всего высказывания.

С целью выявления национально-культурных особенностей мы классифицировали пословицы и поговорки, исходя из сходств и различий при отражении типичных ситуаций в русском и немецком языках. В первую группу включены пословицы и поговорки, которые называют, обобщают одну и ту же ситуацию в русском и немецком языках эквивалентными или близкими по значению языковыми средствами (типа *горбатого*

могила исправит - *Einen Buckliegen macht das Grab gerade*)*. Во вторую группу входят паремичные конструкции, в которых одна и та же (либо аналогичная) ситуация выражены различными языковыми средствами типа *перед смертью не надышишься* - *Wenn es am Ende ist, hilft es Sparen nicht viel* (если дело идет к концу, экономность не поможет); при этом в основе данных паремий могут лежать близкие образы: *Как волка ни корми - он все в лес глядит* - *Lehre den Wolf das Paternoster, er sagt doch "Lamm"* (как ни учи волка говорить "Отче наш", он все равно скажет "барашек").

В процессе анализа языкового материала мы опираемся на методологические положения, разработанные С.П. Лопушанской, согласно которым степень активности субъекта действия определяет иерархические, системные отношения между всеми участниками речевой ситуации [Лопушанская 1997: 11]. Центром анализируемых паремий являются глаголы, обозначающие действия обобщенного субъекта. Однако в большинстве данных конструкций, как правило, всегда присутствует объект, по отношению к которому обобщенный субъект совершает свои действия. Интегральный признак "субъектно-объектные отношения" можно рассматривать в качестве релевантного в семантической структуре анализируемых нами паремий. Данный признак выражен в выделенных нами группах пословиц и поговорок по-разному в русском и немецком языках. Так, возможны следующие реализации релевантного интегрального признака. Во-первых, выделяются паремии, в которых характер действий обобщенного субъекта совпадает в русском и немецком языках, а характер объекта различается. Во-вторых, выявлены паремии, в которых, напротив, при выражении действий обобщенного субъекта наблюдаются различия в русском и немецком языках, а при выражении характера объекта - сходства. И отдельное место занимают конструкции, в которых наблюдаются либо сходства

* Здесь и далее примеры даются из: Permjakow G.L. 300 allgemeingebräuchliche russische Sprichwoerter und sprichwoertliche Redensarten (für Deutschsprechende). - Moskau, 1985.

при выражении и действий субъекта, и характера объекта, либо различия.

Рассмотрим первую группу пословиц и поговорок. В данной группе высказываний распространены конструкции, когда при выражении действий обобщенного субъекта в русском и немецком языках наблюдаются сходства, а при выражении характера объекта - различия, при этом, если паремичное высказывание построено по принципу противопоставления, объектов может быть несколько, например: *Обжегшись на молоке - дуют и на воду* - *Wer sich an der Suppe verbrannt hat, blaest auch auf kalten Fisch* (букв.: *Кто обжегся супом, дует также и на холодную рыбу*); *Волков бояться - в лес не ходить* - *Wer die Dornen fuerchtet, kommt nicht in den Busch* (*Кто боится молнии, не ходит в кусты*); *За одного битого двух небитых дают* - *Fuer einen Gebildeten gibt man zwei Ungebildete* (*за одного образованного дают двух необразованных*). Как видно из приведенных примеров, объект в русском языке может носить расширительный характер: ср. *битый* в русском языке (человек, который все испытал и имеет большой опыт) и *Gebildeten* (*образованный*) в немецком языке; *лес* в русском и *Busch* (*кусты*) в немецком. В приведенных паремиях обобщению подвергаются различные образы, связанные с жизненным опытом представителей конкретной культуры. В основе образов лежат типичные ситуации, в которых отражаются причинно-следственные связи между явлениями: “страх - опасность” (*волков бояться - в лес не ходить*); “боль - осторожность” (*обжегшись на молоке - дуют и на воду*), причем в немецкой конструкции “осторожность” акцентируется, подчеркивается с помощью прилагательного *blaest auch auf kalten Fisch* (*дует также и на холодную рыбу*); “опыт - неопытность” (*за одного битого двух небитых дают*).

В случае, если в ситуации принимают участие два объекта, в русском языке, как правило, выражена их большая полярность по сравнению с немецким языком: *В чужом глазу соломинку видит, а в своем и бревна не замечает* - *Man sieht wohl den Splitter in des Nachbarn Auge, aber nicht den Balken im eigenen* (*в глазах соседа видит щепку, а в своем балки не видит*); *Ложка дегтя портит бочку меда* - *Ein faules Ei verdirbt den ganzen Brei* (*одно гнилое яйцо портит всю кашу*). В данных примерах объ-

екты больше противопоставлены количественно в русском языке, чем в немецком: *ложка - бочка и яйцо - каша; соломинка - бревно и щепка, палочка - балка.*

Во второй группе выделенных нами паремий наблюдается сходная реализация характера объекта в русском и немецком языках и различия в представленности действий обобщенного субъекта: *Как волка не корми - он все в лес глядит - Lehre den Wolf das Paternoster, er sagt doch "Lamm"* (как ни учи волка говорить "Отче наш", он все равно скажет "барашек"). В русском языке в данного рода конструкциях действия обобщенного субъекта носят, как правило, более интенсивный характер, например: *Сам заварил кашу, сам и расхлебывай - Die Suppe, die man sich eingebracht hat, muss man auch ausloeffeln* (букв. *Суп, который сам наготовил себе кусками, должен вычерпать ложкой*). В данном случае глагол *расхлебывать* указывает на действие, для осуществления которого субъекту требуется много усилий, сема интенсивности входит в его семантическую структуру: "разобраться в чем-нибудь, с трудом распутав что-нибудь сложное, неприятное" [Ожегов 1991: 666], напряженность, интенсивность действия подчеркивает также префикс *раз-*; в немецком языке глагол *ausloeffeln* (вычерпать) указывает лишь на доведение действия до конца. Другие примеры: *Заставь дурака богу молиться - он и лоб расшибет - Der Narr bricht sich selbst im Bett Ein Bein* (дурак и в кровати сам себе ногу ломает); *Ложачего не бьют - Auf dem, unterliegt, soll man nicht sitzen* (не следует сидеть). В данном случае в русском языке также выражена большая интенсивность действия (не бьют), доведение его до предела (расшибет).

Действия обобщенного субъекта во второй группе паремий носят в русском языке более категоричный характер, чем в немецких высказываниях: *Лес рубят - щепки летят*, в немецком эквивалентном высказывании *Wo gehobelt wird, da fallen Spaene* выражена так свойственная носителям немецкого языка осторожность, некатегоричность - *Где строгают рубанком, падают щепки*. Ярким примером также являются паремии *за один раз дерева не срубишь - Von einem Streiche faellt keine Eiche* (от одного поглаживания дуб не упадет), в которых различия касают-

ся не только характера действия обобщенного субъекта, но и способа осуществления этого действия.

В большинстве анализируемых в рамках данной группы русских пословиц и поговорок субъект должен потратить, приложить больше усилий при воздействии на объект, следовательно, его действия отличаются определенной пространственно-временной протяженностью: *Что написано пером - не вырубишь топором* - *Geschrieben ist Geschrieben: keine Kuh leckt es ab, keine Kraehe hackt es aus* (букв. *Написано значит написано: никакая корова не слизает это, никакая ворона не выклюет*); *Жизнь прожить - не поле перейти* - *Das Leben ist kein Zuckerlecken* (букв. *Жизнь - это не лизание сахара*). В последнем примере в русском языке подчеркивается большая протяженность в пространстве и, следовательно, субъект должен применить очень много усилий для осуществления действия (ср. в русском выражено значение “очень трудно”, в немецком - “не сладко”). Или следующий пример: *Терпение и труд все перетрут* - *Muehe und Fleiss bricht alles Eis* (букв. *Усердие и прилежание сломают любое железо*). Глагол *перетрут* в русском языке подчеркивает протяженность действия во времени, его постепенность, в отличие от немецкого языка, где эта постепенность отсутствует. В данной группе паремий могут быть представлены также двусоставные конструкции, в которых субъект выражен абстрактным именем существительным: *Добрая слава лежит, а худая бежит* - *Nachrede schlaeft nicht (сказанное вслед не дремлет)*. В приведенном примере в русском языке в результате противопоставления состояния покоя и движения дается антонимичная характеристика субъекта, в немецком языке выражено только состояние абстрактного субъекта действия.

Характерной особенностью паремий в русском языке является распространенность императивных конструкций, которые подчеркивают динамизм действий обобщенного субъекта и выражают непосредственное руководство к действию, при этом в запретительно-побудительной конструкции отрицательная форма императива не только выражает запрет, но и усиливает коммуникативную значимость второго действия, например: *He пойдя другому яму - сам в нее попадешь* - *Wer anderen eine Grube graebt, faellt selbst hinein*; *Живи своим умом* - *Man muss seinen*

eigenen Kopf haben, weil man keinen zu leihen krieg! (нужно иметь собственную голову, потому что невозможно получить взаймы); *He imей сто рублей, а имей сто друзей - Freunde sind ueber Silber und Gold* (друзья выше серебра и золота). В приведенных примерах в немецком языке отсутствует ярко выраженная категоричность и непосредственное побуждение к действию, это либо конструкции, где в роли субъекта выступает относительное местоимение *wer* (кто), либо конструкции с неопределенным местоимением *man*. В последнем примере в роли субъекта выступает конкретное существительное *Freunde*, которое в русском варианте является объектом, участвующим в ситуации. Конструкции с императивом в русском языке больше распространены во второй группе паремий.

Отдельную группу составляют пословицы и поговорки, в которых отмечаются либо сходства при выражении релевантного интегрального признака “субъектно-объектные отношения”, либо различия, например: *Новая метла чисто метет - Neue Besen kehren gut*; *Из пушки по воробьям не стреляют - Man soll nicht mit Kanonen auf Spatzen schießen*; *Каждый кулик свое болото хвалит - Jedem Vogel gefaellt sein Nest*. В данной группе примеров наблюдаются сходства при выражении действий обобщенного субъекта и характера объекта. Различия касаются качества действий субъекта (*чисто метет* в русском языке и *kehren gut* (хорошо метет) в немецком языке); степени категоричности действий субъекта (*не стреляют* в русском языке - *Man soll nicht schießen* (нельзя стрелять) в немецком языке); большей активности субъекта (ср. глаголы *хвалит* в русском языке и *gefaellt* (нравится) в немецком языке).

И, наконец, одна и та же ситуация, обобщающая наблюдения над сущностью явлений окружающего мира, может быть представлена совершенно по-разному в русском и немецком языках, с использованием различных образов, что обусловлено прежде всего национально-культурными особенностями интерпретации действительности. С когнитивной точки зрения важно, что образ, зафиксированный во внутренней форме идиомы, “заставляет адресата как бы заново переживать момент возникновения актуального значения идиомы” [Баранов, Добровольский 1992: 66]. Приведем примеры: *Дорога ложка к обеду - Zu seiner Zeit*

gilt ein Glas Wasser ein Glas Wein und ein Heller einen Teller (в нужное время стакан воды как стакан вина и геллер как таллер); *Если б знал, где упаду, подстелил бы соломки - Haette ich frueher gewusst, dass Feuer in der Laterne isi, so waere der Griess laengst gekocht* (если бы я знал, что в лампе есть огонь, то манка была бы давно сварена). В последнем примере в русском языке выражена большая интенсивность действия. Ср. другие примеры: *Не в свои сани не садись - Was deines Amtes nicht ist, davon lass die Finger* (букв.: что не относится к твоей службе, уберу от этого пальцы); *Цыплят по осени считают - Man soll den Tag nicht vor dem Abend loben* (не следует хвалить день перед вечером); *Без труда не вытащишь и рыбку из пруда - Wer will haben, muss auch graben* (кто хочет иметь, должен копать); *С кем поведешься, от того и наберешься - Mit Lahmen lernt man hinken, mit Saeufern trinken; Wer mit Hunden zu Bett geht, steht mit Flohen auf* (с парализованным учатся хромать, с пьяницей - пить; кто с собакой ложится в кровать, встает с блохами). Причем разные образы, обобщенные в пословицах и поговорках неблизкородственных языков, могут отражать реальные особенности окружающей носителей этих языков действительности. Так, в следующем примере представлен такой важный для носителей русского языка образ, как “поле”, и важный для носителей немецкого языка образ “горы”: *Ищи ветра в поле - Der ist laengst ueber alle Berge* (он уже очень давно за всеми горами).

Проведенный сопоставительный анализ структурно-семантических особенностей русских и немецких паремий позволяет говорить о национальной специфике отражения в данных конструкциях типичных ситуаций. В русских и немецких пословицах и поговорках наблюдаются как сходства, так и различия в выраженности субъектно-объектных отношений. В русских конструкциях действия обобщенного субъекта характеризуются высокой интенсивностью, активностью, категоричностью, пространственно-временной протяженностью. Объект может иметь расширительный характер. Субъектно-объектные отношения или отношения между двумя объектами, участвующими в ситуации, как правило, характеризуются полярностью. В немецком языке выражена меньшая интенсивность действий

обобщенного субъекта и, соответственно, меньшая категоричность, ограниченная пространственно-временная протяженность. Субъектно-объектным отношениям не свойственна полярность.

Результаты предпринятого сопоставительного анализа паремий показывают специфику образного восприятия окружающей действительности представителями разных культур и отражение этой специфики в языке и могут быть использованы в практике преподавания русского языка как иностранного, а также в теории и практике перевода.

Литература

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. К проблеме построения тезауруса русских идиом // Известия РАН. - М., 1992. Т. 51. № 5.

Гудков Д.Б. Межкультурная коммуникация: проблемы обучения. - М., 2000.

Лейчик В.М. Некоторые наблюдения над лексикой паремий // Владимир Даль и современная филология. Материалы международной научной конференции. - Нижний Новгород, 2001. Т. 1.

Лопушанская С.П. Разграничение старославянского и русского староцерковнославянского языков // Вестник ВолГУ. Серия 2: Филология, 1997.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. - М., 1991.

Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. - М., 1988.

Цвиллинг М.Я. Предисловие // Цвиллинг М.Я. Русско-немецкий словарь пословиц и поговорок. - М., 2002.

Яранцев Р.И. Русская фразеология. Словарь-справочник. - М., 1997.

Источники материала

Permjakow G.L. 300 allgemeingebraeuchliche russische Sprichwoerter und sprichwoertliche Redensarten (fuer Deutschsprechende). - Moskau, 1985.

Permjakow G.L. Einiges ueber Sprichwoerter und sprichwoertliche Redensarten sowie ueber dieses Buch // Permjakow G.L. 300 allgemeingebraeuchliche russische Sprichwoerter und sprichwoertliche Redensarten (fuer Deutschsprechende). - Moskau, 1985.

© Милованова М.В., 2004

О.А.Михайлова, Е.Н.Булатникова
Екатеринбург

**Культурно-фоновые значения слова *лошадь*
по данным русского фольклора**

(Работа выполнена при финансовой поддержке Программы исследовательских проектов МИОНов, грант 970-1214-2-13)

Слово *лошадь* входит в круг понятий, значимых для русского национального сознания: до начала XX века лошадь была неотъемлемой частью быта человека, она использовалась как основное транспортное средство, применялась как наиболее мощная тягловая сила в полевых работах, но при этом лошадь была для крестьянина живым существом, наделенным своим именем, особенным характером, индивидуальными качествами и привычками. Именно поэтому языковое значение слова *лошадь* окружено обширным национально-культурным фоном, аккумулирующим различные ассоциативные признаки, которые связывал русский народ с этим животным, а само слово *лошадь* имеет статус культуры.

Признаки, формирующие культурно-фоновое значение слов, могут иметь частичное отражение в толковых словарях, но в большей степени они фиксируются в текстах, особенно в произведениях устного народного творчества как культурном источнике. Цель нашей статьи – на материале русских народных загадок, пословиц и сказок выявить национально-культурное содержание слова *лошадь*.

Было бы неверным утверждать, что произведения фольклора отражают только сознание наших предков и не имеют выхода в настоящее. «В фольклорном произведении нельзя оторвать прошлое от настоящего. Фольклорное произведение говорит одновременно и о том, что было много веков тому назад, и о том, что волнует народ в наши дни», – пишет историк Л.Н.Пушкарев [Пушкарев 1994: 10]. В контексте нашего исследования можно говорить о том, что некоторые признаки, содержащиеся в значении слова *лошадь* и в прошлом очень важные с позиций крестьянского сознания, в настоящее время ослабли или совсем потеряли свою значимость, но тем не менее есть

признаки, сохранившие, полностью или частично, свою актуальность.

В.П.Аникин отметил одно из основных качеств жанра загадки: «Загадки забавляют и поражают необычностью сопоставления. Это искусство и одновременно игра ума. Во всем, что нас окружает, загадки открывают поэзию парадокса» [Аникин 2001: 496]. Часто загадки удивляют отдаленностью сходства сравниваемых предметов, в этом случае, по мнению исследователя, «необходимо принимать во внимание нередкую условность уподоблений и сравнений, принятых в тайной речи, с которой была первоначально связана загадка» [там же: 501]. Действительно, черты внешнего сходства между лошадью и загадываемым объектом обычно размыты и зачастую вообще не прослеживаются. Но для нас важнее сама представленность образа лошади в данном жанре, подтверждающая аксиологическую значимость этого животного для русского человека, а также существенные признаки лошади, отраженные в загадках.

Загадки*, связанные с лошадью, можно условно разделить на два класса: в первом *лошадь* является объектом сравнения для загадываемой реалии (этот класс значительно больше по объему), во втором *лошадь* становится объектом загадывания.

В загадках первого класса описываются разнообразные факты действительности: от конкретных предметов (*нож, лодка*) до природных явлений (*гром, ветер*), которые человеческое сознание иносказательно выражает через образ лошади. Это многообразие подтверждает значимость лошади для народного сознания. Варианты номинации животного в текстах загадок различны: *конь, лошадь, жеребец (жеребчик), кобыла, мерин, конек*, но преобладает номинация *конь*. Видимо, для носителей языка *конь* является базовой единицей среди указанных идеографических синонимов, тогда как в словарях в качестве основной единицы представлена лексема *лошадь*.

Загадкам как жанру свойственна определенная характеристика предметов, основанная на выявлении каких-либо ярких внешних признаков. «В загадках отразился эмоциональный

* Тексты приводятся по: Загадки русского народа. Сост. Д.Н. Садовников. - М., 1959.

склад народа, его любовь к вещественному миру. Действительность отражена неущербно, цельно. Образы загадок яркие, исполнены разнообразных звуков, предметы очерчены резко, отчетливо» [Аникин 2001: 505]. В полном соответствии с этим замечанием в загадках в основном фиксируются либо внешние признаки, либо типовые действия лошади.

Внешний признак лошади выражен в основном через признак «масть» либо «цвет».

Между гор,/ Между дол / Бежит белый конь. (Ручей).

Стоит конь вороной:/ Нельзя за гриву взять, / Нельзя и погладить. (Змея).

Среди зафиксированных в загадках мастей преобладают *вороной* и *сивый*, кроме них присутствует *гнедой*, *пегий* и *каре́нький*. Так, через образ вороного коня выражается красота, яркость, а сивый цвет, напротив, ассоциируется с невзрачностью, неяркостью. Интересно, что вороной обычно конь, а сивый – жеребец, такая сочетаемость является устойчивой и в современном языке.

Конь вороной,/ Хвост ольняной. (Игла с ниткой).

Сивый жеребец / Через прясло глядит. (Месяц).

Признак «масть/ цвет шерсти» присутствует в девятнадцати текстах, в то время как другие признаки встречаются единично:

– «цвет копыт»:

Выведу коня / Из заднего хлева,/ Копыта белы / Да и подковы. (Пахт).

– «возраст» + «внешность»:

Молодой конек / За море ходок; Спинка соболинка,/А брюшко беленько. (Ласточка).

– «размер»:

Маленький конек / Все озеро выпил. (Дым).

– «отсутствие шерсти»:

Лысый жеребец / С белыми глазами, / Круглый, как венец, / Своими очами / На все он глядит. (Месяц).

Таким образом, аспект «внешний облик» коня в загадках выражен главным образом через признак «масть» животного как наиболее яркий и запоминающийся.

Другая, чуть меньшая по объему группа загадок фиксирует наименования каких-либо действий лошади, среди которых вы-

деляются три подгруппы текстов: с глаголами *бежать*, *ржать* и *есть* соответственно. Каждое из этих действий по-своему специфично для лошади. Так, бег коня (коней), обычно предполагает достаточную интенсивность этого действия, а также связанные с ним, гиперболизированные шум, грохот и тряску. Сопоставимый с лошадыю объект относится

– к сфере природных явлений (*вьюга, вода*):

Конь бежит, / Земля дрожит. (Гром),

– к артефактам, действия которых также характеризуются скоростью или шумом:

Между гор, / Между дол / Бежал быстрый конь / Под красной попоной. (Корабль).

Стучит, бренчит, / Сто коней бежит; / Что есть в околотке / Весь хлеб поест. (Мельница). Последняя загадка содержит также глагол *поест*, который представляет следующую подгруппу – «потребность в пище». В загадках это важное для животного свойство отражается достаточно часто, причем данный признак гиперболизируется человеческим сознанием, определяется как превышающий меру.

Глагол *ржать*, зафиксированный в четырех текстах, как многие звукоподражательные глаголы, является субъектно специализированным. В загадках этот глагол обязательно получает признак «интенсивность», поскольку выступает основанием для сравнения объектов *кобыла/жеребец*, с одной стороны, и *гром, водяная мельница*, с другой.

Таким образом, можно предположить, что для русского народа типовые действия лошади обладают мерой выше нормы: *бежать* = *быстро бежать*, *есть* = *много есть*, *ржать* = *громко ржать*. Подобная интенсификация и «сверхмерность» лошади подтверждаются и другими загадками, где скорость и сила представлены метафорически:

Отцова сундука не поднять, / Сестрина точива не собрать, / Братнина коня не поймать. (Снег, земля, ветер).

Есть на свете конь, / Всему свету не сдержать. (Ветер).

Второй класс загадок, как мы сказали выше, – это тексты, в которых *лошадь* является загадываемым объектом. Главный признак, по которому происходит сопоставление лошади с другими объектами, – это ее утилитарная ценность:

Не пахарь, не столяр, / Не кузнец, не плотник, / А первый на селе работник. (Лошадь).

Загадки, таким образом, позволяют выявить основные дено- тативные признаки культуры *лошадь*.

Народные сказки позволяют выделить не только прямые, но и ассоциативно-метафорические смыслы, закреплённые за дан- ной культуремой. В сказках одним из главных признаков лоша- ди является ее «материальная ценность»: коня передают от од- ного владельца другому в качестве награды за труды, за герои- ческий поступок, а также конь может быть ценным предметом обмена.

– *У царя Кусмана есть конь златогривый. Приведи его ко мне, тогда отдам тебе Жар-птицу с клеткой**.

Такого рода вознаграждение традиционно либо обещается еще до свершения подвига, либо после события вручается герою неожиданно для него, но и в том, и в другом случае ценность коня подчеркивается определенными эпитетами.

Спасибо тебе, купеческий сын, за твою службу; вот тебе богатырский конь – дарю со всею сбруею, и с золотом, и с кам- нями самоцветными.

Лошадь служит средством вознаграждения и в крестьянской среде, но там она олицетворяет материально-вещественный ас- пект победы добра над злом. «Ход действия [сказки] продикто- ван нравственно-этическими соображениями: наперекор тому, что есть в жизни, торжествует этика правды, побеждает убежде- ние, предусматривающее пользование жизненными благами по заслугам», – отмечает В.П.Аникин [2001: 467].

Тут к избушке кони с возом добра подъехали и повезли девоч- ку к отцовскому дому.

Пошла она домой, навстречу ей пастухи, дали ей корову, да овечку, да жеребчика.

«Кони с возом добра» и «жеребчик» являются наградой ге- роиням за доброту и бескорыстие. Отметим, что здесь ценность награды подчеркивается уже не с точки зрения эстетических (*златогривый конь*) или физических (*богатырский конь*) крите-

* Иллюстративный материал взят из: Русские народные сказки. Сост. В.П. Аникин. - М., 1985.

риев, а в общей совокупности материальных благ (*воз добра, коровка да овечка*), что оправдано потребностями крестьянина.

Во многих текстах, в основном в волшебных сказках, конь сопутствует герою во всех его странствиях, помогает ему совершать различного рода деяния, и потому отношение героя к животному можно определить как отношение к другу, соратнику. Метафорический признак, выделенный по этому критерию, мы так и называли «друг» (ср. сказку «Сивка-Бурка»). Данный признак проявляется в сказках, где по ходу сюжета герой попадает на развилку дороги и вынужден выбирать из предложенных ему вариантов:

Направо поедешь – себя спасать, коня потерять. Налево поедешь – коня спасать, себя потерять. Прямо поедешь – женату быть.

Ни один из персонажей не использует возможность спасти себя, но потерять коня, а главный положительный герой обычно выбирает направление, где коня спасти, пусть и ценой собственной жизни: *«Куда мне без коня-то?» – воскликнул младший брат*. Отношение к коню как к близкому и родному существу, ответственность за него оказываются важнее всех других благ (ср. также поговорку: *Конь, мой конь, ты мой верный друг. Конь мой, вся моя надежда*).

Конь в сказках выступает как олицетворение силы героя, его состоятельности, физической и материальной: у героя – доброго молодца есть и добрый конь. Но образ коня может быть отражением и несостоятельности героя. Так, в «Сказке о богатыре Голе Воянском» бедный, неудачливый крестьянин с говорящим именем Голь имеет в своем хозяйстве никудышнюю клячу: *лошаденка его была худенькая, хромоногая, и ту облепили слепни с комарами. Голь взобрался на клячу и в путь поплелся наудачу.*

Перекрестился Голь, сел на клячонку, едет потихоньку...

Здесь помимо эпитетов *худенькая, хромоногая* особую роль играет уменьшительный суффикс –онк–, а номинация *кляча* непосредственно указывает на плохое состояние, изъезженность, изможденность животного. Физическая немощь лошади как элемент художественного текста выступает как «отражение героя» и призвана проиллюстрировать не только и не столько бедность, сколько отсутствие героических качеств у Голя Воянско-

го. В сказках выявляется отсутствующий в других фольклорных жанрах метафорический признак, который мы определили как «орудие возмездия». Как известно, типичный сказочный финал – торжество добра над злом и восстановление справедливости, что предполагает наказание для виноватых. В финале нескольких сказок лошадь выступает в роли своеобразного средства возмездия.

В ту же ночь, тайно от своих гостей, вывел он из конюшни необъезженную кобылицу, привязал к ее хвосту скрученными вожжами свою жену, а себя привязал к жене, а потом гикнул, лошадь понесла, поволокла мужа с женой в чистое поле и там растрепала их насмерть об землю.

Наиболее полно культурно-фоновое содержание лексемы конь представлено в паремиологическом фонде. В пословицах, «как в зеркале, отразилась русская народная жизнь со всеми своими живописными особенностями... В них отразились все стороны жизни народа: домашняя, семейная, полевая, лесная, общественная; его потребность, взгляд на природу, людей, на значение всех явлений жизни» [Ушинский 1949: 298]. Пословицы закрепили представление народа о прототипической лошади. Она должна быть здоровой: *На леченом коне неделю ездить. Молод был – конем был, стар стал – одер стал*; умной: *Доброму (ученому) коню лишь плеть покажи* (ср. противопоставление настоящему коню: *Глуп как сивый мерин; Бред сивой кобылы*); резвой: *Резвого жеребца и волк не берет; У лихого жеребца косяк цел*. Но главная ценность лошади – участие в труде: *Лошадь человеку крылья: возит воду, возит и воеводу. Саночки-самокаточки, а без коня нельзя*.

В русских пословицах в сентенционной форме отражены стереотипы народного сознания, категории обыденной культуры, «установки этой жизненной философии народа» [Телия 1996: 246]. Так, лошадь ассоциируется со счастьем: *Счастливый на коне, несчастный пеш*; с терпением, надеждой: *Надеючись, и конь копытом бьет*; с верой: *Добрый конь подо мною, господь надо мною*. С образом коня связывается материальный достаток: все пословицы о бедном крестьянине подчеркивают отсутствие у него лошади: *Ни коня, ни возу, ни что на воз положить; Уехал на своих воронах*.

Итак, лошадь в народном сознании – это объект материальной и эстетической ценности. Фольклорные тексты, содержащие лексические единицы класса *лошадь*, позволили выделить два класса признаков, формирующих культурно-фоновое значение данного слова – денотативные и метафорические. Денотативные признаки – это основные физические качества, связанные с лошадью в представлении русского человека: внешний облик, масть; типовые действия лошади. Эти качества отражаются во всех фольклорных жанрах. Конь в русском сознании – это не просто средство передвижения, обладающее большой силой и скоростью, особенная значимость лошади для русского крестьянина в ее незаменимой роли в сельском труде.

Группу метафорических признаков составляют нравственно-этические концепты. Лошадь выступает символом достатка и благополучия, а также как надежный помощник, способный разделить с человеком все трудности, встречающиеся на пути. Метафорические смыслы извлекаются из сказок и пословиц. Наличие метафорических смыслов свидетельствует о том, что образ *лошади* может обладать ассоциативными связями не только в границах жизнедеятельности человека и животного, но и за ее пределами, на уровне концептуальных понятий.

Литература

- Аникин В.П. Русское устное народное творчество. - М., 2001.
Пушкарёв Л.Н. Духовный мир русского крестьянина по пословицам XVII–XVIII вв. - М., 1994.
Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. - М., 1996.
Ушинский К.Д. Родное слово: книга для учителя // Собр. соч. Т. 6. - М.-Л., 1949.

© Михайлова О.А., Булатникова Е.Н., 2004

И.Я.Мурзина
Екатеринбург

Язык и миф в региональной культуре: к постановке проблемы

Отличительной особенностью культуры, свидетельствующей о духовной освоенности жизненного пространства, является наличие *языка*. «Предложенное» языком описание мира должно

быть максимально полным, содержащим все элементы мира, в котором человек живет. Такой полнотой сегодня обладает литературный язык. Однако наряду с литературным языком существует пространство народных говоров (региональное языковое пространство).

Как показал анализ, в русских говорах Среднего Урала присутствует весь объем слов, необходимых для полномасштабного описания мира. Тематически слова группируются следующим образом: географическая терминология (особое место среди которой по праву занимают топонимы), метеорологическая терминология, названия растений, грибов, ягод, животных птиц, насекомых – лексика, описывающая *природный мир*; жилье, двор, одежда, обувь, кушанья, утварь, виды деятельности (хлебопашество, овощеводство, льноводство, прядение, ткачество, охота, рыболовство, полеводство, животноводство; особое место занимают слова, связанные с ремеслами и промышленным производством), транспорт, дороги, социально-экономическая терминология – лексика, описывающая *повседневную жизнь*; части человеческого тела, болезни, личностные качества самого широкого спектра – лексика, описывающая *человека* как объект и как субъект действия; обряды и обычаи – лексика, описывающая *религиозные верования и мифологические представления* (эти две группы тесно связаны, с одной стороны, с традиционным календарем христианских праздников и связанными с ними народными обычаями, с другой, с образами народной мифологии, прежде всего касающиеся мира т.н. «низших духов»).

В языке обнаруживается несколько пластов: один связан с общерусской лексикой, адаптированной к условиям жизни (в том числе и устаревшей), другой представляет собственно языковое творчество русских поселенцев, третий – заимствования у других народов, населявших край. Если рассматривать язык как репрезентирующую сознание жителей систему, свидетельствующую о существовании целостной модели мира, можно увидеть, что этот мир уральцами был назван и, следовательно, духовно осмыслен и освоен. Однако лексический пласт, описывающий мифологические представления и народные верования, на сегодняшний день изучен мало (если не считать довольно успешный опыт этноидеографического словаря, подготовлен-

ный О.В. Востриковым), хотя, как представляется, тесное единство фольклористских и языковедческих исследований могло бы быть чрезвычайно продуктивным и способствовать более полному описанию региональной культуры как специфической формы существования русской культуры, в частности, на Урале.

Существование сложной языковой реальности обращает нас к осмыслению более общей категории описания – к мифу, свойственному региональному сознанию. Возможно, изложенный ниже краткий очерк реконструкции мифологической системы уральцев послужит дополнительным толчком к исследованию их языка в контексте проблемы бытия региональной культуры.

В основе мироотношения первопоселенцев, пришедших на Урал еще в XVI-XVII вв. и в более позднее время, лежали сформированные христианской традицией представления о мире и человеке и служившие, по сути, единственным и единым основанием для развития русской культуры. Становящийся на протяжении XVII-XIX вв. уральский вариант русской культуры формировался на христианской основе, особенностью его была тесная связь с одной из ветвей православия – старообрядчеством. Можно говорить о том, что в мировоззрении людей, живущих на Урале, сосуществовали, с одной стороны, религиозная христианская традиция (в двух формах – старообрядческой и православной послениконианской), с другой стороны, традиция народной религиозности (в которой тесно слиты христианские и языческие представления). Их связь проявляет себя в мифе, который складывался на протяжении нескольких столетий. Обращаясь к культуре Урала, мы сталкиваемся с формированием народных мифологических представлений в новое время по архаическим моделям, сохранившимся в глубинных пластах сознания переселенцев.

Отличительной особенностью этих мифологических представлений была известная двойственность горнозаводского мира, связывающая крестьянскую традицию с новыми условиями промышленного производства, – то, что было характерно для уральского способа хозяйствования, находившегося на грани между крестьянским трудом и трудом промышленных рабочих.

От крестьянской культуры – здесь связь с аграрным календарем (закрепившаяся в песенном фольклоре), представления о

структуре мира (в символике народного жилища), нравственные устои (этическая оценка с точки зрения религиозных представлений о сущем и должном), эстетические ценности (нашедшие свое воплощение в формах и образах художественной деятельности, неразрывно связанных с бытом, прежде всего в декоративно-прикладном искусстве и устном народном поэтическом творчестве).

От собственно горнозаводского труда составным элементом в мифологию уральцев вошли представления, связанные с местными условиями существования (образы «тайной силы», народная демонология), с характером производства (предания о «мастеровщине», семейные предания), со свойствами личности (истории «о силачах», в которых наряду с физическими качествами человека на первый план выходят моральные свойства богатырей, связывая, тем самым древнюю традицию «богатырских историй» с реалиями текущей жизни).

В народной духовной культуре фольклорные жанры и фольклорный тип мышления сохраняются благодаря устной традиции: предания о заселении края, о своей родословной, истории заводов и отдельных производств или ремесел, бытовавшие на Урале, становились той основой, на которой воспитывались молодые поколения. В них этические представления, характерные для всей русской народной культуры (почитания старших, ценности труда, совестливости), конкретизированы и «привязаны» к местным условиям, объединяя общекультурные ценности и ценности, значимые для людей определенного региона.

В ходе модернизационных процессов, охвативших Россию с середины XIX в., традиционный уклад жизни разрушается, однако ценностно-нормативная основа культуры носит более или менее устойчивый характер, и, возможно, не претерпела бы таких радикальных изменений в XX в., если бы не внешние факторы (прежде всего связанные с революциями). Устойчивость традиционных представлений демонстрирует тот факт, что еще в 1960-70-е гг. фольклористы фиксировали их в ходе экспедиций по горнозаводскому Уралу.

Возникает вполне закономерный вопрос: можно ли реконструировать исторический пласт сознания, опираясь на литературную традицию и известные фольклорные источники?

Реальная сложность состоит в том, что огромный пласт культуры, связанный с горнозаводской жизнью дореволюционного Урала, уходит в небытие в XX в., так и не дождавшись своего подробного описания, а исследователям оставались только «осколки», интерпретация которых вызывала сложности как идеологического, так и методологического свойства. Оставив на время в стороне идеологические установки, обратимся к сложностям методологическим.

В последние десятилетия стали доступны широкому читателю работы структуралистов и представителей семиотической школы, в которых фольклор и постфольклор (фольклор современности) рассматриваются в том числе и с точки зрения реконструкции архетипических элементов и мифа как формы мироотношения и миропонимания в целом, находящегося в целостном единстве со «всей сферой символического» (В.Н.Топоров, В.В.Иванов и др.).

Сложность, на наш взгляд, заключается даже не в представлении конгломерата текстов как метатекста, но в самом акте «чтения» этого текста. Еще большую проблему представляет чтение и расшифровка мифа. Понимая миф как «высказывание», когда «важен не сам предмет сообщения, а то, как о нем сообщается» (Р. Барт), мы попытались наметить образ мифологии Урала, как он мог бы быть представлен, если бы был полностью описан и восстановлен.

Наличие в любой мифологической системе космогонических и антропогонических мифов, мифов о происхождении культурных благ, присутствие древних предков и культурных героев свидетельствуют об устоявшейся и разветвленной мифологии.

Сложность воссоздания уральской мифологии заключается в том, что создание мифа и его разрушение происходили в очень короткий период времени (практически на протяжении XVIII – первой половины XIX вв.), кроме того исторически это было время становления *другой* культуры, опиравшейся на *другие* основания (стремление к научно обоснованной картине мира, соединявшееся с попытками ускоренной модернизации). Прини-

мая во внимание этот факт, мы, обращаясь к фольклорным источникам, обнаруживаем, тем не менее, практически все элементы мифологической картины мира.

Описание мифологии мы начнем с *категории времени*, являющейся для мифологического сознания одной из ключевых. Мифическое время отличается от «профанного», исторического прежде всего тем, что это «правремя», начальный этап, «когда все было создано». В мифическое время первоначально создают мир в том его состоянии, которое существует и доныне.

Для уральского мира «правремя» – это время «чуди», древнего народа, жившего на Урале до колонизации русскими.

Пришедшие на место, где жили другие народы, русские колонизаторы должны были создать свои «объяснительные системы» о происхождении гор. Если мы вспомним, что гора рассматривается как один из самых распространенных вариантов трансформации образа мирового древа, то получим вполне законченную мифологическую картину: мир, в котором оказались «пришлые» люди, – горный Урал (верхняя часть горы в сознании связывалась с Небом, нижняя часть – с недрами и подземным миром) – представляется как модель «всего мира» (в мифе зачастую частное представляет целое), который предстоит осваивать.

Сразу оговоримся, что в мифологических представлениях разных народов «мировая гора» может и не соотноситься с конкретным географическим объектом, а может, как, например, у народов Алтая, мифологизироваться. Нам кажется, что в образе Камня (названия Уральских гор русскими переселенцами) происходила известная мифологизация географического объекта, и косвенным подтверждением могут служить предания о происхождении Уральских гор и о «тайной силе», населяющей горное пространство. Среди топонимических преданий фольклористы находят устойчивые сюжеты о богатыре (вариант – «святом человеке»), который сотворил Уральские горы, наполнил их несметными богатствами, но, увидев несправедливость, царящую в мире, ушел далеко на Север, оставив как воспоминание о себе следы на камнях.

В освоении/присвоении мира особое место занимают *космогонические мифы*. Описывая пространственно-временные коор-

динаты вселенной, предания о происхождении Уральских гор могут быть рассмотрены как относящиеся к типу космогонических. Вариантом таких мифов мы предлагаем рассматривать одну из групп генеалогических преданий (по классификации А.И.Лазарева).

Ряд преданий о происхождении гор отсылают нас к собственно горнозаводской традиции: происхождение гор уподобляется выплавлению металла. Мы можем с высокой степенью достоверности допустить, что процесс «наделения» территории смыслами (мифологизация) и процесс обживания места в практической деятельности шли параллельно, и хозяйственная деятельность предшествовала мифопоэтической.

Акт «создания мира» в мифологических повествованиях часто связывается с мотивом жертвы. Сюжеты многих преданий о «начале» уральских заводов разворачиваются вокруг центрального мотива – человеческой жертвы (истории, повествующие «о заложенной в плотину человеческой голове» или, в более поздних по времени создания преданиях, о монете, на которой изображена голова. Можно вспомнить предания о человеческих жертвах доменным печам, о тайнах невянской башни и им подобные). Ритуальный характер данного действия не вызывает сомнений, необходимость его, очевидно, связана с сакрализацией обряда происхождения/рождения «культурного», человеческого мира.

К мифам о происхождении мира тесно примыкают мифы о предстоящем конце мира – *эсхатологические мифы*. Пророчества о конце мира присутствуют в развитых мифологических системах, их наличие свидетельствует в том числе и о максимальной духовной освоенности мира. Дополняет и во многом уточняет эсхатологические представления образ далекой земли, на территории которой не страшны никакие катаклизмы, где возможно спасение и счастливое существование. В уральской традиции эти представления присутствуют в виде «социально-утопических легенд» (К.В.Чистов) о таинственной стране Беловодии.

Остановимся несколько подробнее на сюжете Беловодья прежде всего потому, что этот сюжет тесно связан с жизнью старообрядцев-раскольников. Пророчества о «последних днях»,

о «приходе антихриста» были особенно сильны в среде раскольников, чему безусловно способствовали перипетии русской истории. Во многом благодаря этим настроениям в старообрядческой среде так широко были распространены истории о легендарных «сокровенных» местах, где только и возможно спастись от грядущего Апокалипсиса (хорошо известны легенды о Млевских монастырях, о жигулевских горах, о граде Китеже). В ряду этих повествований находится история о стране Беловодии.

Следующей группой мифов, которую нужно было бы рассмотреть, реконструируя мифологическую систему, должны стать *антропогонические мифы*. Однако мифов о сотворении человека в уральском фольклоре нами не обнаружено, зато огромный пласт занимают предания о происхождении «пришлых» людей – генеалогические устные рассказы, повествующие о родоначальниках сел, поселков, городов (особое место среди этой группы преданий занимают истории о переселенцах-старообрядцах), и примыкающие к ним истории о контактах с местным населением (примером могут служить предания о контактах русского населения с вогулами). Причина «замены» антропогонического мифа генеалогическим преданием, по-видимому, связана с довольно поздним по времени освоением края, когда связь с прошлым ощущалась не только как с мифологическим правременем, но и временем историческим.

Особый интерес представляют предания, в которых «действующими лицами» были реально существовавшие люди, однако характер их изображения, сюжетные коллизии выдают архаическую основу: они строятся в логике мифологических повествований о т.н. *культурном герое*, среди функций которого обычно выделяют добывание культурных благ, участие в мироустройстве в качестведемиурга, обучение людей ремеслам и искусствам и т.п.

В уральском фольклоре нам удалось выявить ряд персонажей, явно тяготеющих к типу культурного героя: Ермак, «первые» Демидовы, Аносов, Карпинский. В нашей реконструкции уральской мифологии эти «персонажи» символизируют собой связь условно называемого «среднего» мира (мира людей) с миром «верхним» (в христианской традиции – «горним»). Они мо-

гут быть также рассмотрены как представители пантеона «высшей мифологии», т.е. обладающие «божественным статусом».

Соответственно, должен быть и сонм «низшей мифологии», мифологических существ, лишенных божественного статуса, – демонов и духов. Этот пласт в силу его тесной связанности с творчеством П.П.Бажова в фольклористике хорошо описан. Мы же отметим следующее: столь разветвленная народная демонология могла быть обусловлена только одной необходимостью – одушевлением (как одной из форм духовного освоения) природно-стихийных сил, с которыми на новом месте пришлось взаимодействовать людям. Именно с этим связаны разветвленные предания о горных духах, о живительной /разрушительной силе огня и т.п.

По сути, мы имеем дело с уникальным феноменом: в среде горнозаводского населения в новое время происходит процесс освоения мира по древнеславянским моделям. Едва ли не единственный случай в мировой практике, когда в одной культуре параллельно, но не независимо друг от друга, идут процессы создания производственного цикла (строительство заводов с передовой по тем временам технологией в логике модернизированных социально-производственных систем) и формирования мифологических представлений о мире по архаическим моделям. Непротиворечивость этих процессов заставляет предположить, что уральская культура создает собственную линию осмысления мира, исходя из создавшихся условий существования, используя при этом в качестве «строительного материала» как древние пласты сознания, хранящиеся в народной культуре, так и новые реалии, связанные со спецификой здешней жизни. Устойчивость представлений, хранящихся в народной памяти и поныне, дают дополнительную возможность говорить о живом и смыслозначимом характере явления.

Среди отличительных особенностей уральской мифологии выделим тесное единство древних языческих верований, связанных с освоением новой территории и новых форм хозяйственной жизни, христианских верований допетровской Руси и представлений, характерных для культуры нового времени, связанных с производственными процессами.

Намеченный путь реконструкции уральской мифологии может помочь по-новому осмыслить и бытие языка в регионе, и его специфические особенности, с тем, чтобы полнее воссоздать образ уральского мира как специфической культурной реальности.

© Мурзина И.Я., 2004

Т.И.Стексова
Новосибирск

**Семантическая категория неотчуждаемости:
к постановке проблемы**

Среди семантических категорий в русском языке выделяется и категория отчуждаемости / неотчуждаемости (в другой терминологии: отторжимости / неотторжимости). Изучение данной категории помогает выявить в языке границы «личной сферы». Языковая характеристика отношений между лицом и предметом, находящимся в его отчуждаемой или неотчуждаемой собственности, представляется важной для описания языкового сознания общества и выявления особенностей русской языковой картины мира, так как отражает картину мира, свойственную определенному социуму. По замечанию З.М.Волоцкой, «в картину мира этнических социумов, составляющую комплекс знаний об объектах окружающего мира, входит представление об их возможном членении на составляющие части, о присущих им объектах обладания, функциях и свойствах этих объектов, количестве объектов обладания с тождественной функцией, а также о том, какие объекты не могут принадлежать данному денотату» [Волоцкая 1986: 230]. Категория отчуждаемости / неотчуждаемости является универсальной семантической категорией, но в различных языках она представлена по-разному: в некоторых языках, например, в итальянском, меланезийском и других она выражается явно, имеет формальные способы выражения, в других языках, в частности в русском, является скрытой. Особенность данной скрытой категории, в отличие от других скрытых категорий, заключается в том, что в разных языках и социумах различаются не только способы выражения категории, но и набор неотчуждаемых объектов. Категория неотчуждаемости неоднократно становилась предметом исследования

на материале различных языков: меланезийском [Жури́нская 1977], тунгусо-маньчжурских [Суник 1947], русском [Жури́нская 1979]. Внимание лингвистов было направлено на соотношение данной категории с такими семантическими категориями, как определенность [Головачева 1989], посессивность [Чинчлей 1996], партитивность [Долинина 1996]; на способы выражения данной категории в различных языках.

Тем не менее, остается еще ряд не до конца решенных вопросов. Прежде всего, стоит определить, что понимается под отчуждаемостью / неотчуждаемостью (отторжимостью / неотторжимостью). По М.А.Жури́нской, это **«максимально тесная, нерасторжимая связь посессора и объекта, такая, что посессор, утратив объект, перестает быть тождественным самому себе и поэтому вне связи с объектом не мыслится»** [Жури́нская 1977: 195]. Если согласиться с этим определением, то возникает вопрос о том, насколько соответствует языковой материал, связываемый с категорией неотчуждаемости, данному определению. Всегда ли речь идет о посессоре (обладателе) и объекте?

Обычно о семантике неотчуждаемости (неотторжимости) говорят в связи с категорией посессивности, которая «отражает реально существующие связи между предметами реального мира, отмеченные и категоризованные нашим сознанием» [Чинчлей 1996: 101]. С точки зрения А.В.Головачевой, посессивность – это ментальная категория, связывающая два объекта внеязыковой действительности таким отношением, при котором один из них (объект обладания) является в известном смысле частью другого (посессора) [Головачева 1986: 192-193]. Итак, для А.В.Головачевой, значение посессивности приравнивается к значению партитивности. Но есть и более широкая точка зрения, с позиций которой посессивность включает в себя несколько категорий: обладания, принадлежности и партитивности [Чинчлей 1996]. Авторы коллективной монографии «Категория посессивности в славянских и балканских языках» [1989] партитивность рассматривают как часть принадлежности, а именно как неотчуждаемую принадлежность. И.Б.Долинина выделяет «две относительно независимые содержательные сферы, связанные с посессивностью, - отношения принадлежности (собст-

венности, родства), с одной стороны, и партитивность - с другой» [Долинина 1996: 128]. Но и при широком, и при узком подходе одним из категориальных признаков посессивности называется неотчуждаемость.

Представляется, что семантика неотчуждаемости по-разному связана с субкатегориями посессивности. Обладание в узком смысле (или «собственно обладание» в терминологии Чинчлей), на наш взгляд, не может сочетаться с семантикой неотчуждаемости. Субъектом обладания всегда является одушевленное лицо, а объектом обладания может быть только отчуждаемый предмет. Поэтому событийная пропозиция обладания имеет как утвердительную форму выражения, так и отрицательную. Ср.: *У него есть машина.* – *У него нет машины.* Подстановка в эту синтаксическую конструкцию неотчуждаемого предмета и/или неодушевленного субъекта приводит к проявлению логической пропозиции характеристики, причем в утвердительной форме глагол вербально не выражается: *У стула четыре ножки.* В подобных случаях мы уже не можем говорить о посессоре и объекте, следовательно, определение неотчуждаемости требует внесения корректив.

Субкатегория партитивности выражает отношения между целым и его частью, которые уже по определению всегда связаны нерасторжимо. Эти отношения могут связывать как одушевленное лицо и его составляющую часть, так и неодушевленный предмет и его неотчуждаемый компонент: *человек – рука; машина – мотор.*

Принадлежность же может быть как отчуждаемой, так и неотчуждаемой. Границы между зоной отчуждаемости и зоной неотчуждаемости достаточно подвижны, что связано не только с национальными особенностями мировосприятия, но и с тем, что принадлежность может быть представлена серией разновидностей.

В связи с этим возникает вторая проблема: проблема разграничения отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности.

К.Г.Чинчлей, различая “собственно обладание” и “несобственно обладание”, отношения неотторжимой принадлежности связывает с субкатегорией “несобственно обладание” и, прежде всего, с личной сферой человека, основу которой составляют

отношения партитивности, однако, по его замечанию, “благодаря метафорическим переносам сфера неотторжимости проявляет тенденцию к расширению” [Чинчлей 1996: 102]. Неотчуждаемыми, с его точки зрения, являются имена близких родственников, наличие необязательных качеств (*У него легкая походка*) и незапрограммированных деталей (*У него есть борода*). С точки зрения исследователя, это “несобственно обладание”, так как «в подобных высказываниях проявляется тенденция представлять человека как “обладателя” элементов внутреннего и внешнего микромира» [Чинчлей 1996: 102]. Именно на этом основании такие конструкции отнесены в работе к конструкциям обладания в широком смысле.

Еще более широкий подход к выделению неотчуждаемой принадлежности отражен в коллективной монографии «Категория посессивности в славянских и балканских языках», в которой, как мы уже отмечали, партитивность рассматривается как частный случай принадлежности. В данной работе **неотчуждаемость** трактуется как отношения, присущие не только конкретному лицу, но и концепту, причем **такие отношения для конкретного лица мыслятся как обязательные или в высшей степени вероятные** [1989: 45]. В работе выделены следующие типы неотчуждаемых отношений:

1. Отношения между человеком и его «физическими составляющими» (т.е. партитивные).
2. Отношения между человеком и ближайшими к нему абстрактными сущностями, «расположенными внутри тела»: душой, совестью, разумом, памятью и пр.
3. Отношение лица к ближайшим предметам, в первую очередь, к одежде, которая может трактоваться: а) как абстрактная сущность и в этом случае осознаваться как неотчуждаемая принадлежность по функции; б) как «продолжение» тела, его неотчуждаемая часть (схватить кого-либо за рукав – за руку); в) как предмет собственности, т.е. как отчуждаемый объект, способный к смене посессора: локус обитания, домашняя утварь, документы, удостоверяющие личность, и под.
4. Родственные и некоторые другие отношения.
5. Отношения между неодушевленным предметом и его частями.

6. Отношения между предметом и абстрактными сущностями, характеризующими предмет с точки зрения его физических свойств: размера, веса, цвета.

7. Отношение предмета к лицу – деятелю: *дом – хозяин, книга – автор*.

Как видим, в данной монографии круг объектов, понимаемых как неотчуждаемые, очень широк, он в большой степени включает в себя такие объекты, которые не предполагаются языковым менталитетом обязательными или весьма вероятными для человека.

Степень нерасторжимой связи между двумя объектами может быть различной. Так, А.В.Головачева выделяет три степени: абсолютная, относительная и окказиональная неотчуждаемость, причем, она настаивает на том, что первые две степени связывают концепты, а не конкретные денотаты, а третья, окказиональная, степень неотчуждаемости связана с соотношением денотатов и прагматикой речи [Головачева 1986].

1. Абсолютная неотчуждаемость характеризуется высокой степенью спаянности объектов, посессор не мыслится без своих абсолютно неотчуждаемых компонентов. Абсолютно неотчуждаемыми (во всех языках) являются части тела (рука, шея, живот и пр.), т.е. объекты, связанные отношениями партитивности. По мнению исследователя, для неодушевленных посессоров абсолютно неотчуждаемыми являются те составляющие их элементы, без которых данный объект не может существовать, например, дом без стен перестает быть домом, автомобиль без колес и мотора перестает быть средством передвижения. Именно абсолютная неотчуждаемость делает невозможным построение таких фраз, как *Вошел мальчик с глазами; В углу стоял стол на ножках*. Наше представление о мире, о концепте делает эти фразы тривиальными и, следовательно, требует введения в предложение дополнительного атрибута: *Вошел мальчик с голубыми глазами; В углу стоял стол на гнутых ножках*. В подобных примерах актуальным становится не наличие данного объекта, а его признаковая характеристика, отличающая данный объект от ему подобных. Именно абсолютная неотчуждаемость определяет невозможность конструкции типа: *У него есть шея; У машины есть мотор* и возможность использования отрица-

тельной конструкции: *У него нет руки, У него нет голоса*. Причем, важно отметить, что отрицательные конструкции могут иметь различное значение: либо обозначать реальное отклонение от нормы (отсутствие руки у человека делает человека инвалидом, но при этом он не перестает быть человеком); либо такая конструкция имеет метафорическое значение: *У него нет сердца* (т.е. он жестокий человек). Наличие в русском языке таких фраз, как *У него есть голова* также свидетельствует о переносном значении, где актуальной становится признаковая семантика (т. е. он умный человек). К тому же в подобных случаях речь всегда идет о конкретном денотате, а не о концепте.

Как видим, абсолютно неотчуждаемыми являются объекты, связанные отношениями партитивности и трактуемые во всех языках как неотчуждаемые. Но к этой же группе А.В. Головачева относит и свойства человека, связанные с универсальными проявлениями его деятельности (голос, дыхание, слух, походка, почерк), свойства человека как физического тела (размеры, вес, рост и т. д.) и как живого и мыслящего существа (память, душа, разум и пр.). Например, *У него легкая походка, У него высокий рост*. К этой группе, по мнению И.Б. Долининой, критерий отторжимости/ неотторжимости вообще не применим, «поскольку он обычно фиксирует связь двух материальных объектов, а не объект и его свойства, качества, функциональные проявления» [Долинина 1996: 132]. Действительно, в подобных примерах речь идет не о партитивных отношениях, здесь, вероятно, нельзя говорить о посессоре и объекте, но, с другой стороны, если следовать определению неотчуждаемости, данному М.А. Журинской и приведенному в данной статье выше, то нельзя не согласиться, что походка, рост, вес являются неотъемлемыми составляющими человека, характеризующими его определенным образом, без которых человек не мыслится. Неслучайно подобные примеры подчиняются всем семантическим запретам, характерным и для выражения отношений партитивности. Также нельзя употреблять глагол в посессивной конструкции **У него есть походка*; следует обязательно вводить дополнительный атрибут в высказывание: *У него легкая походка, У него красивый почерк* и т.д. Следовательно, понимание И.Б. Долининой семантической категории неотчуждаемости очень узкое и не

распространяется на весь языковой материал, проявляющий свойства данной категории. С нашей точки зрения, отсутствие значения посессивности не означает обязательного отсутствия значения неотчуждаемости; категория неотчуждаемости может взаимодействовать и с другими семантическими категориями.

2. Относительная неотчуждаемость также связывает не только конкретные денотаты, но и концепты, и свидетельствует о связи двух объектов, причем один из них является частью другого с большой степенью вероятности, но не является его необходимым элементом. Сюда А.В.Головачева относит отношения между одушевленным лицом и «отрастающими» частями тела: *человек с усами, бородой, девушка с косой*. Представляется, что выделение этой группы в достаточной мере спорно, так как не соответствует определению отчуждаемости. Вряд ли можно согласиться, что посессор (*человек*), утратив объект (*усы*), перестает быть тождественным самому себе, что без этого объекта он не мыслится. Бесспорно, концепт «человек» включает в себя такие составляющие элементы, как борода, усы и пр., но представляется, что в отношениях между ними нет компонента обязательности. В эту же группу А.В. Головачева относит отношения между родственниками: *мать – дочь*. Представляется, что объединение в одной группе относительно неотчуждаемых объектов «отрастающих частей тела» и ближайших родственников происходит по разным основаниям. Усы, борода и под. являются возможными, но не необходимыми частями тела. А быть тещей невозможно, не имея зятя, равно как нельзя быть матерью, не имея детей. Другими словами, эти концепты находятся в отношениях взаимообусловленности: наличие одного концепта определяет наличие другого.

3. Отношения окказиональной неотчуждаемости характеризуются слабой степенью посессивной связи между концептами. Окказионально неотчуждаемые объекты мыслятся не как вероятные, а как возможные элементы, которые только в определенных ситуациях могут восприниматься как неотчуждаемые. В такие конструкции, по мнению А.В.Головачевой, «могут входить имена, обозначающие собственно принадлежность, принадлежность по функции, различные абстрактные понятия, связанные с лицом» [Головачева 1986: 199]. Эта группа объектов

является промежуточным звеном между собственно неотчуждаемыми объектами и объектами отчуждаемыми. На наш взгляд, квалификация объектов именно этой группы будет зависеть от картины мира, свойственной данному социуму. Так, например, концепт «горец» предполагает наличие папахи, которая абсолютно не обязательна для русского, трудно представить мусульманскую женщину без платка на голове. Представляется, к этой группе нужно отнести и объекты, трактуемые А.В. Головачевой как относительно неотчуждаемые, например, борода (и подобные), потому что «денотат «борода» в одних социумах и в определенный исторический период является неотчуждаемой принадлежностью таких посессоров, как дед, дядя, отец и т.п., а в других не является» [Волоцкая 1986: 230-231].

Итак, сопоставив работы разных авторов, мы видим, что в научной литературе нет однозначности не только в используемой терминологии, но и в понимании категории неотчуждаемости, не определен ее объем, критерии выделения, спорными представляются классификации ее разновидностей. Вероятно, для решения этой проблемы необходимо выявить все способы проявления этой скрытой категории в русском языке; исчислить все семантические и грамматические запреты, которым должна подчиняться данная категория; проанализировать взаимодействие категории неотчуждаемости не только с категорией посессивности и определенности /неопределенности, но и с другими семантическими и грамматическими категориями. Изученность данной категории с точки зрения семантики и грамматики позволит продолжить работу, начатую З.М.Волоцкой [1986], по выявлению прагматических функций категории неотчуждаемости и определению ее места в русской языковой картине мира.

Литература

Волоцкая З.М. К вопросу о прагматическом аспекте категории посессивности (ее роль в организации текста загадки) // Славянское и балканское языкознание. - М., 1986.

Головачева А.В. К вопросу о соотношении категорий неотчуждаемости и определенности // Славянское и балканское языкознание. - М., 1986.

Долинина И.Б. Конструкции с посессивными актантами //Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. - СПб., 1996.

Журина М.А. Именные посессивные конструкции и проблема неотторжимой принадлежности // Категории бытия и обладания. - М., 1977.

Журина М.А. О выражении значения неотторжимости в русском языке // Семантическое и формальное варьирование. - М., 1979.

Категория посессивности в славянских и балканских языках. - М., Наука, 1989.

Чинчлей К.Г. Поле посессивности и посессивные ситуации // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. - СПб., 1996.

© Стексова Т.И., 2004

К.Б. Трегубова
Пермь

Восприятие речи телеведущего массовой аудиторией

Известно, что массовая коммуникация представляет собой взаимодействие или взаимовлияние двух участников: коммуникатора и его аудитории [Мельник 1996]. С одной стороны, тележурналист стремится повлиять на аудиторию, внушить ей необходимый образ мыслей, сообразный с его. С другой стороны, чтобы осуществить это воздействие, ему необходимо учитывать самые разнообразные характеристики аудитории, рассредоточенной не только во времени и пространстве, но психологически и социально [Леонтьев 1992]. В этом случае можно говорить о воздействии аудитории на журналиста.

Различные средства воздействия тележурналиста на аудиторию могут рассматриваться с точки зрения теории коммуникации, лингвистики и психологии. Основной целью нашей работы является изучение взаимодействия журналиста и аудитории, а именно, выяснение, как меняется восприятие ведущего массовой аудиторией в зависимости от того, какие речевые средства он использует. Материалом для исследования послужили расшифровки видеоматериалов с записью аналитических программ телевидения «Глас народа» и «Основной инстинкт» С. Сорокиной, «Времена» В. Познера, «Зеркало» Н. Сванидзе. Общая продолжительность записи – 1000 минут. В эксперименте по исследованию восприятия приняли участие 36 студентов филологов и юристов Пермского государственного университета и Нижегородской академии МВД РФ.

Путем выделения смысловых акцентов (к понятию «смысловой акцент» мы обратимся ниже) в речи политических обозревателей в нашей работе мы попытаемся выявить, в какой мере субъективизация информации характерна для политических обозревателей наших каналов. Под смысловыми акцентами мы понимаем намеренное стремление говорящего подчеркнуть, выделить какую-либо мысль, обратить внимание аудитории на какое-либо положение, используя различные средства речевой выразительности, как-то: интонации, модальные слова, стилистические и синтаксические приемы, а также различные художественные приемы: метафору, метонимию и т.д. Иначе говоря, смысловые акценты – способы реализации субъективной модальности в речи.

Диапазон средств реализации модальности достаточно широк – он включает как лингвистические средства выражения, так и невербальные. Так, Г.П. Немец расширяет границы арсенала средств реализации модальности, включая сюда паузу, ряд стилистических приемов, интуицию [Немец 1989]. В нашем исследовании мы будем рассматривать лексико-семантические, стилистические средства выражения субъективной модальности и смыслового акцентирования, особенности невербального влияния на аудиторию, а также специфику психологического воздействия.

Как уже было сказано выше, в системе коммуникации различают функции коммуникатора и аудитории. Процессы воздействия коммуникатора на массовую аудиторию и процессы восприятия аудиторией коммуникатора взаимосвязаны и не могут быть рассмотрены в отрыве друг от друга.

Остановимся подробнее на результатах, полученных в ходе исследования данного взаимодействия. В качестве материала для исследования были выбраны самые высокорейтинговые (по данным сайта Gallup media.ru на 24.03.03) передачи информационно-аналитического и социально-политических жанров центральных каналов: «Времена» - 18,24%, «Основной инстинкт» - 15,69%, «Зеркало» - 14,84% . Проведенный анализ позволил нам выявить основные сходства и различия в способах создания смысловых акцентов ведущими, а также выявить специфику акцентирования каждого. Полученные результаты были исполь-

зованы в интерпретировании эксперимента по исследованию восприятия телеведущих аудиторией.

В результате произведенного нами анализа программ В. Познера были выявлены следующие особенности создания смысловых акцентов.

Внимание привлекают уже жанровые особенности передачи: совмещение элементов ток-шоу и политического обозрения. В студии представлены мнения экспертов, мнения аудитории, а также специально приглашенных знаменитых гостей. «Свежие головы» – так называет этих людей сам ведущий, подчеркивая, что из уст данных гостей может быть услышана абсолютно иная точка зрения на проблему. В напряженных ситуациях или в случаях «зацикливания» на определенной проблеме В. Познер обращается к известному гостю, который, как правило, разряжает обстановку.

Дискуссия строится по принципу столкновения сторон, при этом сам ведущий придерживается нейтральной позиции, никак не определяя своего мнения, тем самым подчеркивая факт своей объективности. Собственно оценочные суждения в речи В. Познера сведены до минимума, телеведущий прибегает к обильному цитированию, на основании которого задает вопросы и обращается к аудитории. Оценочность в речи В. Познера присутствует, скорее, на интонационном уровне, нежели на лексическом или синтаксическом. В этом его разительное отличие от других телеведущих, которые используют, в основном, лексические средства акцентирования. С точки зрения транзактного анализа, по отношению к приглашенным в студию собеседникам В. Познер выполняет функцию родителя, об этом свидетельствуют интонации – зачастую обвиняющие, снисходительные, критические, пресекающие - нахмуренное, неудовлетворенное, обеспокоенное выражение лица, пристальный взгляд, рука на подбородке. Вследствие такой позиции ведущего гость программы, как правило, неосознанно принимает на себя роль ребенка, начинает оправдываться, объяснять, сбиваться, нервничать. Из-за такого распределения функций у аудитории возникает убежденность в неправоте гостя студии и правоте ведущего, таким образом, увеличивается степень доверия к сообщаемой информации.

Обращают внимание и смысловые оттенки задаваемых ведущим вопросов. Вопросы зачастую имеют форму «вопросов-пояснений», т.е. вопроса для эксперта и пояснения для аудитории. В вопросах уже заложены оттенки смысла: это может быть действительная заинтересованность, может быть стремление подчеркнуть некомпетентность данного лица при ответе на вопрос, ирония, вопрос может предполагать ответ и необходим лишь для того, чтоб компетентное лицо подтвердило мысль, высказанную ведущим. Вопросы предельно четко сформулированы, категоричны и предполагают предельно четкие ответные реплики, допускающие только два варианта, зачастую «да», «нет». Это позволяет ведущему вести разговор в заданном направлении, вокруг конкретной проблемы, что препятствует участникам разговора «растекаться мыслью по древу». Разумеется, это облегчает восприятие программы массовой аудитории.

Частое использование в речи местоимений «мы», «нас» приближает ведущего к зрителю, делает его «своим». Это очень важный факт при упоминании феномена авторитета. По критерию авторитетности человек решает вопрос о доверии к собеседнику. Если он признается авторитетным, коммуникация будет эффективной.

Для В.Познера характерно также использование такого риторического приема, как доказательство от противного. Формулируя антитезис, он стимулирует своего собеседника поправить его и прийти к необходимому ведущему тезису. При этом создается эффект незаинтересованности ведущего, подчеркивается стремление выявить истинное положение вещей.

Наиболее сложным объектом для исследования явились тексты телевизионных выступлений С.Сорокиной, поскольку свертхтекст ток-шоу представляет собой сочетание разрозненных реплик, которые могут рассматриваться только в контексте полного диалога. Интонационные конструкции с коннотативной окраской настойчивости, приказа используются в тех случаях, когда ей необходимо прервать выступающего. С.Сорокина довольно неустойчива в эмоциональном отношении, поэтому она срывается на интонации гнева, нетерпимости. В речи С.Сорокиной так же, как и в речи В.Познера, множество вопросительных конструкций, при этом конструкции с вопроситель-

ной интонацией зачастую переформулируются ведущей, т.е. один и тот же вопрос задается нескольким разным людям несколько раз, однако при этом меняется форма вопроса и, следовательно, коннотативная окраска. В зависимости от того, с какой интонацией ведущая обращается к тому или иному лицу, можно сделать вывод о том, чья точка зрения ей более близка. Для передачи С.Сорокиной характерно четкое разделение аудитории на «своих - чужих». Эта оппозиция нарочито подчеркивается ведущей. К «своим» она обращается по именам, с доверительной интонацией, как к людям близкого ей круга.

Если В.Познер постоянно акцентирует внимание на близости своей позиции мнению народному, то С.Сорокина, наоборот, как правило, находится в оппозиции и открыто говорит об этом, призывая аудиторию задуматься над проблемой: «Последние интернет-опросы показали, что наше население голосует за усиление жестокости применяемых в Чечне мер. Такая позиция народа настораживает, настораживает и волнует». Если у В.Познера местоимения «мы» и «нас» сигнализируют о близости с аудиторией, то у С.Сорокиной «мы» - это та группа людей в студии, которые поддерживают ведущую в течение программы и чья точка зрения ей близка.

В передаче часто используются интернет-опросы и телефонное голосование по предложенной проблеме, результаты которых приводятся в конце передачи. Это можно расценивать как попытку ведущей вовлечь в диалог как можно большую аудиторию, дать возможность аудитории выразить свое мнение.

Необходимо отметить, что, в отличие от В.Познера и С.Сорокиной, основными способами создания акцентов Н.Сванидзе на фоне довольно ровных интонационных показателей являются лексические и синтаксические средства. Кроме этого, в программе «Зеркало» Н.Сванидзе использует достаточно оригинальные приемы акцентирования: материалы на серьезную, важную тематику он совмещает с видеорядом, непосредственно относящимся к теме, но иллюстрирующим её с иной, необычной стороны. Так, говоря о Чечне, о жестокости, никчемности войны, об огромных потерях, которые скрываются высшими командующими чинами, Сванидзе обращается к про-

изведению Толстого «Хаджи-Мурат». При этом используется не просто цитирование, но и видеоряд.

Ассоциативные ряды – еще один способ смыслового акцентирования Сванидзе. Это могут быть как литературные ассоциации, связанные с конкретной проблемой (ассоциация с повестью Л.Толстого «Хаджи-Мурат»), так и ассоциации исторические, обыгрываемые как в серьезном, так и в ироническом ключе. Эта особенность позволяет характеризовать ведущего как образованного, творчески мыслящего человека, способного заинтересовать аудиторию в своей передаче не только путем использования средств грубой оценки. Необходимо отметить, что Н.Сванидзе является политическим обозревателем, совмещающим в себе самые разнородные речевые показатели. С одной стороны, – культура речи, высокий интеллектуальный уровень, с другой стороны, – постоянное обращение к примитивным сравнениям, ассоциативным рядам: «Идеологии здесь нет и в помине, любви тоже, скорее, случайная связь, в результате которой на свет появилось прелестное внебрачное дитя – спикер Геннадий Селезнев. Селезнев, естественно, хочет поженить своих родителей, чтобы хотя бы воспитываться в нормальной семье». Эта особенность может быть объяснена тем, что в течение передачи ведущий должен удерживать внимание аудитории, рассредоточенной не только во времени и пространстве, но социально и интеллектуально, вследствие чего обозреватель вынужден прибегать к различным способам выражения оценки.

Речь Н.Сванидзе отличается крайней степенью яркости и точности образов, которые способствуют не просто живому, четкому изображению описываемых событий, но и являются средством воздействия на аудиторию, так как использование насыщенных образов, сравнений, метонимий в том или ином контексте придает высказыванию характер оценочности: «Это машина для убийства, и погибает он, как погибают вампиры в фильмах ужасов, в этот последний миг Бог ничего ему не говорит».

В своих выступлениях Н.Сванидзе часто использует риторический вопрос, который многократно повторяется, что является одной из вариаций приема нагнетания. «Как называть, когда треть думы считает себя обиженной и не участвует в работе

парламента, как называть, когда в числе этой трети две фракции, за которые голосовала либеральная часть общества, как называть, когда в результате эта либеральная часть испугалась, что власть решила пообниматься с коммунистами, и мы опять получаем, как при правительстве Примакова, ползучий красный переворот?»

Если рассматривать лексическую сторону речевой деятельности Н.Сванидзе, можно сделать следующий вывод: доминантной является лексика маркированная - разговорная, просторечная. Для Н.Сванидзе характерно смешение лексики разных функционально-стилевых пластов в пределах одного текста. Воздействие на аудиторию осуществляется за счет эмоционально-экспрессивной окраски слов, в значении которых основную манипулятивную функцию выполняет не денотат, а коннотат. Происходит апелляция не к разуму, а к чувству зрителя.

Вторая часть работы посвящена исследованию восприятия. Методом исследования восприятия речи ведущего массовой аудиторией являлся семантический дифференциал Чарльза Осгуда. Метод семантического дифференциала позволяет измерять коннотативное значение – те состояния, которые следуют за восприятием символа-раздражителя [Семиотика и искусствоведение 1972].

При оценке меры воздействия тележурналиста на аудиторию учитывались прежде всего такие шкалы, как: убеждающий – не убеждающий, верит в то, что говорит – не верит в то, что говорит, умный – глупый. Качества были расположены в таблице с семибалльной шкалой, баллы в которой были расположены от 3 до – 3, включая 0.

Полученные результаты обрабатывались по стандартным методикам [Фрумкина, 1971]

Во-первых, определялась центральная тенденция распределения оценок по предложенным биполярным шкалам, мерой которой выступает медиана (Me) распределения, во-вторых, выяснялась мера рассеяния оценок частот слов, т.е. мера согласия испытуемых в оценках телеведущих – Q (полуинтерквартильный размах), которая отражает меру согласия студентов в их оценках телеведущих. Рассмотрим данные, полученные в ходе эксперимента.

В результате обработки данных были выявлены шкалы, характеризующиеся высоким показателем меры согласия и высоким значением Ме. Поскольку при оценке телеведущего по этим шкалам опрашиваемые проявили полное единодушие, данные шкалы являются важными при характеристике тележурналиста. Для С. Сорокиной это следующие шкалы: уверенный в себе, искренний, восторженный, увлекает; для В. Познера это: уверенный в себе, эрудированный, имеет высокий социальный статус, умный, активный, верит в то, что говорит. Для Н.Сванидзе: эрудированный, умный, уверенный в себе.

Приведем для каждого ведущего список шкал, по показателю Ме которых он «лидирует»: В.Познер: уверенный в себе, эрудированный, имеет высокий социальный статус, увлекает, умный, сильная личность, активный, открытый, верит в то, что говорит, убеждающий, смелый.

С.Сорокина: обаятельный, хорошо одет, вызывает доверие, располагающий, искренний, корректный, доброжелательный.

Н.Сванидзе: сдержанный.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: по показателям Ме для 11 шкал лидирует В.Познер. Особо обращают на себя внимание такие определения, как: увлекает, умный, сильная личность, открытый, верит в то, что говорит, убеждающий, смелый. Стоит отметить, что «лидирует» В.Познер и по шкале «фамильярный – корректный»: самым фамильярным телеведущим из выбранных нами является также Познер. Несмотря на это, оценка данного телеведущего аудиторией включает все качества, необходимые для успешного взаимодействия и влияния на зрителей. Чем обусловлены такие особенности восприятия аудиторией В.Познера? Если вспомнить особенности акцентирования и реализации оценочности в речи этого телеведущего, можно будет ответить на этот вопрос: отсутствие собственно оценочных элементов в речи Познера приводит к тому, что сообщаемая им информация кажется объективной, следовательно, вызывает доверие, однако на фонетическом, невербальном и психологическом уровнях Познер использует множество средств для влияния как на собеседников, так и на аудиторию.

Н.Сванидзе характеризует лидирующая позиция лишь по одной шкале: сдержанный. Возможно, именно этим и объясняется тот факт, что он «проигрывает» С.Сорокиной и В.Познеру по всем остальным показателям. Сдержанная манера речи, отсутствие экспрессии, реализация оценочности на лексическом, синтаксическом уровнях, сложная образность, множество ассоциативных рядов усложняют восприятие данного телеведущего аудиторией и снижают показатели Ме по шкалам.

Как уже было упомянуто, при оценке С.Сорокиной аудиторией, по всей вероятности, учитывался такой экстралингвистический фактор, как гендер: обаятельная, хорошо одета, располагающая, искренняя, корректная, доброжелательная – это качества, которые характеризуют тележурналиста прежде всего как женщину. В меньшей степени учитывались смысловые акценты и особенности реализации оценочности в речи. Исходя из особенностей смыслового акцентирования (эмоциональная и словесная невыдержанность, открытые нападки на собеседников, высказывающих противоположные точки зрения, следовательно, откровенная субъективность в подаче информации), сложно назвать данного тележурналиста корректным и доброжелательным. Оправдывает себя высокий показатель Ме по шкале искренний: как было отмечено в ходе исследования, С.Сорокина – единственный тележурналист, открыто высказывающий в прямом эфире свою точку зрения на вопрос, если даже это мнение открыто противоречит мнению аудитории.

Обобщив все вышесказанное, можно сделать следующий вывод: В.Познер более остальных ведущих привлекателен для аудитории, а информация, сообщаемая им, вызывает больше доверия. Используемая им модель речевого и невербального поведения является оптимальной для воздействия на аудиторию и изменения мнения телезрителей.

Литература

- Леонтьев М.Н. Психология общения. - М., 1992.
Мельник Г.С. Mass Media: Психологические процессы и эффекты. - СПб, 1996.
Немец Г.П. Семантико-синтаксические средства выражения модальности. - Ростов, 1989.
Семиотика и искусствометрия. - М., 1972.

Фрумкина Р.М. Вероятность элементов текста и речевое поведение.
- М., 1971.

© Трегубова К.Б., 2004

Т.А.Трипольская
Новосибирск

Уничжение и самоуничжение в эмотивно-оценочной картине мира

Речевые жанры унижения и самоуничжения входят как составные элементы в эмотивно-оценочный дискурс (ЭОД), который является объектом исследования как прагматики, так и когнитивной лингвистики, так как базируется на представлениях ценностной парадигмы социума.

Направление в описании ЭОД в настоящем исследовании задается его основными характеристиками: его специфика определяется факторами прагматического и когнитивного характера, следовательно, эти аспекты и становятся доминирующими в интерпретации ЭОД. Так, в ЛЭС Н.Д. Арутюнова отмечает, что «одной стороной дискурс обращен к прагматической ситуации, которая привлекается для определения связности дискурса, его коммуникативной адекватности, для выявления его импликаций и пресуппозиций, для его интерпретации... Другой своей стороной дискурс обращен к ментальным процессам участников коммуникации: этнографическим, психологическим, социокультурным правилам и стратегиям порождения и понимания речи...» [ЛЭС 1990: 137].

Существенным для такого исследования эмотивно-оценочного дискурса будет то, что в основе представлений об успешности эмотивно-оценочных речевых актов лежат когнитивные процессы. Как считает Т.А. ван Дейк, философское и лингвистическое изучение прагматики требует анализа ее оснований. В качестве одного из главных компонентов общей теории коммуникативного взаимодействия выступает когнитивная теория языка. Эта теория должна не только открыть доступ к процессам и структурам, обеспечивающим продуцирование, понимание, запоминание и другие виды когнитивной деятельности, но и объяснить, как происходит планирование, производство и понимание речевых актов. Условия успешности речевых

актов, сформулированные в прагматике, имеют, как правило, когнитивную основу [Ван Дейк 1989].

Т.А. ван Дейк, вслед за М. Минским [1979] и Ч. Филмором [1989], вводит понятие концептуального фрейма (или сценария), который организует наше речевое поведение и позволяет правильно интерпретировать поведение, в том числе и речевое, других людей [1989]. Опираясь на понимание речевого акта как фрейма определенного типа, рассмотрим высказывания с семантикой уничижения и самоуничижения в контексте когнитивной лингвистики.

Для исследования эмотивно-оценочного дискурса в целом и указанных речевых актов в частности наиболее существенными представляются три типа когнитивной информации:

1) знания о ценностных ориентирах ("что такое хорошо и что такое плохо"), неразрывно связанные с обобщенными представлениями об эмоциях. Эти знания "организованы" вокруг некоего концепта (например, морально нравственные концепты), актуального для говорящего коллектива; чем гуще сеть языковых знаков, отражающих эмотивно-оценочную интерпретацию данного понятия, тем актуальнее оно для носителей языка;

2) информация о типах речевого поведения, о речевых стратегиях, о путях построения речевых актов, в которых воплощается эмотивно-оценочное освоение мира. Именно этот тип знаний Т.А. ван Дейк называет когнитивным (сценарным) фреймом;

3) знания собственно лингвистического характера, предполагающие освоение семантической, стилистической и прагматической специфики эмотивно-оценочного слова.

Первичное описание эмотивно-оценочных предикатов со значением презрения, пренебрежения, осуждения, неодобрения и уничижения сделано Т.А. Графовой. Так, «основными чертами, составляющими смысловое содержание уничижения и отличающими его от других видов эмотивно-оценочных отношений, в частности презрения и пренебрежения, являются: а) «недоотягивание» по релевантным признакам до стандартного представителя своего класса; б) целенаправленное желание «унизить» объект эмотивной оценки, «умалить» его значимость как тако-

вого...» [Графова 1991: 84]. Полученные в данной работе результаты позволяют посмотреть на речевые акты уничижения и самоуничижения с другой точки зрения – с позиций изучения языковой картины мира.

Первым шагом когнитивного анализа является изучение лексикографических источников, которые дают возможность наметить основные характеристики данного типа речевого поведения в усредненной языковой картине мира.

МАС определяет глагол *уничижать* следующим образом: «Унижать, оскорбляя чье-либо достоинство или умаляя, принижая заслуги»; *умалять* же, в свою очередь, толкуется как «снизить, преуменьшить роль, значение чего-либо, принизить, унизить». Смысловые элементы «умалять, преуменьшать достоинства» и «подчеркивать недостатки» являются наиболее существенными в оценочной семантике данных высказываний. Можно сказать, что уничижение – это **преднамеренное, утрированное фиксирование недостатков, их преувеличение и одновременное умаление достоинств** (субъект эмотивной оценки сознательно нарушает «баланс» положительных и отрицательных характеристик объекта за счет игнорирования первых и гиперболизации вторых). Таким образом, уничижение – это намеренное искажение существующего положения дел, которое отвечает определенным целеустановкам субъекта.

Если говорить о лексической организации высказываний с семантикой уничижения и самоуничижения, то следует отметить специфику эмотивно-оценочного предиката: ядро представляют лексемы, имеющие в толковых словарях помету «уничижительное» или «презрительно-уничижительное». Это, во-первых, словообразовательные дериваты, образованные 1) от нейтральных основ с помощью оценочно маркированного суффикса (*человечишка, писака, домишко, сумчонка, сапожонки, шубенка*); 2) от эмотивно-оценочных слов с помощью тех же суффиксов (*лгунишка, фанфаронишка, мазилка, слабак, губошлеп, воришка, ничтожество* и др.). Во-вторых, семантические дериваты, в которых значение уничижения, сочетаясь и переплетаясь с семантикой пренебрежения и презрения, является имплицитным (*тряпка, кисель, баба, тюфяк, ноль, дрянь* и др.).

Крайним проявлением уничтожения и самоуничтожения являются случаи, когда оценка распространяется на личность вообще (*ничтожество, ноль, ничто, барахло, людишки* и др.).

Отметим, что указанные лексемы способны передавать сложный комплекс эмотивно-оценочных значений (пренебрежение, презрение, уничтожение, а возможно, и сочувствие); по отношению к детям, например, *хвастунишка, лгунишка, воришка* и др. нейтрализуют уничижительные смыслы и могут передавать спектр значений, балансирующих между плюсом и минусом (эту семантическую диффузность уменьшительно-ласкательных суффиксов отмечал В.В.Виноградов). Очевидно, что язык располагает богатыми возможностями в выражении семантики уничтожения: кроме лексем, имеющих специальную словарную помету, отмечается множество эмотивно-оценочных единиц, способных актуализировать в определенной ситуации, наравне с другими эмотивно-оценочными смыслами, значение уничтожения. Существенно и то, что в семной структуре значения указанных лексем присутствует, кроме эмотивной оценки, ядерный компонент «чрезмерность признака, качества», что позволяет говорящему интерпретировать свойства объекта оценки как преувеличенно отрицательные.

С помощью указанных смыслов говорящий реализует намерение подчеркнуть имеющееся или воображаемое несоответствие между определенными качествами субъекта и общепринятыми образцами, существенным образом гиперболизируя и утрируя недостатки и преуменьшая достоинства. Этот семантический признак является общим для оценки и самооценки. С ним связан и компонент «преднамеренность умаления чьих-либо достоинств», он возможен, но не обязателен в ситуации самоуничтожения.

Чтобы осуществить данные речевые действия, говорящий должен располагать следующими типами информации, содержащейся в соответствующем сценарном фрейме:

- Во-первых, это информация о месте данных речевых действий (и речевого поведения в целом) в ценностной парадигме социума.

Речевые акты уничтожения и самоуничтожения занимают плюсную позицию по отношению к похвале и самопохвале в

структуре эмотивно-оценочного дискурса [Трипольская 1999], поэтому их когнитивно-прагматический анализ целесообразно осуществлять как сопоставительный. Высказывания с семантикой положительной и отрицательной самооценки относятся к речевым актам, которые, судя по данным языка, не поощряются и даже возбраняются социумом. Ср.: практически все единицы, называющие речевое действие самопохвалы (*рисоваться, щеголять, форсить, бравировать, козырять, выставлять напоказ, красоваться, кичиться, задаваться, фанфаронить, хвастовство, похвальба, бахвальство, самовосхваление, хвастун, бахвал, расхвастаться, прихвастнуть* и др.), содержат сему «чрезмерно» и связанную с ней сему «отрицательная эмотивная оценка». Осуждению подвергается не просто предъявление своих положительных качеств, а преувеличенная, излишняя самопохвала. Отсутствие же в лексической системе языка нейтральных слов с семантикой «говорить о себе хорошо», а также и результаты исследования эмотивно-оценочного дискурса позволяют предположить, что данное речевое действие вообще является не поощряемым в нашей системе ценностей [Трипольская 1999].

Унижать другого и заниматься самоуничижением (самоедством) также не поощряется коммуникативными нормами говорящего коллектива: в эмотивно-оценочной деятельности не приветствуется преобладание эмотивного компонента в ущерб рациональному началу (потеря оценочных оснований, например, преувеличение, гиперболизация и категоричность оценочного содержания), а также нарушение известной максимы речевого общения «не говори собеседнику неприятного» особенно в тех случаях, если в интенции субъекта оценки не входит изменение положения дел к лучшему. Именно эти коннотативные смыслы присущи основному количеству специализированных словарных единиц, а толкование глаголов с семантикой речевого поведения *уничижать, унижать, принижать* и др., определяющих специфику соответствующих речевых жанров, также содержат маркеры негативного отношения говорящих к указанным речевым поступкам: так, глагол *уничижать* толкуется с помощью синонима *оскорбить* «тяжело обидеть, крайне унижить» (ТСО).

Анализ эмотивно-оценочных речевых актов подтверждает эти выводы; об этом свидетельствуют: реакция оскорбленного адресата (если оценка направлена на него) и рефлексия над своим или чужим речевым поведением.

Ср.: – *Слава те господи! Нашелся наконец один нормальный среди идиотов, из которых первый – балбес и бездарность Сашка! – Кто этот Сашка-бездарность? – осведомился врач. – А вот он, Рюхин... Тот вспыхнул от негодования...* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита); *Лев Иванович, не изображай. Ты сам отлично знаешь, путь у нас один: выявить их людей в офисе и сыграть с ними втемную, – сказал Стас. – А психолог у нас один, я лишь скорохват. – Уничтожение – грех паче гордыни, что ты посоветуешь? – Ты сам большой и умный* (Н. Леонов. Сыщик); *Меня мучила совесть: «Господи, добрый, смысленный, немного настырный мальчик, когда же я успел вырасти в морально-этического монстра, которого близко нельзя подпускать к детям?! Бедный, оскорбленный, ошеломленный шеф-координатор!..» На меня накатило то уничтожительное, самоедное настроение, в каком древние выходили на большую дорогу, хватали первого попавшегося прокаженного и с упоением смывали его гноящиеся язвы* (Ю. Поляков. Работа над ошибками).

Несмотря на неодобрительное отношение говорящих к указанным речевым действиям, по данным языка, они достаточно частотны, причем, в отличие от самопохвалы, которая вводится с помощью особых способов и приемов [Трипольская 1999], использование высказываний с семантикой уничтожения и самоуничтожения не отличается какими-либо специальными показателями смягчения, оправдания или извинения. Представляется, что злоупотребление в самооценке неадекватными полюсными оценочными значениями, своеобразное метание от плюса к минусу есть особая черта эмотивно-оценочной деятельности русской языковой личности.

- Объект уничтожения и самоуничтожения.

Т.А Графова отмечает, что оценка с семантикой уничтожения распространяется на профессиональные, социальные и личностные свойства человека [Графова 1991]. Однако в этом широком

диапазоне оцениваемых качеств личности существуют и определенные доминанты, отличающие высказывания со значением уничижения от речевых актов презрения, пренебрежения и неодобрения. Отметим также, что отношение презрения и пренебрежения адресовано, как правило, другому лицу, а не самому говорящему, тогда как уничижение существует в форме оценки другого и самооценки.

В сценарий уничижения, очевидно, входит и информация психологического характера: унижает, оскорбляет человеческое достоинство оценка наиболее значимых для личности черт характера, признаков внешности или социального статуса. Так, по мнению К. Хорни, если честолюбие человека связано с интеллектуальной сферой, то и объектом уничижения и умаления является интеллект. Если честолюбие его связано с эротической сферой, то оценка направлена на внешний вид и обаяние, и поэтому умалются они [Хорни 1990]. Уничижение направлено не на любую актуальную для коммуникативной ситуации отрицательную характеристику личности, но на особо значимые признаки человека (вообще или ситуативно). Указанные качества, по мнению субъекта оценки, «недотягивают» до принятого стандарта; об этом свидетельствует то, что во многих высказываниях представлен или предполагается и легко прочитывается стандарт, принятый в социуме. Ср.:

Не хотел меня начальник и в унтер-офицеры представлять. «Какой ты, говорит, унтер-офицер, – баба ты! В карцер бы тебя дурака!» (В. Короленко. Чудная); *– А что за мужик этот Газель? – Да не мужик он вовсе, а баба!* (Р. Мерль. Мальвиль); *– С фрицами считаешься! – яростно повторил Батюк. – А с командующим не считаешься! Мой приказ для тебя не приказ. Колхозник ты, а не начальник штаба!* – Он хрястнул кулаком по столу (К. Симонов. Солдатами не рождаются); *– Встаньте и доложите!* – крикнул Росляков. *– Не могу, – сказал он, нервно заикаясь. – Попрошу отозвать меня. – Баба вы, а не военврач* (врач не выдержал того, что увидел в освобожденном лагере – Т.Т.) (К. Симонов. Солдатами не рождаются).

В высказываниях-самооценках указание на стандарт, с которым соотносится объект оценки, не является обязательным

элементом (он предполагается), оценка же варьируется от ситуативной и достаточно безобидной до всеобщей, крайне категоричной, в которой оцениваемые недостатки гиперболизируются и доводятся до крайней степени: чем хуже, тем лучше. Например:

– Ты придумал, как меня могут убрать? – *Умишка не хватает.* – Ты же уголовник, дружище, а в КГБ целое подразделение такие шутки разрабатывало... (Н. Леонов. Сыщик); Она, должно быть, думает: «Почему я полюбила *это ничтожество*, эту ничемную личность?» (В. Аксенов. Коллеги).

В последнем примере говорящий приписывает свою самооценку другому лицу, что делает эту эмотивно-оценочную информацию еще более болезненной.

- Цель эмотивно-оценочных актов унижения и самоунижения.

Можно предположить, что интенция выразить унижительное отношение к другому человеку появляется у говорящего субъекта в двух коммуникативных ситуациях: первая определяется психологическими особенностями субъекта оценки, когда он склонен к высокомерному поведению вообще, считая себя выше собеседника (очень близко к презрению) и стремится к тому, чтобы повлиять на эмоциональное состояние адресата; вторая спровоцирована поведением объекта оценки, когда последний претендует на нечто более серьезное, чем он способен или достоин, с точки зрения говорящего субъекта. Ср., например:

Этот старикашка собирается приударить за молоденькой; бездарный актеришка возомнил себя Качаловым; не стоит обращать внимание на мелкого ворюшку; Надо ли считаться с мнением этой бездарности?

В подобных речевых актах прослеживается стремление говорящего «поставить на место» лицо, претендующее на положение, достичь которого ему не позволяют способности, интеллект, черты характера и др.

Если в высказывании, где оценочная семантика направлена на адресата или третье лицо, говорящий, умаляя их достоинства и преувеличивая недостатки, тем самым ставит себя выше оце-

ниваемого лица, то в унижении-самооценке гиперболизация основания отрицательной оценки и умаление своих положительных качеств ведет, скорее, к бурному проживанию отрицательных эмоций и их дальнейшему снятию. Отметим, что компонент «эмотивность» в семантической структуре высказывания со значением самоунижения значительно сильнее, чем в речевом акте унижения и, тем более, презрения. В последнем небольшая доля эмпатии сочетается с рациональной отрицательной оценкой. Как считают психологи, презрение – это «холодная» эмоция, которая предполагает предшествование существенного рационального момента [Изард 1980; Ортони, Клоур, Коллинз 1995].

Самоунижение по своему интенциональному рисунку гораздо сложнее оценочных высказываний, направленных на другое лицо. Кроме стремления отрицательно оценить факт несоответствия своих качеств аксиологическим образцам социума, субъектом самооценки движут следующие мотивы: 1) снятие отрицательных эмоций; 2) стремление вызвать в адресате сочувствие, жалость; 3) привести собеседника в смущение и замешательство (естественная реакция на самоунижение), нарушив явным образом коммуникативное равновесие, что заставляет адресата стремиться к его выравниванию: опровергать говорящего, выражать противоположную (положительную) оценку качеств самоунижающего субъекта, уступать в споре, предлагать помощь и др.; 4) лишить собеседника возможности самому оценить поступки и качества объекта. Интенции 2) – 4) соотносятся с манипулятивными стратегиями коммуниканта. В реальной коммуникации выявленные интенции совмещаются и пересекаются. Ср.:

а) *Красива была она тем в ту минуту, что она благородная, а я подлец, что она в величии своего великодушия и жертвы своей за отца, а я клоп* (Ф.Достоевский. Братья Карамазовы); б) *Впрочем, я баба, баба. Обабился, как старый кринолин* (А. Чехов. Иванов); в) – *Слыхали? – сказал он с печальной усмешкой. – Этакий я старый идиот. Ведь все было готово, – и на-те вам... Хватился...* – *Где же это вы уронили, Антон Сергеевич?..* (В. Набоков. Машенька); г) – *Иван Константинович, –*

выговаривает ему мама ласково. – Зачем вам в дорогу эта пельница, а? – А – ни за чем! – разводит руками Иван Константинович. – Ну вот решительно ни за чем... **Прямо сказать, окосел, старая туфля, и все...** (А. Бруштейн. Дорога уходит вдаль); д) Сарафанов. ... Тебе полезно знать мнение сестры. Она тебя в десять раз серьезнее. Васенька. Папа, я **серьезность**. Это давно известно. Зато у тебя есть дочь. Она серьезная, умная, красивая... Кроме того, у тебя появился еще сын, так что вы могли бы оставить меня в покое. **Не мешайте мне быть серым** (А. Вампилов. Старший сын); е) – В. Пельш. Аплодируем, аплодируем! Да не мне! **Я жалкая жаба!** Им, им! (тем, кто пел на празднике вручения «Ники» – Т.Т.). – Ю. Гусман. Им, им! **И жалкой жабе Валдису Пельшу!** (Вручение приза «Ника» за лучший художественный фильм).

Отметим, что в примерах а) – г) в речевом акте самоуничижения реализуется бурное проживание отрицательных эмоций и их дальнейшее снятие, в ряде случаев говорящий получает сочувствие адресата. В примере д) реализуется манипулятивное стремление говорящего заставить собеседников почувствовать себя виноватыми в том, что обидели невниманием и непониманием Васеньку, и заставить их опровергать его «серьезность». В последнем примере актуализируется шутка, кокетство, самоирония ведущего. Собеседники легко прочитывают эту интенцию, а второй ведущий возвращает самооценку В.Пельшу, чем подчеркивает ее несерьезный характер: обычно самоуничижительные оценки не выдерживают «возвратного теста», и это, возможно, один из коммуникативных приемов борьбы с манипуляцией.

- Знания собственно лингвистического характера, предполагающие, что говорящий субъект имеет представления о диффузной эмотивно-оценочной семантике слова, допускающей актуализацию разнообразных эмотивных смыслов: пренебрежения, неодобрения, презрения, уничижения, осуждения и др., которые в определенных коммуникативных ситуациях могут сочетаться, накладываясь и переплетаясь. Это в первую очередь относится к словообразовательным дериватам с суффиксами уничижительной семантики, а также и эмотивно-оценочным

словам, коннотативное содержание которых позволяет выдвижение указанных значений.

Таким образом, в ходе когнитивно-прагматического исследования выявлены основные параметры концептуального фрейма (сценария) речевых действий уничижения и самоуничижения: 1) указанные речевые действия относятся к «зоне коммуникативного риска», они не одобряются говорящими как искажающие существующее положение дел (представляющие неадекватную, гиперболизированную и утрированную, отрицательную оценку), как отличающиеся преднамеренностью унизить другое лицо, а также как манипулятивные действия коммуниканта; 2) совершая данные неодобряемые речевые действия, говорящие тем не менее не вырабатывают специальных стратегий смягчающего или извиняющего характера, как в случае, например, с самопохвалой; 3) язык располагает богатыми возможностями в выражении семантики уничижения и самоуничижения; владение информацией о семантической, прагматической и стилистической природе эмотивно-оценочного словаря дает говорящим возможность реализовать сложную структуру интенций, связанных с этим фрагментом эмотивно-оценочного дискурса.

Литература

Арутюнова Н.Д. Дискурс //Лингвистический энциклопедический словарь. - М., 1990.

Графова Т.А. Смысловая структура эмотивных предикатов // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. - М., 1991.

Дейк Т.А. Ван. Язык. Коммуникация. Познавание. - М., 1989.

Изард К. Эмоции человека. - М., 1980.

Минский М. Фреймы для представления знания. - М., 1979.

Ортони А., Клоур Дж., Коллинз А. Когнитивная структура эмоций // Язык и интеллект. - М., 1995.

Трипольская Т.А. Эмотивно-оценочный дискурс: конитивный и прагматический аспекты. - Новосибирск, 1999.

Трипольская Т.А. Речевой жанр уничижения и самоуничижения в эмотивно-оценочном дискурсе // Функционирование языка в различных речевых жанрах (Лиманчик – 97). Материалы Всероссийской научной конференции. - Ростов-на Дону. 1997. Вып. 2.

Филмор Ч. Фреймы и семантика понимания // НЗЛ. - М., 1988.
Вып.23: Когнитивные аспекты языка.

Хорни К. Невротическая личность нашего времени. - М., 1993.

© Трипольская Т.А., 2004

**И.Устуньер
Турция**

Национально-культурные коннотации зооморфизмов в русском и турецком языках

Сопоставительное исследование национально-культурных коннотаций в структуре лексического значения является актуальным для современной антропоцентрической парадигмы языкознания, поскольку позволяет изучить преломление особенностей менталитета этноса в языке. При таком подходе "человеку как познающему субъекту - носителю когниции - приписывается активная роль в формировании значений языковых единиц: человек формирует значения, а не получает их в готовом виде, - а также активная роль в выборе языковых средств выражения для описания той или иной ситуации и в понимании мотивов этого выбора" [Болдырев 2001: 18].

Описание в заданном аспекте зооморфной лексики русского и турецкого языков дает возможность выявить важные компоненты языковых картин мира, соотносительных по механизмам метафорических переносов (в частности, в такой продуктивной модели, как "мир животных - мир человека") и отличающихся характером лексической категоризации действительности. В этом смысле устойчивая система образов, существующая в группе зооморфной лексики, может рассматриваться, с одной стороны, как "ниша для кумуляции мировидения <которая> так или иначе связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о ее культурно-национальном опыте и традициях" [Телия 1996:215], с другой, - как способ выявления стереотипов национального сознания, как "некоторая форма рефлексии, отражения человеческих отношений, восприятия другого" [Петренко 1997: 291].

Сопоставительное исследование семантики зооморфизмов с учетом национально-культурных коннотаций особенно важно в

прикладном аспекте: практика перевода показывает, что наличие смысловых лакун в языке, на который осуществляется перевод, затрудняет адекватность понимания языка оригинала.

Под зооморфизмами понимаем лексику семантического поля "животный мир", употребляемую для образной характеристики человека, его свойств, действий и т.п. Специфику этой лексико-семантической группы составляет особое соотношение денотативного и коннотативного компонентов в значении: ведущей в зооморфной метафоре является коннотация, которая "гасит" денотативную сему, послужившую основой для сравнения и последующего метафорического переноса. Надежность выявления коннотативных компонентов в семантике зооморфизмов обусловлена устойчивостью (стереотипностью) образов животных, используемых для характеристики человека. Источниками выявления и интерпретации коннотативного содержания зооморфизмов является народная афористика, фразеологизмы, устойчивые сравнения, культурные тексты¹, содержащие указания на мифолого-символические функции зоонимов.

Рассмотрим некоторые особенности отражения в зооморфизмах национально-культурных коннотаций на примере обозначений лошади в русском и турецком языках (для обоих народов образ лошади является культурно значимым, обладает "сильным" ассоциативным фоном, символически нагружен)..

В русском языке для обозначения образа лошади существует несколько лексических единиц: *лошадь*, *конь*, *кобыла*, *кляча*, *жеребец*, *мерин* и некоторые др. Соответственно каждая лексема имеет свою сочетаемость (в том числе и устойчивую) и свой

¹ См. о функциях культурных текстов Толстая С.М.: "Как правило, определенную структурную или прагматическую функцию имеет не индивидуальный, конкретный текст, а класс или тип текстов, обладающих общими семантическими и формальными (структурными) признаками. Функция культурного текста, независимо от того, в каком субстанциональном коде он выражен, определяется целью (или интенцией) исполнителей (обряда или фольклорного текста, музыкального произведения), но это не индивидуальные, личные цели (по крайней мере для традиционной народной культуры архаического типа), а цели ритуализованные, освященные традицией и как бы введенные в прагматическую рамку текста" [Толстая, 1994: 96].

набор коннотаций. Ср., например, *кляча* - разг. пренебр. *плохая, обычно старая лошадь* [Ож.: 279]; *конь* - (преимущ. о самце) *боевой конь, конь-огонь* и т.д. За каждой из номинаций лошади закреплена своя система переносных (метафорических) значений, свой набор символов, своя афористика, отражающая преломление стереотипов восприятия соответствующего образа русскими. Приведем лишь несколько примеров устойчивых сравнений: *как ломовая лошадь* 'работать много с чрезмерной напряженностью' [Ог.: 328]; *как застоявшийся конь* 'проявлять нетерпеливое стремление к движению, действию'; *как норовистый конь* 'своенравный, горячий, порывистый, способный на неожиданные резкие действия' [Ог.: 273]; *как старая (водовозная, загнанная, измученная, разбитая) кляча* - 'работать очень много, без отдыха, с чрезмерным напряжением, до изнеможения', 'быть, выглядеть, чувствовать себя предельно уставшим, измученным, изнуренным физически' [Ог.: 256-257].

Экспериментальные исследования концепта *лошадь* в русском языке выявили стереотипность ассоциаций "*кобыла - старая, больная, усталая; конь - здоровый, молодой; лошадь - трудяга, работага*" [Булатникова 2003: 17]. Анализ результатов ассоциативного эксперимента со словом *лошадь*, проведенного с русскими школьниками и студентами, выявил большое количество реакций национально-культурного типа, что демонстрирует "перемещение основных значимых признаков животного из конкретно-бытовой сферы в метафорически обобщенную" [Булатникова 2003: 24].

Подобный процесс метафоризации обозначения лошади отмечается и в турецком языке, однако семантика и категоризация образа этого домашнего животного иная. Отличия заключаются уже в лексическом репертуаре номинаций лошади: турецкое *At* имеет значения 'лошадь, конь, жеребец', следовательно, оно имеет большую семантическую емкость, чем каждое из соответствующих русских обозначений лошади, а значит, и коннотативный потенциал турецкого *At* шире и включает как положительные, так и отрицательные оценочные маркеры.

Рассмотрим особенности категоризации действительности через образ лошади в турецком языковом сознании. При определении понятия "категоризация" учитываем, что оно "раскры-

вает то, какими знаниями мы владеем и каким образом мы их применяем, когда пользуемся языком как средством общения, получения и хранения информации. Категоризация - это, с одной стороны, знание категорий объектов и явлений и их названий и, с другой стороны, сам процесс отнесения тех или иных объектов к конкретной категории, включая присвоение им соответствующих названий" [Болдырев 2001: 67].

Для турецкого языкового сознания категоризация действительности через образ лошади является весьма продуктивным способом формирования когний, связанных с оценкой человека, его физических и интеллектуальных свойств, с представлением пространственно-временных, процессуальных и др. сущностных параметров человеческого бытия. Ср., например:

- *At anası* - 'здоровенная женщина'; 'бабища, кобыла' (груб.) - экспрессивная оценка внешности женщины. В основе данной зооморфной метафоры лежит представление о лошади как крупном, сильном, здоровом животном (ср. буквальный смысл выражения *At anası: здоров, как лошадь*). Эти качества контрастируют с представлением о женщине как создании слабым, хрупким, поэтому внешний вид крупной и сильной женщины получает отрицательную характеристику через сравнение ее с лошадыо; ср. аналогичное экспрессивно-оценочное употребление слов *кобыла* и *лошадь* в русском языке по отношению к рослой, нескладной, некрасивой женщине. Однако у слова *лошадь* в русском языке, помимо названных, существуют и другие коннотации: (женщина) много работающая, выполняющая тяжелую работу, выносливая (ср. *пашет как лошадь*).

- *Atı eşkin, kilici keskin* - 'ловкий, искусный, способный добиться всего, что захочет' - оценка качеств (свойств) человека, основанная на пресуппозиции «лошадь хорошо бежит». Турки в частности считают, что для воина важны лошадь, меч, жена, и если лошадь «хорошо бежит», ее хозяин способен достичь всего. Отсюда и переносный смысл зооморфного сравнения по отношению к характеристике мужчины.

- *Atı alan Üsküdarı geçti* 'слишком поздно, ничего нельзя уже сделать' // *At çalındıktan sonra ahırın kapısını kapamak* 'после драки кулаками махать' - оценка ситуации. Буквально: «Если

вор украл лошадь и перешел границы *Üsküdari* (район Стамбула), то уже нет смысла ее искать, уже ничего нельзя сделать» // «После кражи лошади незачем закрывать двери сарая». Потеря лошади расценивается как существенная и поэтому результат этой пропажи получает метафорическое выражение в приведенных выше сравнениях. Возможно, здесь срабатывает также актуализация смысла «лошадь хорошо бежит», «лошадь послушна наезднику», поэтому, если уж лошадь убежала, тем более если ее украли (хозяин ее не уберет), вернуть ее (как вещь) нельзя. Отсюда использование образа лошади для маркирования ситуации, когда уже ничего исправить нельзя.

- *Atla arpayı dövüştürmek* 'внести разлад в чьи-либо отношения, поссорить' (букв. 'поссорить лошадь с овсом') - оценка взаимоотношений. В основе метафоры пресуппозиция «овес – основной и любимый корм лошадей». Нарушение существующего порядка вещей (например, когда лошадь не ест овес, или ей не дают овса) метафорически осмысливается как ситуация разлада в отношениях между кем-либо.

- *At başı (beraber)* - 'вровень, одинаково'; 'голова в голову'; 'быть на одном уровне, идти в ногу с кем' - оценка притязаний человека. Здесь метафорически осмыслена ситуация лошадиных бегов, когда лошади идут «ноздря в ноздрю», не уступая друг другу в скорости.

- *Ata deveye değil ya!* 'не очень дорого' (букв. 'это же не плата за лошадь и верблюда') - образное сравнение (буквально «ни лошадь ни верблюд»), основанное на том, что у турков эти животные дорого стоят, следовательно, выступают мерилom ценности чего-л. (сопоставимого или несопоставимого по цене с лошастью).

- *Ata et, ile ot vermek* - 'кормить коня мясом, собаку - овсом' (т.е. все делать наоборот) // *Ata arpa, yiğide pilav* - 'коню - ячмень, молодцу - плов' (= 'каждому свое') // *Atina bakan ardına bakmaz* - 'тот, кто хорошо ухаживает за своей лошастью, назад не глядит' (т.е. не боится погони) - философские и бытовые сентенции. В основе этих зооморфных метафор лежат ценностные приоритеты турецкого народа, основанные на эмпирическом

опыте: «лошадь – преданное животное, которое верно служит хозяину и требует хорошего ухода».

- *At kafali* - ‘тупица, болван, дурак’ – оценка интеллектуальных способностей человека (буквально «твоя голова, как у лошади»). В данном метафорическом выражении акцентируется особенность лошади всегда смотреть прямо перед собой при ходьбе, не поворачивая голову в сторону. Ср. также: *At görlüğü takmak*, *At görlüklü* – буквально «у тебя очки, как у лошади» - об отсутствии широты кругозора.

- *At oynatmak* – ‘показывать свое умение’; неодобр. ‘хозяинничать’ (буквально «танцующая лошадь»). Энантисемическая оценка проявлений характера человека через сравнение, с одной стороны, с образом лошади, которая послушна воле человека (танцует под чью-то дудку), с другой стороны, - с образом лошади, которая проявляет своенравие («танцует» под седоком, не хочет ему подчиняться).

- *At pazarında eşek oturuyoruz* - груб. ‘нечего делать ишаку на конном рынке’ (употребляется по отношению к невнимательно слушающему и перебивающему рассказчика человеку) – оценка коммуникативной этики, основанная на символике зооморфного образа: *ишак* «строптивое животное», отсюда «невнимательный, рассеянный, невоспитанный собеседник», ср. *конь (лошадь)* - «послушное хозяину, благородное животное». Ср.: *At ile eşek yarışamaz* - ‘ишаку с лошастью не тягаться’. *Attan inmek eşeğe binmek* - ‘слезть с лошади и сесть на осла’ (= променять сапоги на лапти).

Таким образом, национально-культурная специфика метафор и метафорических выражений со словом «лошадь» в русском и турецком языках связана как с различиями в образе жизни данных этносов, так и с различиями в символическом осмыслении зооморфного образа.

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. - Тамбов, 2001.

Булатникова Е.Н. Семантический потенциал слова *лошадь* в сознании современных носителей русского языка // *Linguistica juvenis*. Вып.3. - Екатеринбург, 2003.

Петренко В.Ф. Основы психосемантики. - Смоленск, 1997.

Телия В.Н. Русская фразеология. - М., 1996.
Толстая С.М. К понятию функции в языке культуры // Славяноведение, 1994, №5.

Словари

Ож. - Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. - М., 1997.

Ог. - Огольцев В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка. - М., 2001.

Büyük Türkçe-Rusça Sözlük. Denetleyenler: E.M-E.Mustafayev, L.N.Starostov. - Istanbul. Multilingual, 1994.

Doğan M. Büyük Türkçe Sözlüğü. - Istanbul, 1996.

©Устуньер И., 2004

Н.Л.Шамне

Волгоград

Национально-культурные стереотипы отражения в языке универсальной категории пространства (на материале немецких глаголов движения)

В процессе развития представлений человека об окружающем его мире формируются разнообразные национально-культурные стереотипы восприятия предметов, объектов и явлений окружающей действительности, что находит отражение и в языке. Так, несмотря на то, что основные “картины перемещения” в пространстве являются общими для разных культурно-языковых групп, в языках можно наблюдать сходную и различную выраженность самой идеи перемещения в пространстве, в которой нашли отражение сложившиеся в данном языковом обществе национально-культурные стереотипы восприятия универсальной категории пространства.

К ядерным средствам выражения универсальной категории пространства мы относим глаголы движения [См. Шамне 2000]. Немецкими глаголами, в семантике которых перемещение в пространстве выражено в наиболее общем виде, можно назвать глаголы *gehen* и *kommen*.

Для микрогруппы глаголов движения, обозначающих перемещение одушевленного субъекта по твердой поверхности, базовым является глагол *gehen*, который может выражать горизонтальное и вертикальное перемещение субъекта; в ограниченном пространстве и неограниченном; это может быть целе-

направленное движение и изменение местоположения субъекта в пространстве без указания определенного пункта назначения; проделанный субъектом путь может быть длинным или коротким. Глагол *gehen* может обозначать движение, которое осуществляется с различной скоростью, об этом свидетельствуют различные обстоятельственные уточнители, с которыми сочетается данный глагол: *er geht langsam* - он идет медленно, *er geht schnell* - он идет быстро. Можно присоединиться к мнению М. Герлинга и Г. Ортена, которые считают, что *gehen* “это центральное слово, которое наиболее нейтрально в отношении скорости, направленности (+горизонтальность) и способа движения” [Gerling, Orthen 1979]. К. Ди Меола считает, что главной причиной типовой роли *gehen* является то обстоятельство, что этот глагол в самом общем виде обозначает движение человека и лишь в некоторых случаях - животного или неодушевленный предмет как носителя движения [Di Meola 1994]. В качестве субъекта при глаголе *gehen* может выступать любой субъект, способный к перемещению с помощью ног, при этом он может быть единичным и расширенного характера, например: *Leute* - люди, *ein Kind* - ребенок, *Frauen und Maenner* - женщины и мужчины и т.д. Глагол *gehen* может также употребляться для обозначения перемещения животных, змей и рыб, такое употребление этого глагола зафиксировано еще в Немецком словаре 1879 года издания [Grimm, Grimm]. В случае, если при глаголе *gehen* в качестве субъекта выступает человек, перемещение в пространстве характеризуется как а) линейное; б) осуществляемое при помощи действий самого субъекта; в) представляющее собой повторение отдельных составляющих движения, ходьбы (шаги); г) осуществляемое при помощи двух конечностей (ноги); д) имеющее постоянное соприкосновение с землей (поверхностью) благодаря двойной опоре; е) тело при этом занимает вертикальное положение: *Es war jetzt staedtsches Trottoir, auf dem sie gingen* (Th.Mann) - Теперь это был городской тротуар, по которому они шли.

В семантической структуре глагола *gehen* не эксплицированы особенности способа передвижения субъекта, характеристики самой ходьбы, в контексте на это указывают соответствующие уточнители.

Ходьба как особый процесс представляет собой комплексное явление и может быть по-разному отражена в языке. Особенно-стью немецкого языка является наличие специфических глаголов для обозначения особенностей способа ходьбы одушевленного субъекта перемещения (по отношению к данным глаголам глагол *gehen* выступает в качестве базового), что обусловлено особенностью восприятия действительности носителями немецкого языка. В ряде зарубежных исследований выделяют моносхронные и полисхронные культуры [Hall., Hall 1983]. Комплексный анализ немецких глаголов движения, предпринятый нами ранее [Шамне 2000], позволил утверждать, что преобладающим в немецком языке можно считать моноструктурный характер перемещения, свидетельством чему является наличие отдельных глаголов для обозначения различных этапов, видов перемещения субъекта в пространстве. Рассматривая способы выражения ходьбы в немецком языке, мы также обнаруживаем отдельные глаголы для обозначения разнообразных способов ходьбы, особенностей манеры, походки. В данной статье характеристике подвергаются глаголы, обозначающие особенности постановки ног в процессе ходьбы и в целом положения корпуса при ходьбе - *gehen, schreiten, wandeln, trippeln, trappeln, stelzen* (можно назвать также другие глаголы - *storchten, staken, stolzieren* и пр.). Так, в качестве близкого глагола базовому глаголу *gehen* в анализируемой нами микрогруппе отмечен глагол *schreiten*, который акцентирует внимание прежде всего на самом процессе ходьбы - идти, переставляя ноги, шагать.

Сопоставление данных словарей дает в целом неоднозначную картину при описании значений этого глагола. В некоторых словарях представлено лишь самое общее толкование: '*gehen*' - *идти-ходить* (Agr); '*Schritte machen*' - *делать шаги*, '*grosse Schritte machen*' - *делать большие шаги* (True)*. В от-

* Здесь и далее примеры приводятся из: *Agricola E. Woerter und Wendungen. Woerterbuch zum deutschen Sprachgebrauch.* - Leipzig, 1962 (= Agr); *Duden. Stilwoerterbuch der deutschen Sprache.* 4. Aufl., neu bearbeitet von P.Grebe und G.Streitberg. - Der grosse Duden. Bd 2. - Mannheim, 1956 (=DSt); *Duden. Synonymwoerterbuch. Sinnverwandte Woerter und Wendungen.* - Der Grosse Duden. Bd 8. - Mannheim, 1964

дельных словарях данный глагол толкуется как средство для обозначения специфической манеры ходьбы: *с достоинством и торжественно, размеренным шагом* (DSy), *идти-ходить медленно, торжественно* (Ma), например: *An der Spitze des Festzuges schritten Musikanten* (WDG) - *Во главе праздничного шествия шагали музыканты*.

Материал показывает, что глагол *schreiten*, как правило, конкретизируется контекстуальными уточнителями: *schreiten leicht, aesthetisch und schwingend* - *идти легко, эстетично и раскачиваясь*, *grossschrittig und langsam* - *широким шагом и медленно*, *steif und unbeteiligt und feierlich* - *скованно, безучастно и торжественно*, *ruhig und bedaechtig* - *спокойно и задумчиво*.

Отличительным признаком употребления глагола *schreiten* является положительная оценка ходьбы. Такая ходьба должна хорошо смотреться - размеренный шаг, прямой корпус, все движение тела совершенно. Таким образом, фактический материал и данные словарей свидетельствуют о том, что глагол *schreiten* выражает перемещение одушевленного субъекта (причем в некоторых случаях это может быть не только человек, но и животное), при котором отмечается: а) контролируемое положение тела; б) правильная осанка; в) равномерная последовательность шагов; г) приподнятое настроение.

Следующим глаголом обозначенной микрогруппы выражения способов ходьбы является глагол *wandeln*, который употребляется как внутри, так и за пределами лексико-семантической группы глаголов движения. В рамках ЛСГ глаголов движения он обозначает перемещение одушевленного субъекта с помощью ног, за рамками ЛСГ глаголов движения выступает в переносном значении, например, в значении образа жизни: *Sie wandeln wie Ewige* (Brecht)- *они живут как вечные* или же приобретает значение '*sich aendern*' - "изменяться".

(=DSy); Mackensen L. Deutsches Woerterbuch, 4., verb. und erw. Aufl. - Baden-Baden, 1962 (=Ma); Truebners Deutsches Woerterbuch. 8 Bde. (Nachdruck). - Berlin 1954-1957 (=True); Klappenbach R., Steinitz W. (Hrsg)/ Wurterbuch der deutschen Gegenwartssprache. 6 Bde. - Berlin, 1980-1982 (=WDG).

В словарях приводятся разные толкования этого глагола движения: (медленно) идти (DSt); спокойно, не торопясь, легко ходить туда и сюда по ухоженному ландшафту или в больших помещениях (DSy). В качестве субъекта перемещения выступают люди и животные, например: *List wandelte ueber die Boulevards* (WDG) - *Лист прогуливался по бульварам*.

При этом в контексте могут содержаться контекстуальные уточнители, подчеркивающие особенности процесса ходьбы: *Sie wandelte wie eine Prozession, die aus einem Menschen besteht* (Radezki) – *Она шла как процессия, состоящая из одного человека*.

Данным глаголом обозначается спокойное, равномерное, эстетически позитивно оцениваемое перемещение с помощью ног (ходьба), которое является следствием хорошего настроения, не быстрое, не направлено на какую-либо цель. Таким образом, это движение: а) спокойное; б) равномерное; в) медленное; г) без определенной цели.

Глагол *trippeln* употребляется при обозначении активного перемещения, при этом подчеркивается, что субъект перемещается нетерпеливо, короткими шагами и быстро, так называемый семенящий шаг. В качестве субъекта выступают животные (птицы) и люди, причем люди значительно чаще. Глагол *trippeln* часто употребляется в контекстах, когда субъекту перемещения свойственны какие-либо физические и психические особенности. В качестве такого субъекта, как показывает материал, выступают преимущественно женщины, дети, а также пожилые люди и инвалиды: *Das Kind trippelte zur Mutter durch das Zimmer* (WDG) - *Ребенок засеменял через комнату к маме*; *Die jungen Maedchen trippelten auf ihren hohen Absaetzen ueber das Pflaster* (WDG) - *Молоденькие девушки семеняли на высоких каблучках по брусчатке*; *Das alte Muetterchen trippelte vorsichtig ueber die Strasse* (WDG) - *Пожилая мамаша осторожно семеняла через улицу*.

Контекстуальные уточнители направления, как правило, не обязательны. Если в контексте имеется личный субъект, то этого достаточно, чтобы вызвать в нашем представлении картину перемещения: *Waehrend er (ein Chinese) bisher mit uns im gleichen Schritt gegangen war, begann er nun mit kurzen raschen*

Schritten zu trippeln (Traven). Если он (кутаец) перед этим шел в ногу с нами, то сейчас он стал идти короткими быстрыми шажками (=семенить). Контекстуальные уточнители направления перемещения здесь отсутствуют, так как на передний план выдвигается обозначение особенностей перемещения пешком, тип ходьбы. Обращает на себя внимание тот факт, что отрезки пути, по которому движется субъект перемещения, незначительны по расстоянию, так как “семенящие шаги” непригодны для перемещения на удаленные расстояния: *Die Schafe trippelten in den Stall* (WDG) - Овцы засемили в овчарню; *Die Tauben trippelten geschaeftigt auf dem grossen Platz auf und ab, hin und her* (WDG) - Голуби деловито семили по большой площади туда и сюда, взад и вперед.

В некоторых случаях глагол *trippeln* употребляется в особых ситуациях с целью подчеркнуть неуверенность, чинопочитание и заискивание субъекта, например: *Es war, als wolle sich keiner zuerst hinsetzen. Alle trippelten durcheinander, schuettelten Haende ... Ich hatte natuerlich nicht die mindeste Lust, mich als erster zu setzen; ich trippelte nicht weniger eifriger, wenn auch viel aengstlicher als die anderen durch die Stuhlreihen und Seitengaenge* (Walser) - Казалось, что никто не хочет садиться. Все передвигались короткими шагами, жали друг другу руки .. У меня, естественно, не было никакого желания садиться первым; я не менее старательно, даже более опасливо, чем другие, сменил через ряды стульев и боковые проходы. Как видно из приведенных примеров, *trippeln* употребляется для обозначения перемещения с помощью ног в пространстве нежного, хрупкого, небольшого по размеру или слабого, неуверенного в себе субъекта действия.

Для животных, перемещение которых обозначается глаголом *trippeln*, характерны прежде всего небольшие размер и вес.

Таким образом, дополнительно к факторам, характеризующим базовый глагол *gehen*, у глагола *trippeln* можно выделить следующие особенности обозначения процесса ходьбы: а) небольшая длина шага; б) быстрая последовательность шагов; в) легко; г) тихо (нешумно).

Близкий по звучанию глагол *trappeln* употребляется для обозначения перемещения, сопровождающегося шумом.

Как показывает материал, обозначение перемещения и шума в немецком языке зачастую невозможно отделить друг от друга. В качестве семантического субъекта выступают одушевленные существа: животные, особенно лошади, а также другие копытные, и люди, часто дети. Обращает на себя внимание преобладание примеров, в которых субъект выражен существительным во множественном числе, например: *Eine Schafherde trappelte durch die Felder* (Tucholsky) - *Отапа овец протопотала по полям*; *Das Kind ist zur Tuer getrappelt* - *Ребенок протопотал к двери*.

Указание на направление перемещения при употреблении этого глагола, как правило, отсутствует. Если же есть такие уточнители, то они служат для подчеркивания продолжительности перемещения: они сообщают, где происходит перемещение (*durch, uber, dahin, auf + Dat*), в некоторых случаях они указывают на соотносительность с другим перемещающимся субъектом (*hinter jemandem her*).

Особенность перемещения, обозначаемого этим глаголом, заключается в быстро следующим друг за другом опускании ног, шаги становятся слышны, нога опускается легко. Так идут дети, когда они старательно перемещаются короткими шагами, чтобы успеть за широким шагом взрослых: *Hinter den Waldarbeitern trappeln die Schulkinder* (Schrittmatter) - *За рабочими топотали школьники*. Ощущение быстрого, частого и дробного опускания ног может возникнуть, если большое количество взрослых идут или бегут - поэтому глагол преимущественно употребляется с субъектом во множественном числе.

На передний план часто выступает шум, производимый ногами в сапогах или копытами животных. Вместе с тем *trappeln* не является глаголом шума, иначе конструкции типа *sieht ... man trappeln* - *видно, как топочут* не были бы возможны.

Итак, глагол *trappeln* указывает на следующие особенности процесса ходьбы: а) частая последовательность шагов; б) легко; в) короткие шаги; г) соответствующий интенсивный шум, сопровождающий ходьбу.

Глагол является общеупотребительным, по значению и сфере употребления можно сравнить с *trippeln*, некоторые словари не

разграничивают их значение*. Однако компонент шума у *trappeln* выражен ярче, чем у *trippeln*; кроме того, *trappeln* чаще используется в сочетании с существительными во множественном числе в качестве субъекта действия.

В рамках глаголов движения следует различать глаголы движения, обозначающие перемещение с помощью естественных средств (ноги) и дополнительных средств (например, ходули). Употребление особого глагола *stelzen* для обозначения ходьбы на двух ходулях приводится во всех словарях. Сам способ перемещения на ходулях играет относительно малую роль: он используется как упражнение для выработки ловкости у детей, а также для облегчения преодоления водных препятствий или болотистой местности.

Однако глагол *stelzen* может и обозначать особое перемещение, например, на негнущихся ногах, на протезе, костылях, то есть когда возникает ассоциация с перемещением с помощью ходулей. Так, естественной походке может препятствовать обувь, например, женская обувь на высоком каблуке: *Zwei blonde Damen mit Spazierstoecken stelzten ueber das Pflaster* (H.Mann) - *Две светловолосые дамы шли по брусчатке как на ходулях*. Кроме того, для такой особой походки могут быть физические и психические предпосылки, когда человек идет как бы застыв, ноги как деревянные, колени не гнутся, туловище прямое, голова поднята вверх. Это может быть преднамеренная походка, или же выражение внутреннего состояния, которое зависит от осознания собственной значимости, своего чувства достоинства, удовлетворенности, завышенной самооценки: *Der Herr stand auf, blickte hochnaesig auf ihn herunter ... Er nickte belehrend und stelzte davon* (A.Zweig) - *Господин встал, высокомерно смерил его взглядом сверху вниз... Он назидательно кивнул и ушел на негнущихся ногах*. Причиной такого способа ходьбы могут также быть ярко выраженные недовольство, гнев: *In der Pause stelzte der Mann, der die Rede kontrolliert hatte, auf die beiden zu und und wuetete mit hochrotem Kopf ...* (Neutsch) - *В не-*

* Der grosse Duden. Woerterbuch und Leitfaden der deutschen Rechtschreibung. 16. Aufl. Leipzig, 1967; Der Neue Brockhaus. Allbuch in vier Baenden und einem Atlas. Leipzig 1938/1939.

рерыве к ним обоим на негнущихся ногах подошел человек, контролировавший доклад, и стал возмущаться с красным от гнева лицом.

Контекстуальные уточнители направления, как правило, представлены, хотя могут и отсутствовать, так как глагол *stelzen* прежде всего подчеркивает особенности походки.

Таким образом, глагол *stelzen* выражает особое перемещение: а) на негнущихся ногах; б) большими шагами; в) с прямой спиной; г) с чувством собственного достоинства; д) иногда неуверенно (в переносном значении).

Другие выделенные нами глаголы отмечены гораздо в меньших случаях в фактическом материале и отдельному анализу в статье не подвергаются.

Предпринятый анализ особенностей выражения способов ходьбы в немецком языке позволяет говорить о сложившихся национально-культурных стереотипах восприятия универсальной категории пространства.

Литература

Шамне Н.Л. Семантика немецких глаголов движения и их русских эквивалентов в лингвокультурологическом освещении. - Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000.

Gerling M., Orthen N. Deutsche Zustands- und Bewegungsverben. Eine Untersuchung zu ihrer semantischen Struktur und Valenz. - Tuebingen: Narr. 1979 (=Studien zur deutschen Grammatik 11).

Di Meola C. Kommen und gehen. Eine kognitiv- linguistische Untersuchung der Polysemie deiktischer Bewegungsverben. - Tuebingen: Niemeyer, 1994 (=Linguistische Arbeiten 325).

Grimm J., Grimm W. Deutsches Woerterbuch. Leipzig 1854 ff.

Hall E.T., Hall M.R. Hidden Differences. Studies in international Communication. How to communicate with Germans. Hrg. Zeitschrift Stern. - Hamburg, 1983.

Источники материала

Agricola E. Woerter und Wendungen. Woerterbuch zum deutschen Sprachgebrauch. - Leipzig, 1962 (= Agr);

Duden. Stilwoerterbuch der deutschen Sprache. 4. Aufl., neu bearbeitet von P.Grebe und G.Streitberg. - Der grosse Duden. Bd 2. - Mannheim, 1956 (=DSt);

Duden. Synonymwoerterbuch. Sinnverwandte Woerter und Wendungen. - Der Grosse Duden. Bd 8. - Mannheim, 1964 (=DSy);

Mackensen L. Deutsches Woerterbuch, 4., verb. und erw. Aufl. - Baden-Baden, 1962 (=Ma); Truebners Deutsches Woerterbuch. 8 Bde. (Nachdruck). - Berlin 1954-1957 (=True);

Klappenbach R., Steinitz W. (Hrsg)/ Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. 6 Bde. - Berlin, 1980-1982 (=WDG).

© Шамне Н.Л., 2004

Д. Р.Шарафутдинов
Екатеринбург

О специфических чертах менталитета носителей северновеликорусских говоров

В июле — августе 1990 г. мне посчастливилось участвовать в плановой диалектологической экспедиции, организованной филологическим факультетом МГУ им. М. В. Ломоносова. Возглавляла экспедицию Оксана Герасимовна Гецова, зав. диалектологической лабораторией филологического факультета МГУ, выдающийся диалектолог и историк русского языка. В течение месяца группа студентов и преподавателей работала в замечательно красивом месте Русского Севера — в селе Веркола Пинежского района Архангельской области (родина известного “писателя-деревенщика” Федора Абрамова) и его окрестностях.

До этой экспедиции я не был практически знаком с русскими территориальными диалектами. Как многих коренных горожан, меня с детства окружали коммуникативные сферы литературного языка, “общего” жаргона и городского просторечия. И, конечно, молодежного сленга.

Поэтому, впервые услышав типично северновеликорусский по своим лингвистическим приметам пинежский говор, я ощутил себя словно где-то далеко за границей, в стране носителей малознакомого мне языка. Полное оканье, цоканье, стяженные флексии, многократные глаголы, обилие малопонятных и вообще непонятных слов или, что еще интереснее, лексем, формально тождественных литературным, но семантизируемых принципиально иначе (типа *просто* — “свободно, просторно”), — все это и многое другое, да еще в сочетании с очень высоким темпом речи и специфической интонацией, конечно, впечатляло и вызывало профессиональный трепет.

Однако при ближайшем рассмотрении выяснилось, что не только собственно говор, но и вообще тот мир, в котором живут носители этого говора, сам уклад, образ их жизни чрезвычайно специфичны. Не менее специфичны и интересны характер моделирования внешней действительности в сознании диалектоносителей, их система представлений о мире, психический склад, менталитет. Естественным образом многие особенности мировосприятия и мироотношения архангельских поморов получают отражение в их говорах, прежде всего на лексико-фразеологическом уровне.

Ментальность деревенских жителей Русского Севера, в том числе обширного района реки Пинеги, таит немало неожиданных моментов, с которыми необходимо считаться диалектологу. Так, мое общение с информантами поначалу складывалось весьма непросто. В самые первые дни экспедиции камнем преткновения стал мой внешний вид, обусловленный нехарактерной для конца лета в этих широтах жарой (шорты, футболка, солнцезащитные очки и т. п.). Я не учел, что нахожусь не в Москве. Местное население сразу же усмотрело во мне так называемого *икотника* — носителя нечистой силы, своего рода колдуна, который, принимая разные, часто диковинные, обличья, ходит по селам и деревням и насыпает на людей, в особенности на детей, порчу. Эта порча в пинежском диалекте имеет специальное название — *икот* (или *икоть*; варьируется по говорам) — и выражается в кратковременных судорожных припадках, подобных эпилептическим. Как правило, икотники перемещаются по населенным пунктам под видом каких-нибудь странников, бродяг, цыган, “беглых каторжных” и т. п. лиц. Нередко к этой категории местными жителями причисляются солдаты, туристы, участники различных экспедиций и вообще незнакомые неместные люди, прибывшие с подозрительными малопонятными целями, вроде нас, к тому же постоянно задающих странные вопросы, например, об индивидуальных и коллективных прозвищах. Отдельные сельчане даже определили некоторых членов нашего экспедиционного коллектива как “московских *шпиёнов*”. Не внушающие доверия становились объектами пристального внимания со стороны местных стариков. Доходило до того, что случайно оброненные возле чьих-либо ворот клочки

бумаги или карточка вполне могли быть истолкованы как “профессиональные” действия икотника, и в этом случае жильцы “пострадавшего” дома даже могли выйти на улицу для выяснения отношений с нами. Нечего и говорить, что двери многих домов оказались для меня закрытыми. Стоило немалого труда наладить контакт с потенциальными информантами. Зато позднее это общение доставляло мне истинное удовольствие и в лингвистическом, и в этическом, и в эстетическом, да и просто в человеческом отношениях.

Вера в икот/икоть и, соответственно, в колдунов-икотников в пинежском регионе очень сильна, устойчива. Некоторые уже пожилые информантки с убежденностью объясняли случавшиеся с ними время от времени такие припадки именно тем, что когда-то в далеком детстве они пострадали от икотников, наславших на них эту порчу (о чем в свое время им рассказали не менее убежденные в этом представители старших поколений в семье). Представления об икоте и икотниках и многочисленные подобные феномены вновь и вновь демонстрируют во многом языческий характер основы менталитета (и духовной культуры) значительной части русского крестьянства, в частности, жителей сел и деревень Русского Севера. Несмотря на вполне отчетливую христианскую, православную конфессиональную самоидентификацию обсуждаемых диалектоносителей, эта языческая ментальная основа так или иначе постоянно проявляется, “проступает”, в том числе в лексике и фразеологии говора. В пинежском говоре достаточно четко выделяется корпус специфически региональных, не имеющих содержательных аналогов в литературном языке лексических единиц, репрезентирующих подобные “местные” мифологические представления.

В рассказах об икотниках в крайней степени актуализируется весьма характерное для сознания жителей севернорусских деревень (где традиционно мало приезжих) аксиологическое противопоставление “своих” и “чужих”. В категориях этой оппозиции осуществляется обязательная сознательная оценка диалектоносителями окружающих их людей, также воплощающаяся в единицах говора. Как правило, рассматриваемая дифференциация (“свои — чужие”) поддерживается и усиливается не менее традиционным противопоставлением деревенских и городских жи-

телей. Совершенно очевидно, что меня местные жители восприняли исключительно в качестве “чужого”. Однако не только меня, но и в той или иной (в любом случае, меньшей) степени и других участников экспедиции. Оценка человека как “чужого” осуществлялась с опорой на различные преимущественно внешние его приметы, объединяемые лишь одним: общей нехарактерностью, нетипичностью для рассматриваемого региона, “чуждостью”, непривычностью для местного населения. В одном случае это черная “масть”, внешность брюнета, к тому же с бородой; в другом — ярко выраженные монголоидные антропологические характеристики; в третьем — просто непривычный внешний вид, общий “имидж”, стиль одежды, прическа, украшения и т. п. Значительная часть жителей Верколы выражала свое вполне определенное отношение к внешнему облику одной из наших коллег при помощи специфических оценочных лексических единиц: за предпочтения в одежде (длинные свободные юбки) ее называли *полохалом*, за прическу — *волосаткой*, а открытую летнюю обувь (босоножки) объявили вообще *страмной*. В результате этого студентка была вынуждена определенный период экспедиции вести диалектологическую работу только совместно с О.Г. Гецовой и в другом населенном пункте — на одном из хуторов недалеко от этого села.

Недоверчивое, подчас нарочито “отстраненное” отношение к “чужим”, от которых, вообще говоря, не знают чего ждать (и, как правило, не ждут ничего хорошего), нередко получает своеобразное проявление при помощи особого использования лексических средств категории неопределенности. Для указания на незнакомых людей, приезжих или проезжающих мимо, местные жители могут употреблять неопределенное местоименное прилагательное *какие-то* без подчиняющего существительного, что формирует экспрессивное негативно-оценочное высказывание: (*Смотри,*) *идут какие-то; плывут (по реке) какие-то* и т. п.

В психолингвистическом и лингвокультурологическом планах чрезвычайно важны и другие психологические особенности обсуждаемых диалектоносителей. Сразу по приезде в один из населенных пунктов мы разговорились с группой местных жителей, и одна старушка, узнав, что мы из Москвы (*москóфцы, москóфки*), неожиданно выпалила скороговоркой довольно ра-

дикальную рекомендацию насчет нашего общения с действовавшим тогда президентом СССР: *Вы ваиэму Горбацю-то по горбу поколотите!* Сказано это было так быстро и так решительно, что я не сразу понял, о чем и, главное, о ком идет речь. Примечательно, что вышеприведенное “пожелание” демонстрирует блестящий пример языковой игры. Но не менее интересно и другое. Позднее мне довелось неоднократно убедиться в том, что многие местные старики являются носителями подлинно мифологического сознания, черты которого проявились далее и в данном разговоре. Зная, что мы живем в Москве, они были совершенно уверены, что у нас есть прямой доступ к президенту и, более того, возможность неформального общения с ним. К концу экспедиции с некоторыми веркольцами у меня сложились особенно доверительные отношения: иные даже просили передать свои пожелания и наказы Б.Н. Ельцину, который тогда находился в оппозиции к официальной власти и ассоциировался в крестьянском сознании с образом народного заступника.

Мифологизации сознания многих местных жителей в определенной степени способствует достаточно замкнутый и, так сказать, “оседлый”, немобильный характер их образа жизни. В Пинежском районе в описываемое время были люди (по вполне понятным причинам в основном женщины), которые прожили всю жизнь, по 70-80 лет, в этих местах фактически безвыездно; некоторые из них ни разу не были не только в Москве или более близком Петербурге, но даже в областном центре — Архангельске. Естественно, подобные обстоятельства существенным образом влияют на характер представлений о внешней действительности, формируют специфическую картину мира в сознании таких людей. Конечно, они знают о существовании и об особом статусе Москвы, слышали и о других городах, но представления об этих объектах имеют весьма смутные, а, например, приезжих москвичей воспринимают едва ли не как пришельцев из других миров. Родная деревня с ее давно сложившимся, устоявшимся жизненным укладом мыслится как своего рода микрокосм большого мира. Система отношений, межличностных и институциональных, существующая в данном населенном пункте, ощущается как универсальная и часто переносится на весь внешний мир, на социум в целом.

Деревенские жители Русского Севера составляют специфические в лингвистическом, психологическом и культурологическом отношениях малые социальные группы, речевая деятельность которых — чрезвычайно интересный и заслуживающий особого внимания предмет научного анализа, в том числе и в рамках бурно развивающихся в настоящее время “лингвостыковых” дисциплин — социолингвистики, психолингвистики, этнолингвистики, лингвокультурологии и др. (в особенности, если учесть, что говоры неизбежно разрушаются, нивелируются под давлением литературного языка и постепенно уходят в небытие вместе с “чистыми” диалектоносителями). При исследовании речевой деятельности этих малых групп важно иметь в виду не просто ее территориальную, географическую прикрепленность, но стоящую за данным признаком ее именно социально-психологическую и культурную обусловленность; необходимо учитывать широкий социокультурный контекст существования и развития говора. Игнорирование этого содержательного “фона” может привести к принципиальному искажению реального “устройства” и функционирования столь сложного объекта в результатах анализа.

© Шарафутдинов Д.Р., 2004

Часть II. Формирование языковой личности: лингводидактический аспект

**Е.Г.Ваганова
Новосибирск**

Исследование концепта «языковая личность» в лингводидактическом аспекте

В истории науки всегда существовали феномены, которые одновременно становились объектом исследования различных ее отраслей. Одним из объектов междисциплинарных исследований является языковая личность (ЯЛ).

После того, как языковая личность попала в поле зрения различных наук, появилась возможность рассмотрения онтогенеза языковой личности в различных аспектах. Это послужило причиной возросшего интереса к языковой личности как объекту исследования.

С одной стороны, подход к языковой личности с позиций разных научных дисциплин позволяет активизировать ее изучение, вести научные разработки многопланово, исследуя различные аспекты, различные грани изучаемого явления. С другой стороны, в этом случае неизбежно терминологическое, понятийное усложнение ситуации (ведь каждое направление предлагает свое понимание терминов), а зачастую и недостаточное знакомство с результатами работы друг друга.

В современной лингводидактике модель обучения языку строится в рамках системы данного языка. Следует отметить, что поиск общих граней модели обучения языку и модели языковой личности может в значительной степени повысить эффективность обучения и привести к улучшению качества образования.

Заметим также, что последние годы резко изменили языковой портрет среднего носителя современного русского языка, а поскольку эти перемены по существу бесконечны, проблема анализа языковой личности никогда не утратит своей актуальности ни для теоретической лингвистики, ни для лингводидактики.

Л.П. Клобукова считает вполне правомерным вопрос о том, может ли сегодня лингводидактика воспользоваться теми нара-

ботками в изучении проблематики языковой личности, которыми обогатилась за последние годы теоретическая лингвистика [Клобукова 1997]. Отвечая на поставленный вопрос, необходимо сказать, что в изучении феномена языковой личности оформились два направления. Одно из них ориентировано на анализ объекта, а другое направление ставит во главу угла проблемы синтеза, генезиса языковой личности, и именно оно является в большей степени **актуальным** для лингводидактики.

Обращаясь к проблеме многопланового, междисциплинарного, разноаспектного изучения языковой личности, необходимо рассмотреть понимание данного феномена в различных областях научного знания.

Введение понятия «языковая личность» подготовлено различными направлениями языкознания и философии. Начало поисков интегрированного лингвофилософского подхода обнаруживается в XVIII веке у Э.Б. де Кондильяка и позже – у И. Гера [цит. по: Лютикова, 1999].

В исследовании языковой личности в отечественной лингвистике первые шаги были сделаны В.В. Виноградовым, рассматривавшим в качестве двух возможных путей изучения языковой личности автора и персонажа, а также создавшим своеобразный реестр сложностей исследования [Виноградов 1959].

А.А. Леонтьев писал о личности, владеющей совокупностью дискурсивных способностей на уровне всех фаз интеллектуального акта: ориентировки и планирования речевых и неречевых действий, формирования плана действия в речевой форме, контроля и корректировки (по мере необходимости) речевых действий [Леонтьев 1977].

Были различные попытки исследователей дать определение языковой личности. Например, И.Э. Клюканов сосредоточился на описании способностей личности к интегрированной речевой деятельности: «Языковой личностью считается субъект, способный осуществлять речевую деятельность, оперируя интегральными смысловыми образованиями» [Клюканов 1990: 73].

Г.Н. Беспаятнаева ядром языковой личности называет ее коммуникативное поведение: «Под языковой личностью ... понимается совокупность отличительных качеств личности, обнаруживающихся в ее коммуникативном поведении и обеспечи-

вающих личности коммуникативную индивидуальность» [Беспамятнова 1984:10]. Однако эти определения не дают общего представления о языковой личности. Концептуально языковая личность представлена в трудах Ю.Н. Караулова: «Под языковой личностью я понимаю совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» [Караулов 1989: 3].

Очевидно, что языковая личность – это сложный концепт. Существует множество подходов к пониманию ЯЛ в зависимости от области исследования. Здесь необходимо отметить одну из важнейших характеристик ЯЛ – «многослойность». ЯЛ выступает в четырех ипостасях: личность мыслительная, языковая личность, речевая личность, коммуникативная личность.

Если личность и язык соотносятся как «единичное» и «общее», то ЯЛ и языковое общество соотносятся следующим образом: общество, выступая в качестве всеобщего основания, во многом **предопределяет** грани проявления данной личности.

<i>Уровень</i>	<i>Основания для личности</i>	<i>Грани проявления личности</i>
Мышление	типы и архетипы сознания	личность мыслительная
Язык	степень развитости и особенности используемого языка	языковая личность
Речь	характер текстов, наполнивших время и пространство	речевая личность
Коммуникация	соотношение коммуникативных и квазикоммуникативных, анализаторских и манипуляторских типов общения, национально- и социокультурные особенности коммуникации	коммуникативная личность

Такое широкое понимание ЯЛ объясняет возможность ее изучения не только в общелингвистическом контексте, но и в

психолингвистическом, социолингвистическом и лингводидактическом аспектах.

Существует психологическая концепция, к которой через этнопсихологию восходит понимание **собственно языковой личности** как закрепленного преимущественно в лексической системе языка (лексике, фразеологии, паремиологии) базового национально-культурного прототипа носителя определенного естественного языка. Эту личность вполне можно назвать «словарной», этносемантической личностью.

Рассмотрим в общем основное понимание ЯЛ в каждом из названных аспектов. Существует мнение, что понятие ЯЛ производно от понятия личности в психологии и социологии и образовано расширением термина «личность» и сужением обозначаемого им понятия [Воркачев 1997].

К психологическим же свойствам личности относятся характер, темперамент, способности человека, совокупность преобладающих чувств и мотивов его деятельности, а также особенности протекания психических процессов. Непосредственная проекция на лингвистику психологической концепции личности дает следующее понимание: языковая личность – человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи, т.е. сутью этой личности является речевая способность носителя языка и личность эту можно назвать речевой, идиолектной личностью [Караулов 1987].

Лингводидактический подход ориентирован, как кажется, на развитие от понятия ЯЛ до понятия речевая личность (РЛ).

ЯЛ здесь рассматривается как парадигма РЛ. Таким образом, понятия ЯЛ и РЛ состоят в гиперо-гипонимических отношениях. Каждая ЯЛ с позиции лингводидактики трактуется как многослойная и многокомпонентная парадигма речевых личностей [Прохоров 1999].

Нельзя не отметить, что ЯЛ необходимо изучать и в социолингвистическом аспекте. Л.С. Выготский справедливо отмечал, что сознание человека следует рассматривать как частный случай социального опыта. Соответственно, языковое сознание есть результат речевой биографии индивида. Сознание несет в себе отражение всех этапов онтогенетического становления ЯЛ.

Каждодневное коммуникативное поведение носителя языка является визитной карточкой ЯЛ.

Итак, можно сделать вывод о том, что понятие ЯЛ связывает воедино науки о языке, и целостное представление о ней может сложиться только в случае изучения ее с разных сторон, в разных аспектах.

Таким образом, существуют разные подходы к изучению и разные точки зрения на ЯЛ как объект исследования. Представляется актуальным рассмотреть основные лингвистические концепции ЯЛ, которые прослеживаются в работах разных авторов.

В число базовых лингвистических концепций можно включить концепции В.В. Виноградова, Ю.Н. Караулова.

Труды В.В. Виноградова интересны и с точки зрения его понимания языковой личности. В.В. Виноградов считает, что к языковой личности как задаче исследования, объекту изучения и как исследовательскому приему можно прийти тремя путями. Иными словами, есть три возможности попадания языковой личности в «глоттосферу», а значит, в поле зрения лингвиста. Прежде всего – от психологии языка и речи, это путь психолингвистический, затем – от закономерностей научения языку, от лингводидактики, наконец, – от изучения языка художественной литературы (понимаемого в широком смысле, включая сюда и ораторскую речь) [Виноградов 1959].

Теория ЯЛ в ее своеобразном представлении разработана Ю.Н. Карауловым, именно он не только ввел в научных обиход понятие ЯЛ, но и разработал ее структуру [Караулов 1987].

В лингводидактическом рассмотрении ЯЛ предстает как многослойный и многокомпонентный набор языковых способностей, умений, готовности к осуществлению речевых поступков разной степени сложности, поступков, которые классифицируются, с одной стороны, по видам речевой деятельности (имеются в виду говорение, аудирование, письмо и чтение), а с другой стороны – по уровням языка. Лингводидактическое представление языковой личности отличается двумя особенностями:

1. Языковая личность предстает в этом случае как *homo loquens*, а сама способность пользоваться языком – как родовое

свойство человека (вида *homo sapiens*). Естественно, что структура и содержание языковой личности в таком представлении оказываются безразличными к национальным особенностям языка, которыми эта личность пользуется.

2. Лингводидактика, ориентируясь на генезис языковой личности, отдает предпочтение синтезу перед анализом, тогда как изучение языка художественной литературы представляет, по мнению В.В. Виноградова, широкие возможности для анализа языковой личности [Виноградов 1959].

Необходимо отметить, что В.В. Виноградов в реконструкции языковой личности основывался главным образом на говорении. Ю.Н. Караулов же считает, что не лишним будет включить аудирование, слушание и восприятие чужой речи.

По мнению Ю.Н. Караулова, в более явном виде выход на проблематику языковой личности осуществляется в рамках лингводидактики.

К настоящему времени здесь накоплены значительные данные, обобщен опыт преподавания языка. Это позволяет говорить по крайней мере о трех путях, трех способах представления языковой личности, на которые ориентировано лингводидактическое описание языка:

Первый исходит из трехуровневой организации (состоящей из вербально-семантического, или структурно-системного, лингвокогнитивного, или тезаурусного, и мотивационного уровней) языковой личности.

Второй опирается на совокупность умений, или готовностей, языковой личности к осуществлению различных видов речемыслительной деятельности и исполнению разного рода коммуникативных ролей.

Третий представляет собой попытку воссоздания языковой личности в трехмерном пространстве на основании а) данных об уровневой структуре языка; б) типов речевой деятельности; в) степеней овладения языком.

Необходимо отметить, что лишь последний способ является объектом специальной достаточно последовательной разработки, тогда как два других для целостной своей характеристики требуют реконструкции из «рассыпанных» в разных работах фрагментов, определенной достройки и синтеза.

По мнению Л.П. Клобуковой, эта схема (при всей ее значимости для нужд теоретической лингвистики) оказывается *неработающей* в целях теории и практики обучения языку, хотя бы потому, что все три названных уровня структуры языковой личности для лингводидактики неразделимы; они присутствуют в нашем методическом сознании в комплексе с самого начала процесса обучения. По-видимому, корректнее было бы говорить не об уровнях в структуре языковой личности, а об аспектах в анализе и описании.

Далее автор пишет, что выражение «уровни структуры языковой личности» предполагает, что языковая личность может находиться на одном каком-то уровне, последовательно перемещаться с одного уровня на другой. На самом деле это далеко не так. Что значит «Как пройти?» Это *коммуникация* в сфере обиходного общения, это коммуникация с какой-то *целью*, для реализации какой-то *потребности*. Но ведь и сферы, и потребности, и мотивы – это уже обращение к третьему, в терминологии Ю.Н. Караулова, уровню [Клобукова 1997].

Совершенно очевидно, что здесь позиции лингвистики и лингводидактики существенно расходятся. Когда речь идет об изучении *неродного* языка, данный уровень (так называемый нулевой), составляя важный этап формирования языковой личности, с неизбежностью попадает в поле зрения ее исследователя. Поэтому обращение к проблеме языковой личности с позиций лингводидактики позволяет усомниться в справедливости тезиса о том, что «языковая личность начинается по ту сторону обыденного языка, когда в игру вступают интеллектуальные силы». Ведь при таком подходе придется признать, что человек в рамках определенных сфер и ситуаций *речевого* (!) общения не является языковой личностью (вспомним тезис о том, что «общение «как пройти», «где достали», «работает ли почта»... не относится к компетенции языковой личности). И кстати, тут может быть задан еще один вопрос: а чему вообще противопоставлен феномен «языковая личность»? – «неязыковой личности»? Вряд ли было бы корректным принять такое допущение.

Разрешению данной антиномии, по мнению Л.П. Клобуковой, могло бы способствовать определенное развитие понятия «языковая личность». Автор предлагает наряду с термином

«языковая личность» ввести и использовать термин «речевая личность». В соответствии с данной концепцией любая ЯЛ *представляет собой многослойную и многокомпонентную парадигму речевых личностей, которые дифференцируются, с одной стороны, с учетом различных уровней языка, с другой стороны – с учетом основных видов речевой деятельности, а с третьей – с учетом тех тем, сфер и ситуаций, в рамках которых происходит речевое общение.*

Последний параметр представляется чрезвычайно важным для изучения феномена языковой личности в свете лингводидактики. Сеть взаимодействий, обусловленная существованием устной и письменной форм русского литературного языка, а также наличием книжных и разговорных средств в языке, предопределяет существование бесконечного числа конкретных языковых личностей – участников процесса обучения русскому как иностранному – и значительное число речевых личностей в рамках единой языковой личности.

Таким образом, языковая личность является предметом изучения многих научных дисциплин. Такой подход к объекту позволяет активизировать его изучение и многопланово вести научные разработки. Поскольку одной из важнейших характеристик языковой личности является ее «многослойность», она может выступать в четырех ипостасях: личность мыслительная, языковая личность, речевая личность и коммуникативная личность. Такое широкое понимание языковой личности объясняет возможность ее изучения не только в общелингвистическом контексте, но и в психолингвистическом, социолингвистическом и лингводидактическом аспектах.

Несмотря на то, что лингвистическое понимание языковой личности является базовым для ее исследования и современное представление о структуре ЯЛ зиждется именно на идеях Ю.Н. Караулова, задача формирования полноценной языковой личности должна стать объектом внимания всех гуманитарных дисциплин. Языковая личность – та сквозная тема, которая разрушает границы между дисциплинами, изучающими человека.

Литература

Беспамятнова Г.Н. Языковая личность телеведущего. - Воронеж, 1984.

- Виноградов В.В.* О Языке художественной литературы. - М., 1959.
- Воркачев С.Г.* Две ипостаси языковой личности в лингвистике // Языковая личность: проблемы обозначения и понимания. - Волгоград, 1997.
- Караулов Ю.Н.* Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. - М., 1989.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. - М., 1987.
- Клобукова Л.П.* Феномен языковой личности в свете лингводидактики // Язык, сознание, коммуникация. - М., 1997.
- Клюканов И.Э.* Языковая личность и интегральные смысловые образования // Язык, дискурс, личность. - Тверь, 1990.
- Леонтьев А.А.* Речевая деятельность // Хрестоматия по психологии. - М., 1977.
- Лютикова В.Д.* Языковая личность и идиолект. - Тюмень, 1999.
- Прохоров Ю.Е.* Коммуникативное пространство языковой личности в национально-культурном аспекте // Материалы 9 конгресса МАП-РЯЛ Братислава, 1999 г. - М., 1999.

©Ваганова Е.Г., 2004

Е.Е. Горшкова
Екатеринбург

Роль и место компьютерного обучения в формировании языковой личности

При обучении иностранному языку в качестве центральной теоретической категории современной лингводидактикой часто выдвигается концепция вторичной языковой личности (ВЯЛ), понимаемая как совокупность способностей /готовностей человека к «производству» речевых поступков в условиях аутентичного общения с представителями других культур [Современная ... 1999]. Создание вторичной языковой личности рассматривается как цель и результат обучения ИЯ.

Эта концепция явилась порождением смешанного коммуникативно-психологического подхода к обучению ИЯ, обосновавшего тезис о необходимости развития не только «коммуникативной компетенции» (знание языковых средств и правил их применения в различных речевых ситуациях), но и формирование определенной картины мира, свойственной носителю языка (овладение вербально-семантическим кодом изучаемого языка и творческое умение сравнивать и анализировать различия между

картинами мира РЯ и ИЯ, а также формирование «глобальной» концептуальной картины мира как информационно-категориальной матрицы), что делает возможной межкультурную коммуникацию.

Вопрос создания оптимальных условий и выбора методов обучения для развития обоих типов компетенции и личности учащегося вообще не имеет однозначного решения, однако можно перечислить некоторые критерии отбора таких методов, которые наряду с уже устоявшимися общими принципами обучения усилены и конкретизированы применительно к концепции обучения ИЯ как формированию ВЯЛ:

- рассмотрение ученика как главного субъекта учебного процесса, влияющего на его содержание, преподаватель лишь помогает и организует общение на ИЯ;
- необходимость личностного вовлечения ученика в обучение с его эмоциями и реальными потребностями;
- развитие навыков самостоятельной работы и творческого мышления, необходимость обеспечения дифференциации и индивидуализации учебного процесса;
- опора на аутентичный материал как единицу коммуникации, в которой представлены признаки иноязычной языковой общности;
- придание деятельностного характера процессу обучения путем введения интерактивных форм обучения ИЯ.

Наряду с изменениями в лингводидактике, приведшими к появлению вышеописанной категории вторичной языковой личности, в методической науке появилось много новых методов, призванных интенсифицировать и максимально ускорить формирование ВЯЛ. Одним из таких методов, пришедших в методику обучения иностранным языкам из общей методики, стал метод компьютерного обучения.

Вопрос применения компьютера при обучении иностранным языкам является актуальным в связи с информатизацией и модернизацией образования вообще, а также далеко неоднозначным по причине специфики предмета «иностранный язык», основным содержанием которого должно быть живое межличностное и межкультурное общение. Вопрос, насколько примене-

ние компьютера оправдано и способно к развитию коммуникативной и межкультурной компетенции, тесно связан с анализом его возможностей и ограничений, с точки зрения его как метода и средства обучения. Ставя вопрос еще шире, его можно сформулировать следующим образом: насколько компьютерное обучения ИЯ может являться законченной дидактической моделью, и каковы основные характеристики такой модели?

Многие авторы увязывают возможности применения компьютера с характеристикой их преимуществ и недостатков по отношению к традиционным средствам обучения. К разряду **преимуществ** компьютерных средств обучения традиционно относят:

1. Преимущества, связанные с компьютерным обучением как методом организации процесса обучения и эффективного управления: повышение качества обучения и сокращение времени, возможность индивидуальной работы с несколькими обучаемыми, повышение объективности контроля и возможность оперативного обмена опытом с другими вузами.

2. Преимущества как технических средств обучения: возможность параллельного овладения навыками работы с компьютером наряду с обучением по конкретной дисциплине, возможность интеграции различных ТСО (мультимедиа: способность к звуковому воспроизведению, визуализации), возможность интеграции со средствами связи (появление компьютерных технологий, в частности дистанционного образования, возможность подключения к информационным и компьютерным сетям), возможность предоставления интерактивного режима, возможность быстрого и относительного дешевого тиражирования [Кручинин 1998: 6-7].

Имея в виду эти достоинства, многие методисты видят возможным, а иногда и необходимым передать компьютеру в обучении следующие **функции** (при этом такая передача функций должна осуществляться, если она выгодна с точки зрения повышения эффективности обучения, иначе рентабельность программированного обучения с помощью ЭВМ может оказаться проблематичной) [Латышев 1983: 11]:

1. Функции управления:

- предъявление информации;

- отработка и закрепление знаний, навыков и умений;
- некоторые функции контроля и коррекции [Латышев 1983: 8; Житомирский 1988: 125].

2. Технические функции конкретизируют функции управления:

- функция предъявления информации может осуществляться с применением различных каналов восприятия информации, кроме того, обеспечивается хранение и выдача информации, режим повторения, консультации;

- отработка навыков и умений может осуществляться с помощью моделирования явлений и ситуаций, различных форм тренажа, в игровой ситуации, кроме того, может быть предоставлена богатая операционная обстановка (инструменты расчетов);

- контроль облегчается наличием программ анализа сообщений и ответов; автоматизацией регистрации, хранения и обработки результатов (режим обучающего контроля, в том числе интерактивного).

3. Можно также выделить методические функции (функции научного обмена и повышения квалификации преподавателя), связанные с возможностями компьютерных технологий к быстрому и относительно дешевому самовоспроизведению, передаче данных и др. Они находят свое выражение в быстром тиражировании средств обучения, овладению работы с компьютерными средствами и средствами связи, облегчение коммуникации между различными учебными заведениями без относительности их местоположения, возможность реализации в автоматизированном учебном курсе своего опыта преподавания, «своей интуитивной модели обучения» [Разработка ... 1984: 9].

К **недостаткам** обучения на компьютере, приводящим к ограничению их применения в образовательном процессе, можно отнести:

1. Трудности с точки зрения управления: в системе управления с использованием компьютерных средств обучения руководство деятельностью человека происходит практически исключительно с помощью языковых средств, таким образом, инструментарий средств управления более чем ограничен. Кроме

того, как отмечает В.Л. Латышев, «оценка эффективности такого обучения оказалась крайне затруднительной из-за отсутствия хороших методик и ограниченности экспериментов» [Латышев 1983: 11].

С точки зрения деятельностного подхода, выделяется три категории педагогических задач [Хадарцева 1990: 123]: задачи аналитического характера (ориентационный этап деятельности преподавателя), задачи проектировочного характера (конструирование способов и средств педагогического воздействия), задачи коммуникативного характера (этап реализации методических проектов). При работе с компьютером невозможно адекватно решить третью группу задач, имеющую первостепенную важность при обучении иностранному языку.

2. Технологические трудности: «проблема организации диалога с компьютером на семантическом уровне» [Афанасьев], что связано с проблемой нахождения и занесения «концептуальных элементов, которые компьютер мог бы использовать для понимания предложений», решение этой проблемы теоретически заключается в необходимости «точно определить и выделить те концептуальные элементы, с помощью которых мы понимаем действительность» [Schank 1984: 89]. С этим же связано ограничение по использованию компьютера в новых незапрограммированных ситуациях, неспособность к импровизации, связанная с отсутствием способности к планированию и пониманию нужд и стремлений человека.

В этот же раздел можно отнести проблему гигиенического контроля влияния компьютера на здоровье и физическое состояние пользователя (как учащегося, так и преподавателя), так как именно технические характеристики накладывают ограничения на время и характер использования компьютерных средств обучения.

3. Методические трудности и недостатки часто являются следствием технологических трудностей, в силу которых преподаватель-методист зачастую лишен возможности участия в составлении и написании программного обеспечения. У многих преподавателей нет опыта или необходимых навыков работы с компьютерными средствами, и восполнение этого пробела может занять довольно много времени, если не полной смены по-

коления преподавателей. Кроме того, отмечается частое отсутствие «методических рекомендаций по организации работы автора над курсом» [Разработка ... 1984: 7], а также отсутствие взаимопонимания между программистом и автором курса, что ведет к методической слабости подобных средств обучения.

Имея в виду эти недостатки АОС, сферу их применения часто ограничивают лишь областью самостоятельной работы обучающихся как одной из форм обучения наряду с другими обязательными традиционными формами обучения [Павлова 1990]. В целом, как отмечает В.Л. Латышев, при распределении функций между преподавателем и компьютерным обучающим средством «целесообразно передавать ЭВМ те функции, которые при своей реализации требуют большой точности и быстродействия, кроме того, ЭВМ успешно выполняет стереотипные операции, которые можно формализовать» [Латышев 1983: 17].

Однако характеристики компьютерного обучения дают основания сделать основанную на данной технологии систему обучения не только наиболее гибкой при наличии необходимых технических средств (она позволяет учитывать и комбинировать практически все образовательные технологии от традиционных до новейших, наиболее полно использовать все каналы восприятия информации), но и наиболее отвечающей образовательным потребностям постиндустриального общества вообще и преподаванию иностранных языков в частности. Это объясняется возможностью ее использования как в традиционном, классическом очном обучении, так и в дистантном образовании. Возможность использования практически всех методов преподавания в рамках одной системы позволяет создавать и сравнительно быстро приспосабливать такие педагогические системы для решения конкретных педагогических задач в сфере преподавания иностранного языка, в частности особенности преподавания второго иностранного языка с учетом явлений взаимовлияния систем РЯ и ИЯ на формирование у учащегося новой языковой личности.

Кроме того, в центре процесса обучения с помощью компьютерных технологий находится самостоятельная познавательная деятельность обучаемого, т.е. эта педагогическая система изначально носит индивидуализированный характер, что в послед-

нее время становится общепризнанной целью реформирования образовательного процесса вообще.

Возможности использования компьютерного обучения (КО) для развития вторичной языковой личности связаны с двумя направлениями: использование КО как метода обучения в узком смысле и функционирование КО как дидактической системы обучения с разной степенью полноты в широком смысле.

Как средство обучения или средство формирования ВЯЛ компьютер многофункционален, он может быть полностью адаптирован в докомпьютерный процесс формирования ВЯЛ, зачастую ускорив его прежде всего как источник оперативной прагматически и культурно насыщенной информации. В этом случае его ценность давно уже не ставится под сомнение, обсуждаются лишь формы и новые технологические возможности такого использования.

Как дидактическая система в полном смысле слова в области ИЯ для формирования ВЯЛ КО не может функционировать, поскольку он безлик, т.е. содержание КО слабо детерминировано целями формирования вторичной языковой личности. Этот факт объясняется слабой адаптивностью и малой интерактивной способностью КО программного типа (т.е. обучение с помощью педагогических программных средств учебного назначения), а в случае виртуального КО (т.е. обучения через взаимодействие с удаленным собеседником посредством компьютерных технологий), психологические условия формирования РД настолько отличаются от условий реальной коммуникативной ситуации, что ведут к заметным искажениям во взаимодействии и взаимопонимании. Формирование вторичной языковой личности, всецело организованное исключительно в рамках КО как дидактической системы, на современном этапе неизбежно приведет к отклонениям и деформациям в становлении и развитии ВЯЛ и неспособности учащегося полноценно взаимодействовать с представителями иноязычной культуры в реальном мире.

Изучение психолого-технологических причин деформации процесса коммуникации в условиях виртуальной реальности слабо изучено и требует внимания не только в случае рассмотрения формирования ВЯЛ, но и с точки зрения специфического развития первичной языковой личности. В этом смысле видится

возможным предложить термин «виртуальная ЯЛ», под которым понимается совокупность способностей человека к (иноязычному) общению и адекватное взаимодействие с представителями других культур в условиях виртуальной реальности.

Таким образом, применение компьютерных средств обучения для формирования ВЯЛ рационально и эффективно в сфере тренажа и контроля, для самостоятельной работы учащихся в качестве дополнительного элемента в рамках традиционной учебной системы, прежде всего как средства обучения. Применение КО как дидактической системы сопряжено с опасностью отклонений в формировании ВЯЛ, поскольку виртуальная коммуникация теоретически может вести к формированию специфической виртуальной языковой личности.

Однако имея в виду выше перечисленные характеристики КО, а также слабую изученность данного вопроса и необходимость экспериментальной проверки изложенной гипотезы о формировании специфических черт языковой личности в условиях виртуальной реальности, преподаватели-методисты, принимая во внимание специфику своего предмета, учебного заведения и конкретные задачи своего курса, а также технические и технологические возможности современных компьютерных средств, могут расширять сферу применения данных средств и методик обучения.

Литература

Schank Roger C. The Cognitive Computer on Language Learning and Artificial Intelligence. – NY: Addison-Wesley Publishing Company, 1984.

Елисов Л.Н. Структура и принципы построения автоматизированных обучающих систем. – М., 1986.

Житомирский В.Г., Долгий А.В., Степанов Г.А. Принципы организации автоматизированных систем обучения на базе мини – и микро-ЭВМ / Обучающие и контролирующие системы на базе ЭВМ: Сб. науч. тр. – Свердловск, 1988.

Кручинин В.В. Разработка компьютерных учебных программ. – Томск, 1998.

Латышев В.Л. Методика подготовки курсов для автоматизированных обучающих систем на базе ЭВМ. – М., 1983.

Павлова И.П. Типология обучающих программ по иностранным языкам и их место в самостоятельной работе студентов / Применение

обучающих программ в самостоятельной работе студентов. - Куйбышев, 1990.

Разработка и применение АУК. Методические рекомендации. – Кишинев, - 1984.

Хадарцева Л.М. Обучающая программа как средство развития методического мышления преподавателей иностранного языка / Применение обучающих программ в самостоятельной работе студентов.- Куйбышев, 1990.

© Горшкова Е.Е., 2004

Р.М.Докучаева
Сыктывкар

О смысловом пространстве в контексте формирования коммуникативных умений

Выбор темы исследования мотивируется основными направлениями в обучении русскому языку, представленными в разделе «Русский (родной) язык» Государственного учебного стандарта. Среди них – развитие связной речи, формирование коммуникативной компетентности обучающихся. Так, одним из уровней в структуре языковой личности (по концепции Ю.Н. Караулова) является мотивационно-прагматический, включающий устойчивые коммуникативные потребности и коммуникативные черты. Практическая же направленность изучения курса «Основы русской словесности» способствует формированию у учащихся умения самостоятельно постигать смысл, выраженный в тексте средствами языка [Русский язык 2002: 185]. «Смысл, – полагают исследователи, – это индивидуальное значение слова, которое связано с личностным субъективным опытом говорящего и конкретной ситуацией общения...» [Горелов, Седов 2001: 39-40]. Опираясь на коммуникативную функцию языка, О.Л. Каменская считает, что термин *смысл* целесообразно использовать лишь по отношению к реципиенту: смысл – «воспринятая реципиентом семантика» [Каменская 1990: 40]. По утверждению Е.В. Милосердовой, весь коммуникативный процесс строится на основе интерпретации. Говорящий интерпретирует свою мысль, т.е. переводит её на более понятный (для слушателя) язык, а слушающий в свое понимание смысла высказывания привносит свои presupпозиции и коннотации, то есть интерпре-

тирует его в соответствии со своим внутренним миром [Милюсердова 1999: 162].

Эффективности взаимодействия слушающего и говорящего способствует согласование смысловых комплексов в данной речевой ситуации. Смысловые комплексы, будучи составляющими смыслового пространства, являются своеобразным ориентиром создания языкового пространства. Для структурирования категории пространства в современном русском языке используются наречия, предложно-падежные формы существительных и глаголов с пространственной семантикой [Яковлева 2003: 5]. Объем, целостность смыслового пространства формируют составляющие его смыслы, соотнесенные с субъектом и объектом, их свойствами, статусом и функциями; действиями, состояниями, отношениями, с пространственно-временным континуумом. Составляющие пространство смыслы репрезентируются логико-когнитивными моделями, каждая из которых эксплицируется своей смысловой структурой.

Предметом предлагаемого исследования являются особенности смыслового пространства, создаваемого логико-когнитивными моделями, которые репрезентируются в языке глагольными лексемами с ядерной семой восприятия, в частности, – семами слухового и зрительного восприятия. В семантике глаголов восприятия можно различить два компонента: 1) собственно перцептивный (реакция соответствующего органа восприятия на действительность); 2) ментальный – осознание воспринятого, идентификация объекта, выявление его свойств [Падучева 2001: 43].

Проанализируем специфику смыслового пространства, создаваемого логико-когнитивной моделью *‘направлять слух на объект в звуковом пространстве, трансформируя этот объект в слуховой образ’*.

Репрезентируется данная логико-когнитивная модель глагольными лексемами *слушать* – *слышать* и конвертируется в высказывание, ср.: *Он слушал и слышал пение соловьев. Он слушал и слышал, как поют соловьи.* Смысловое пространство формируется следующими смыслами данной модели: 1) *‘направленность слуха (субъекта) в звуковое пространство’*, 2) *‘направленность слуха (субъекта) на объект в данном звуковом*

пространстве', 3) 'восприятие слухом объекта в звуковом пространстве', 4) 'трансформация данного объекта в слуховой образ'.

Восприятие можно представить – в свете лингвистических данных – состоящим из двух этапов. Первый этап – физиологический, когда орган восприятия участвует в ситуации на правах своего рода орудия [Падучева 2001: 33]. Если речь идет о слуховом восприятии, то на этом физиологическом этапе возникает слуховой образ ситуации, события (пение, музыка, смех, стоны, речь, грохот, стук, др.), например: *Прислушайтесь к ночному небу, и вы услышите “пи-пи”. Так будет до утра. Это начался отлет певчих* (В.Журавлев-Печорский). *Говор народа, топот лошадей и телег, веселый свист перепелов, жужжание насекомых – все это я видел, слышал и чувствовал* (Л.Толстой). *Проходя мимо окон княжны, я снова услышал шаги за собою* (М.Лермонтов). *Они, слушая шелест дождя, с необыкновенным чувством уюта ощущают сухость кипарисового подножия, смолистый запах ствола* (Ф.Искандер).

Использование при этом событийной лексики Н.Д. Арутюнова считает вполне естественной, ибо «звучание протекает во временной протяженности, а не лежит в пространственно-предметной плоскости мира» [Арутюнова 1976: 129]. Таким образом, звуковое пространство репрезентируется отвлеченными именами существительными.

Смысловое пространство анализируемой модели может расширяться за счет дополнительных смыслов, при этом функционируют в речевом пространстве варианты репрезентируемых эту модель глагольных лексем. Представим их.

– 'Направлять слух на объект в звуковом пространстве с направлением, вниманием', например: *Опять наступила тишина, и опять в тишине что-то тукало. Суок подняла палец, и наследник прислушался – Услышав, он сказал тихо: “Это часы”* (Ю.Олеша).

– 'Направлять слух на объект в звуковом пространстве тайно или случайно', например: *Гриша, маленький, семилетний карапузик, стоял около кухонной двери, подслушивал, заглядывая в замочную скважину, и слышал...* (А.Чехов).

—‘Направлять слух на объект в звуковом пространстве, охватывая его полностью’, напр.: ...она, выслушав его, услышала, поверила, простила, забыла всю боль нетерпения, подала ему руку (И.Гончаров).

—‘Направлять слух на объект в звуковом пространстве усиленно, с напряжением’, например: Но сколь ни вглядывался Колька, сидя в кустах рядом с насытью, сколько ни вслушивался, ничего не мог обнаружить и услышать (М.Пришвин).

Смысловое пространство может расширяться и за счет характеристики направленности слухового восприятия (слушать внимательно, с удовольствием и др.), характеристики формального объекта (слушать хруст, чистый и радостный; слушать шелест дождя, рассказ про беднягу и др.), характеристики направленности слухового восприятия и характеристики формального объекта одновременно, например: Селифан стучал, и скоро барин со слугою услышали хриплый бабий голос (Н.Гоголь). По обеим сторонам дороги торчали голые черные камни..., но ни один сухой листок не шевелился, и весело было слышать среди этого мертвого сна фырканье усталой почтовой тройки и неровное побрякивание русского колокольчика (М.Лермонтов). Иногда я с удовольствием слушаю сильную шарманку, какой-нибудь мотив которой заронился мне в память (И.Гончаров). Сигнализирует о расширении смыслового пространства и указание на временную протяженность восприятия объекта в звуковом пространстве (услышать тотчас, сразу, в одно и то же время и др.), например: Он поднял пистолет. Денисов, Ростов, Несвицкий зажмурились. В одно и то же время они услышали выстрел и злой крик Долохова (Л.Толстой). Потом вспыхнуло зарево, левее первого, ближе к городу, и почти тотчас я услышал странный гул, скрип колес, лай собак... (М.Горький). Объем смыслового пространства может изменяться в тех случаях, когда субъект воспринимает слухом не формальный, а объект пропозитивный, напр.: Швейцар услышал, что не просто барабанят, подошел и дверь приоткрыл (Л.Леонов).

Рассмотрим специфику смыслового пространства, формируемого логико-когнитивной моделью ‘направлять зрение на объект в обозреваемом пространстве, трансформируя данный объект в зрительный образ’. Данная модель репрезентируется в

языке глагольными лексемами *смотреть – видеть (посмотреть – увидеть), глядеть (поглядеть, глянуть) – видеть (увидеть), взглянуть (взглядывать) – видеть (увидеть)* и конвертируется в высказывание, например: *Левин смотрел перед собой и видел стадо, потом увидел свою телегу, запряженную Воронным, и кучера...* (Л.Толстой). *Я глянул вдоль дороги и увидал молодого воробья* (И.Тургенев). Рассматриваемая логико-когнитивная модель может репрезентироваться и устойчивыми словосочетаниями *бросить взгляд, окинуть (обводить) взором, поднять глаза, окинуть глазами*, например: *Онегин..., все ярусы окинул взором, все видел...* (А.Пушкин). *Пилат поднял мутные глаза на арестанта и увидел, что солнце уже на балконе, печет голову арестанту* (М.Булгаков).

Смысловое пространство формируется следующими смыслами данной логико-когнитивной модели: 1) ‘*устремлять взгляд в пространство*’; 2) ‘*устремлять взгляд на объект в обозреваемом пространстве*’; 3) ‘*воспринимать взглядом объект в обозреваемом пространстве*’; 4) ‘*трансформировать воспринятый в обозреваемом пространстве объект в зрительный образ*’. Смысловое пространство этой модели может расширяться за счет дополнительных смыслов. При этом функционируют варианты глагольных лексем *смотреть – видеть*. Представим их.

– ‘Устремлять взгляд на объект, обозревая его со всех сторон’, например: *Оглядев местность, Митроша увидел прямо перед собой чистую, хорошую поляну...* (М.Пришвин).

– ‘Устремлять взгляд на объект, тщательно обозревая его’, например: *Рассматривая клинок, Миша увидел на одной его грани едва заметное изображение волка* (А.Рыбаков).

– ‘Устремлять взгляд на объект, обозревая его в определенном направлении’, например: *Ибрагим... вдруг услышал голос Петра, оглянувшись и увидел государя...* (А.Пушкин).

– ‘Устремлять взгляд на объект, перемещая взгляд в обозреваемое пространство’, например: *Миша заглянул туда и увидел, что проем, ведущий в подвал, заколочен толстыми досками* (А.Рыбаков).

– ‘Устремлять взгляд на объект, обозревая его тщательно, не пропустив ни одной детали’, например: *Когда подойдешь ближе*

и разглядишь, что это такое, то увидишь, что это капли росы (Л.Толстой).

– ‘Устремлять взгляд на объект, напряженно, сосредоточенно, например: *Бобров, как ни всматривался в серый предутренний полумрак, видел только какую-то черную неровную стену, над которой пламенело небо* (А.Куприн).

– ‘Устремлять взгляд на объект, переместившись в обозреваемое пространство’, например: *Пик выглянул из-под корней и увидел у себя над головой красивую птичку* (В.Бианки).

Особенность смыслового пространства наблюдаемой логико-когнитивной модели проявляется, с одной стороны, в специфике объекта, на который устремляется взгляд, с другой стороны, – в специфике воспринятого взглядом объекта в обозреваемом пространстве. Достаточно регулярны случаи, когда объект, на который устремляется взгляд, репрезентируется одной лексемой, а объект, воспринятый взглядом, – другой; при этом лексемы репрезентируют понятия, связанные ассоциативными, родовидовыми, видо-видовыми и др. отношениями, например: *Оглядев местность, Митроша увидел прямо перед собой чистую, хорошую поляну...* (М.Пришвин). *Рассматривая клинок, Миша увидел на одной его грани едва заметное изображение волка* (А.Рыбаков). *Но когда я развернул яблоно, я увидел, что внизу, над самую землей, кора яблоны обрезана...* (М.Пришвин). При этом обе лексемы репрезентируются падежными формами существительных. Кроме дополнительных смыслов в смысловой структуре данной логико-когнитивной модели, на расширение смыслового пространства влияет характер объекта, воспринятого взглядом. Так, его протяженности и загруженности смыслом способствует пропозитивный объект, например: *Пилат поднял мутные глаза на арестанта и увидел, что солнце уже на балконе, печет голову арестанту...* (М.Булгаков). Этому же способствует и зрительный образ объекта, например: *Посмотри вокруг: реки бегут, шумят; в каждой лужице лягушки кричат, поют; мухи, комары вьются, жужжат; деревья, травы растут...* (Л.Толстой).

Таким образом, смысловое пространство, формируемое рассмотренными моделями, репрезентируется глагольными лексемами слухового и зрительного восприятия. Смысловое про-

странство в обоих случаях соотносится с одушевленным субъектом, с направленностью на объект, с восприятием этого объекта, с трансформацией его в образ. Различает смысловое пространство специфика его формирования: характер дополнительных смыслов, особенность трансформации воспринимаемого объекта в слуховой или зрительный образ.

В основе восприятия речевого кода, его загруженности смысловыми комплексами лежит способность обучающихся ориентироваться в смысловом пространстве. Эта способность – одна из составляющих образа коммуниканта, поиска индивидуальных приемов общения, выработки системы речевого самосовершенствования.

Литература

- Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл. - М., 1976.
Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. - М., 2001.
Каменская О.Л. Текст и коммуникация. - М., 1990.
Милосердова Е.В. Смысл как интерпретация языкового знака в дискурсе. В сб.: «Связь языковых единиц в системе и реализации. Когнитивный аспект». - Тамбов, 1999.
Падучева Е.В. К структуре семантического поля «восприятия» // ВЯ – 2001, №4.
Русский язык. Программно-методические материалы, 5-9 классы. - М., 2002.
Яковлева Е.Е. Выражение категории пространства в современном русском языке. АКД, - Тамбов, 2003.

© Докучаева Р.М., 2004

Н.Ю.Мухин
Екатеринбург

Формирование семантического компонента языковой способности в процессе обучения русскому языку

В течение нескольких десятилетий (60-70-80-е гг.) многими учителями школы и специалистами по методике преподавания русского языка [Львова 1985, Никитина 1975, Озерская 1979, Толочко 1996] велся поиск таких технологий обучения, которые бы приводили к наибольшему эффекту по сравнению с традиционными методами. Основой этих технологий являлось комплексное обучение, опирающееся на системное видение курса

русского языка во взаимосвязи всех его разделов и курса литературы.

Такой подход, очевидно, был бы невозможен без применения пропедевтических, опережающих методов, предлагающих учащимся на более ранних стадиях изучения языка теоретические знания более высокого и сложного уровня, если их можно логично и естественно связать с программным материалом. «Ориентируясь на четкую перспективу, заранее накапливая нужные понятия в определенной логической последовательности, этот метод позволяет затем перейти к обобщению уже известных элементов в стройную систему, углубить и отработать наиболее уязвимые места этой системы, сделать полученные знания более прочными, осознанными» [Толочко 1996: 26]. Пропедевтический принцип положен и в основу учебника под редакцией В.В.Бабайцевой [Бабайцева, Чеснокова 1993].

Таким образом, формирование у школьников понятийного аппарата представлялось специалистам как естественный процесс выявления, установления и закрепления внутрипредметных связей (между различными разделами языковой науки) и межпредметных (поскольку усвоение знаний проводится на примерах из программного литературного материала и литературе по внеклассному чтению).

Нет сомнений, что означенный подход действительно является эффективным и позволяет решать многие сложные проблемы преподавания русского языка, если используется увлеченным компетентным преподавателем. Но, к сожалению, условия, в которых находится современное образование, таковы, что сложно поддерживать изучение предмета на должном уровне — в последнее время языковая культура общества заметно понизилась.

Сформировалось очень терпимое, «нормальное» отношение к речевым недостаткам, к нарушениям языковых норм. Объясняется это не только слабой мотивацией и зачастую низкой квалификацией дошкольных педагогов и школьных учителей, но и сильным воздействием средств массовой информации (главным образом телевидения), для которых грамотное владение родным языком почему-то перестало быть само собой разумеющимся. Удручающее снижение грамотности школьников и плохое каче-

ство обучения теории русского языка становятся особенно заметными в связи с грядущим введением единого государственного экзамена, который требует именно системных знаний.

Преподаватели, принимающие вступительные экзамены в вуз, отмечают, что нынешние абитуриенты имеют слабое представление о структуре сложного предложения; не различают члены предложения и части речи; «не видят» составные сказуемые и главные члены безличных частей; не понимают существа словоизменительных категорий склонения и спряжения; неумение и малый словарный запас приводят к затруднениям в определении корневых и служебных морфем... На нефилологических специальностях главной проблемой остается слабая орфографическая и пунктуационная подготовка поступивших, что сказывается впоследствии на качестве курсовых, дипломных и прочих письменных работ.

В связи с этим несколько лет назад в Институте специального образования УрГПУ для первокурсников был введен новый предмет «Русский язык и культура речи», включающий в себя курс «Практикум по пунктуации и орфографии русского языка», который позволяет определенным образом выправить ситуацию и ликвидировать пробелы школьного обучения. Кроме того, в преподавании дисциплины используются пропедевтические приемы, позволяющие вводить непростые лингвистические понятия из области морфемики, морфологии, синтаксиса «заранее», до непосредственного изучения соответствующих курсов.

Так, например, очевидно, что для правильного и успешного применения орфографических правил обучаемые должны хорошо представлять себе, в какой части слова находится орфограмма — в корне, приставке или суффиксе — собственно, уметь сходу разделять словоформу на морфемы, производить своего рода анализ слова по составу. Как известно, существуют три вида анализа состава слова: 1) морфемный, 2) словообразовательный, 3) этимологический — и, хотя в школьных программах и учебниках предусматривается тесная, органическая связь этих подходов, в реальной практике, на деле, как правило, применяется только первый: школьников учат определять состав слова путем подбора однокоренных слов, слов с соответствующими

аффиксами, не учитывая при этом словообразовательных особенностей и истории происхождения.

Между тем, указанный недостаток не позволяет в нужной степени овладеть навыком морфемного деления и приводит к многочисленным ошибкам. Например, в некоторых основах есть части, внешне сходные с морфемами, но, в отличие от них, не обладающие значением: *плотник*, *бычок* (порода рыбы) — часть корня; *попечение*, *спокойный* — вычленяемые отрезки. Большие трудности возникают при членении слов с несколькими или «похожими» суффиксами: вряд ли возможно правильно разоб-
брать слова *учительница*, *медлительно*, *безболезненность* только при помощи подбора слов с такими же морфемами, без применения элементов словообразовательного анализа. Главной причиной подобных затруднений следует признать формальный, без учета значения слова и его соотношения с другими лексическими единицами, подход к его составу.

Развитию навыка способствуют упражнения по определению состава слова методом построения словообразовательных цепочек, который позволяет последовательно, одну за другой, вычленить все части слова. При применении такого подхода к указанным выше словам становится очевидным различие их морфемных структур:

уч-и-тель-ни-ц-а ← *уч-и-тель* ← *уч-и-ть*

медл-и-тельн-о ← *медл-и-тельн-ый* ← *медл-и-ть*

без-бол-е-зн-енн-ость ← *бол-е-зн-енн-ость* ← *бол-е-зн-енн-ый*
← *бол-е-зн-ь* ← *бол-е-ть* ← *боль*

Можно привести и пример с отрезком *-нича-*, который рассматривается в РГ-80 как единый морф. Построение словообразовательных цепочек, однако, показывает, что это не так:

школь-нич-ать («вести себя подобно школьнику») ← *школь-ник* ← *школ-а*

плотнич-а-ть («работать плотником») ← *плотник*

брод-яж-нича-ть («быть бродягой; вести соответствующий бродяге образ жизни») ← *брод-яж-а* ← *брод-и-ть*

жад-н-ича-ть («совершать действия, свойственные жадному») ← *жад-н-ый*

Упражнения с применением словообразовательного анализа позволяют, таким образом, закрепить понятие о приставках и

суффиксах именно в соответствии со школьной формулировкой — как о «частях слова, при помощи которых образуются новые слова».

Понятия о составном именном сказуемом и главном члене безличного предложения целесообразно ввести при изучении темы «Знаки препинания в сложном предложении», когда отрабатываются методы вычленения частей сложного предложения. Предваряя материал будущего курса синтаксиса, можно сразу же рассмотреть на примерах различные типы глаголов-связок и способы морфологического выражения именных частей; при этом достигаются две цели: обучаемые начинают более уверенно разбираться в структуре сложных синтаксических конструкций, а следовательно, правильно ставить знаки препинания; во-вторых, закрепляется теоретическое знание, в том числе и на зрительном уровне, так как обязательным элементом работы над сложным предложением является подчеркивание грамматических основ.

При изучении темы «Обособление согласованных определений» совершенно уместно напомнить о согласовании и других типах связи в словосочетании и, главное, раскрыть механизмы этих связей: показать на примерах, что при согласовании и управлении зависимое слово «приспосабливается» к главному, меняя при этом свою форму (на что указывает окончание). Что касается примыкания, то нужно обязательно «взломать» вызубренную в школе «слепую» формулу: «Примыкание — такой тип связи, когда зависимое слово связано с главным только по смыслу». Очень редко студенты в состоянии внятно объяснить, что значит «только по смыслу». Потому и требуется показать, что примыкают неизменяемые части речи, которые не могут «приспособиться» по форме к главному слову.

Слабым местом у обучаемых является представление о склонении и спряжении. Это, по-видимому, связано с тем, что в школе, определяя грамматические значения, они привыкают пользоваться только чисто формальными показателями, не осознавая при этом существа дела. Им известно (и то не всегда), что «к первому склонению относятся существительные женского рода на -а, -я; ко второму — мужского и среднего...», и склонение определяется по форме единственного числа исходя из

рода существительного. Между тем простой вопрос: «К какому склонению относится слово «ножницы»?» — моментально ставит их в тупик. То же самое в отношении спряжения: даже зная, как определяется по инфинитиву этот грамматический признак, они обычно не могут объяснить, почему глагол «дышать» является исключением и относится ко второму спряжению.

Но достаточно только просклонять и проспрягать для примера несколько существительных и глаголов и показать, что слова распределяются по грамматическим классам в зависимости от парадигмы окончаний, как подоплека становится ясна и понятие прочно закрепляется на осознанном уровне; разумеется, сделать это целесообразно при прохождении соответствующих орфографических тем: «Правописание личных окончаний глаголов», «Предложный падеж существительных на -ье», т.д.

Прояснить сущность категории лица, представление о которой, как правило, тоже формальное, можно и нужно, как только изучаемый материал коснется личных местоимений. С привлечением коротких примеров очень легко продемонстрировать, что 1-е и 2-е лицо обозначают участников ситуации общения: говорящего и слушающего — а 3-е лицо — находящихся за пределами коммуникативного акта, тех, о ком идет речь; таким образом, понятие будет сформировано «изнутри», получит осязаемый смысл, а значит, надежно усвоится.

Межуровневые связи можно проследить при изучении практически любого орфографического или пунктуационного правила. Почему бы в таком случае при повторении принципов написания частицы *НЕ* с различными частями речи не обратиться к проблеме распределения слов по частеречным классам; не связать правило о правописании *О* и *Ё* после шипящих под ударением с отработкой умения делить слова на морфемы; не вернуться к тонкому вопросу о различиях между причастиями, отглагольными прилагательными и прилагательными с глагольным генезисом при прохождении темы «Одна и две буквы *Н* в причастиях и прилагательных»?

Формирование научных понятий, кстати говоря, автоматически предполагает развитие логической зоркости, критического взгляда, умения сжато и точно формулировать определения. В связи с этим нельзя не сказать о популярных пособиях по по-

вышению грамотности, которые, как правило, предназначены для школьников или абитуриентов. Авторы пособий обычно пытаются по-своему формулировать и представить (в традиционном, табличном или ином виде) орфографические и пунктуационные правила — однако подобные издания часто бывают несвободны от некоторых погрешностей.

Первая погрешность заключается в том, что правило формулируется неточно или неполно.

Намеренно приводим примеры из Д.Э.Розенталя, поскольку он является первопроходцем, «классиком» в этой области и его книги принимаются за основу для новых разработок. Вот как формулируется у Д.Э.Розенталя часть правила о запятых при однородных членах, соединенных повторяющимися союзами: «При соединении однородных членов повторяющимся союзом *И* запятая не ставится перед первым союзом, если с него начинается перечисление. Но запятая ставится перед первым повторяющимся союзом, если однородный член с этим союзом продолжает перечисление». Формулировка неточная, вернее, неполная, потому что это соображение в такой же точно степени имеет смысл по отношению к союзам *ИЛИ*, *ЛИБО*, *ДА*=*И*, о которых почему-то ничего не сказано. Кроме того, здесь присутствует еще один часто встречающийся недостаток: правило формулируется слишком неэкономно, многословно, что затрудняет его запоминание.

Недостаток этот вообще присущ большому количеству формулировок в современных пособиях по правописанию, в частности достаточно вспомнить правила Розенталя о написании *О* и *Ё* после шипящих под ударением, об условиях обособления согласованных определений, о слитном и раздельном написании *НЕ* с различными частями речи: везде и всюду правило о *НЕ* излагается «двусторонне»: сначала оговариваются случаи слитного написания, а затем раздельного; в результате обучаемым приходится запоминать в два раза больше...

Третья погрешность связана с тем, что правило сформулировано точно, но не в состоянии обеспечить обучающий эффект без дополнительных разъяснений и методических рекомендаций.

Например, правило «Не обособляются распространенные определения, стоящие после определяемого существительного, если последнее само по себе в данном предложении не выражает нужного понятия и нуждается в определении» (*Ко мне вошел молодой офицер с лицом смуглым и отменно некрасивым.*) Но ведь и в предложении *Ум, направленный на одно отрицание, бледнеет, сохнет* слово *УМ* тоже не выражает нужного понятия и нуждается в определении, иначе предложение не имеет смысла, тогда как причастный оборот обособляется. Получается, что трудно это правило верно применить. Сделать его дееспособным может только добавочная рекомендация: опустить определение — и если полученное предложение невозможно, то обособления не происходит.

Классический пример третьей погрешности — правило «В кратких причастиях всегда пишется одна буква *Н*; в кратких прилагательных — столько же, сколько в полной форме».

Затруднения в применении этого правила связаны с тем, что не только школьникам, но и студентам-филологам иногда бывает трудно различить причастия и прилагательные с глагольным генезисом (*воспитана — воспитанна*). Поэтому без вспомогательных рекомендаций не обойтись: а) предложения с краткими причастиями легко заменяются глагольными конструкциями; б) краткое прилагательное можно заменить синонимичным отыменным прилагательным; в) краткое прилагательное, в отличие от причастия, заменяется полной формой без речевых нарушений. *Сюжеты некоторых из этих произведений сложны и запутаны...ы. Иногда простые вопросы бывают искусственно запутаны...ы.* В первом случае обозначается постоянный признак; замена глагольной конструкцией невозможна; возможна замена отыменным синонимом и полной формой: *Сюжеты некоторых из этих произведений сложны и неясны. Сюжеты некоторых из этих произведений сложные и запутанные* — следовательно, это краткое прилагательное, в котором, как и в полной форме, пишутся две *Н*. Второе предложение можно заменить конструкцией с глаголом: *Иногда простые вопросы искусственно запутывают.* Другие способы замены невозможны; использование полной формы приводит к речевой ошибке: *Иногда простые*

вопросы бывают искусственно запутанные — значит, в предложении краткое причастие с одной *Н*.

Приведенные примеры показывают, что, стремясь к точности, и «классические» определения можно и должно улучшить и не следует оставлять без внимания случаи, требующие дополнительных дидактических усилий.

Казалось бы, все изложенное — очевидно, само собой разумеется. Однако, сталкиваясь из года в год с одними и теми же проблемами, трудно не повторить азбучной истины: внедрить в сознание обучаемых нужное понятие можно только тогда, когда оно усваивается не на формальном, а на осмысленном уровне; не путем заучивания гладких формулировок-определений, а через постижение существа; не само по себе, а в связи с другими, уже известными, понятиями; не в абстрактном — «подвешенном» — виде, а на конкретных примерах — тогда оно обретает плоть. Ни школьным учителям, ни преподавателям вуза не нужно жалеть на это времени, потому что воспринятое поверхностно не только недолговечно, но и не имеет большого смысла.

Литература

Бабайцева В.В., Чеснокова Л.Д. Русский язык. Теория. Учебник для 5-9 классов общеобразовательных учебных заведений. — М., 1993.

Львова С.И. Разбор слова по составу при обучении русскому языку // РЯШ.— 1985.— №3.

Никитина Е.И. Предупреждение пунктуационных ошибок в сложных предложениях, имеющих в своем составе безличные // РЯШ.— 1975.— №5.

Озерская В.П. Изучение морфологии на синтаксической основе. — М., 1979.

Скорнякова М.Ф. Трудные случаи морфемного и словообразовательного анализа. — Свердловск, 1983.

Толочко Н.Б. Поиск эффективной развивающей технологии обучения русскому языку. — Екатеринбург, 1996.

©Мухин Н.Ю., 2004

**Условия формирования типов языковых личностей
в конфликте**

Как показывают наблюдения и анализ конфликтных ситуаций, причиной межперсональных конфликтов являются как социальные, так и психологические (личностные) обстоятельства. Под их влиянием формируются определенные свойства личности, которые становятся устойчивыми и обуславливают особенности поведения в конфликте. Такой устойчивый тип поведения характерен для того или иного типа личности. Известен конфликтный тип людей, склонный к импульсивности, повышенной эмоциональности, люди, относящиеся к этому типу, обостряют любые отношения, прибегая к конфликтному взаимодействию ради достижения цели. Конфликтный тип личности, как отмечает С.А. Сухих, характеризуется склонностью «к импульсивному поведению, реализуемому через малые стратегии, к доминированию роли говорящего, эгоцентричности, к морализации аспектов темы общения, к доминированию маркеров со значением неуверенности, пессимистичности, к иронии, сарказму, к конфликтному столкновению интенций» [Сухих 1998: 19]. Конфликтологи определяют особенности поведения людей, затрудняющего общение и провоцирующие сложные, конфликтные ситуации. Одной из особенностей такого поведения является «коммуникативный саботаж», который проявляется в 1) навязывании коммуниканту своего мнения об обсуждаемой ситуации; 2) нежелании дать ожидаемый ответ на вопрос; 3) стремлении уйти от ремо-предикативного аспекта беседы, т.е. от обмена новой, характеризующей информацией мысли, а не факта; 4)желании задеть, обидеть собеседника [Николаева 1990: 226].

Описывая признаки конфликтного типа людей, И.В. Шалина фиксирует их склонность к вербальным провокациям, проявляющимся в намеках, подначках, поддразнивании; обращение к стратегиям состязательности, соперничества и т.п., тактикам инвективы, вербального вредительства и т.п. Такой стиль поведения определяется принадлежностью коммуниканта к определенному типу речевой культуры [Шалина 1998] и социальному слою, в котором существуют свои поведенческие и речевые сте-

реотипы, что подтверждается многочисленными исследованиями. Характеризуя конфликтного агрессора, К.Ф.Седов пишет, что общение с ним напоминает арену борьбы, в которой он стремится как можно больше нанести уколов собеседнику. Коммуникант такого рода должен доставить собеседнику моральный дискомфорт («сказать гадость»). Крайней формой вербальной агрессии становится «коммуникативный садизм», когда партнер по общению становится объектом словесного издевательства. В повседневном общении «подобная языковая личность проявляется в инвективах, колкостях, упреках, насмешках и т.п.» [Седов 2000: 7].

Учитывая те или иные свойства личности, проявляющиеся в особенностях речевого поведения, исследователи выделяют устойчивые стили поведения в конфликтных ситуациях и на их основе типы личностей [Бородкин, Коряк 1989: 4].

Побудительный механизм конфликтного типа взаимодействия – агрессия, вербальное насилие, словесное издевательство – имеет как социальные, так и индивидуальные истоки. С одной стороны, склонность к такому типу взаимодействия обуславливается социальным опытом, накопленным под влиянием социальной среды. С другой стороны, нельзя отрицать и индивидуальную предрасположенность к агрессии и насилию, складывающуюся из особенностей нервной системы, черт характера, специфики темперамента и т.п., которые делают личность более восприимчивой к воздействию других факторов, в частности социальных.

Нам представляется целесообразным предложить более разветвленную систему типов личностей по способности к согласованности своего дискурсивного поведения с действиями партнера по коммуникации. В качестве центрального критерия дифференциации речевого поведения личности возьмем ее коммуникативную установку, реализующуюся в ее речевых стратегиях и тактиках, поскольку именно установка определяет характер речевых поступков в коммуникативном событии. Подобной типологии не встречается в научной литературе, хотя отдельные описания коммуникантов с установкой на юмор, языковую игру, на конфликт имеются [Троянов 1990; Доронина 2000]. Опираясь на признаки, существенно влияющие на вербальное поведение

человека и проявляющиеся в определенном типе поведения, можно выделить три основных типа коммуникативных установок и на их основе три типа личностей. Это установка на сотрудничество (на контакт, на кооперацию); установка на устранение от активного участия в изменении развития ситуации общения, невмешательство в ход коммуникативного акта (КА); и установка на конфликт, конфронтацию.

Установка на сотрудничество, кооперацию состоит в ориентации на собеседника, на оправдание его ожиданий, в проявлении партнерских отношений в общении, гибкости в речевом поведении, заключающейся в умении переключаться с одной темы на другую, подвижности реагирования на поведение партнера, выборе позитивных средств и способов реагирования на речевые ходы партнера по коммуникации. Установка на кооперацию характеризуется положительным конструктивным отношением к речевой интеракции и партнеру по общению, соблюдением конвенциональных принципов и коммуникативных норм, пластической адаптацией под влиянием речевой ситуации. Такой тип коммуникативной установки формирует стиль поведения, опирающийся на глобальную стратегию сотрудничества, доминирование фатической интенции, стиль совместной реализации речевых и неречевых задач, стремление погасить конфликт и найти приемлемое для обеих сторон решение. Такой тип взаимодействия характеризует **гармонический (кооперативный) тип личности**.

Второй тип установки – на устранение – проявляется в невмешательстве, в пассивности и склонности одного из коммуникантов уступать собеседнику, подчиняться ему. В затруднительных (проблемных, конфликтных) ситуациях в поведении коммуникантов этого типа преобладает модальность неуверенности, они не могут планировать свое поведение, не способны или не желают решительно влиять на процесс общения, пытаются уйти от принятия решения. Участие в КА субъектов с установкой на устранение характеризуется пассивностью и минимальным влиянием на исход речевой деятельности. Такой тип взаимодействия определяет **конформный тип личности**. Речевое поведение (РП) коммуникантов этого типа может быть различным. С одной стороны, стратегия устранения позволяет ему

полностью «раствориться» в собеседнике. Вследствие боязни обострения отношений, конфронтации, он может подавлять собственную интенцию и сконцентрироваться на партнере, демонстрируя согласие с ним, даже если он не вполне разделяет его точку зрения. Сонастроенность с партнером проявляется в тактиках согласия, лести, утешений, советов, сочувствия, похвалы, в различного рода поддакиваниях, поддержках и т.п. Такой подтип конформного типа личности можно определить как **кооперативно-конформный** [Седов 2000: 10]. Подобная модель поведения может сыграть положительную роль в исходе КА: уступка, компромисс – лучший способ остановить конфликт. Но она и опасна, поскольку люди такого типа объективно способствуют агрессивным проявлениям своих партнеров по общению.

С другой стороны, стратегия устранения может проявляться в отдалении от других, сосредоточенности на собственном «Я», в реализации индивидуальных целей коммуникации. Такой подтип коммуниканта можно назвать **пассивно-конформным**, центрированным на себе. Собеседники такого типа руководствуются стратегией игнорирования проблемы или собеседника, реализующейся в тактиках умолчания, в смене сценария, ухода от темы, в невмешательстве в решения и поступки партнера, в предложениях партнеру поступать так, как он считает нужным. Результат взаимодействия людей пассивно-конформного типа однозначно определить нельзя. Их контакт может происходить как в зоне гармонического взаимодействия, так и дисгармонического, в зависимости от стечения других коммуникативных обстоятельств, в частности коммуникативной установки другого субъекта. Демонстрацией РП коммуникантов конформного типа личности, а именно кооперативно-конформного и пассивно-конформного, рассмотрим на следующей ситуации.

Участники ситуации: две учительницы, работающие в одной школе. Первая нетерпимо относится ко всякого рода нарушениям дисциплины, не приемлет поведение ученика, демонстрирующего отступление от норм школьной жизни. Вторая учительница иначе смотрит на данную проблему: не стоит обострять ситуацию, четко фиксировать противоречия в своих взгля-

дах и ценностных установках учеников. Нарушения учебной дисциплины вызывают у нее неодобрение, но она реагирует на них в необходимых случаях, стараясь не обострять отношения.

Ситуация: Учительская. Обе учительницы, глядя в окно, видят, что ученик Мавродин опаздывает.

Первая учительница смотрит в окно, на часы, затем опять в окно, поворачивается и ловит взгляд второй учительницы.

Вторая учительница смотрит на первую учительницу, в окно, потом на часы.

1 уч.: *Мне кажется, это Мавродин опаздывает опять.*

2 уч.: *Да, это он.*

1 уч.: *Вы когда-нибудь видели его приходящим вовремя в школу?*

2 уч.: *Никогда.*

1 уч.: *Знаете, я сегодня Ирине Анатольевне сказала: "Сколько ни стараешься, сколько в них души не вкладываешь, отдачи – никакой! Всегда опаздывают!"*

2 уч.: *Вы абсолютно правы. Сейчас все дети такие.*

1 уч.: *А ведь мы все свое здоровье оставляем здесь, в школе! А что за все это получаем?!*

(А.Л. Крупенин, И.М. Крохина).

Вторая учительница уходит от обсуждения острых проблем, успешно прогнозируя то, что хотела бы от нее услышать собеседница, и реализуя свой прогноз в соответствующих тактиках: подтверждение по поводу сомнения первой учительницы (*Да, это он*), ответ-согласие на вопрос-«подсказку» (*Никогда*), усиленное согласие (*Да, вы абсолютно правы*). Кроме того, согласие в виде обобщений (*Сейчас все дети такие*) идет в русле высказываний первой учительницы и сигнализирует об общности пресуппозиций партнеров. Сонастроенность с коллегой проявляется даже в невербалике: посмотрев на первую учительницу, вторая вслед за ней тоже смотрит в окно, потом на часы. Цель второй учительницы заключается вовсе не в объективной оценке школьных проблем, а в имитации разговора о серьезных проблемах, т.е. цель общения чисто речевая: общение ради общения, стремление не усложнять ситуацию, может быть, снять имеющееся напряжение в отношениях или сохранить эмоциональное равновесие партнера и т.п.

Таким образом, вторая учительница демонстрирует кооперативно-конформный тип личности, не пытаясь настаивать на

своей позиции, так как не видит значимости в принципиальной оценке ситуации. Эта модель поведения используется, когда первостепенными становятся речевые цели, например, поддержание разговора или получение удовольствия от общения, а не выяснение позиций и истинности суждений. Соответственно, такой тип личности является кооперативно-конформным.

Анализируемая ситуация могла развиваться и по другой модели. Например, на инициальную реплику *Это Мавродин опаздывает опять* могли бы последовать реактивные реплики: 1а. *Который сейчас час?* 1б. *Это Мавродин.* 1в. *Мавродин обычно не опаздывает,* а на вопрос *Вы когда-нибудь видели его приходящим в школу вовремя?* ответ: 2а. *Я никогда специально за ним не наблюдала.* 2б. *Меня этот вопрос не интересовал.* 2в. *Да.* На последнюю фразу *Знаете, я сегодня Ирине Анатольевне сказала...* могли последовать такие варианты ответов: 3а. *Молчание.* 3б. *Что вы имеете в виду под отдачей?* 3в. *Я не могу с этим согласиться.* Но все эти ответы не соответствовали бы тому, что хотела услышать первая учительница, и не способствовали бы улучшению отношений между участниками диалога, хотя реакции 1а, 1б, 2а, 2б, 3а, 3б могли бы сохранить имеющиеся отношения. Эти реакции представляют собой реализацию другой модели – «игнорирование проблемы». Такой тип поведения демонстрирует пассивно-конформный тип личности: умалчивание (3а), уход от темы (2а, 2б), смена сценария (3б, 1а).

Нетерпимость первой учительницы к нарушениям дисциплины проявляется в желании «разобраться» с учеником, наказать его, проучить. В этом установка на конфронтацию, которая свойственна третьему типу личности – **конфликтному**, характеризующемуся активным воздействием на партнера в процессе коммуникации, использованием негативных средств стимуляции речевого взаимодействия, доминированием во взаимодействии, сосредоточенностью в высказывании на самом себе, навешиванием ярлыков, склонностью к конфликтному столкновению интенций, к глубоким и интенсивным эмоциям, быстрому их возникновению, к реализации вербального поведения через малые речевые стратегии, отступлению от коммуникативных норм. Наличие негативно окрашенных интенций вызывает потребность в агрессии, что может дать неадекватную интерпрета-

цию коммуникативной ситуации, в частности, интенций и поведения собеседника, провоцируя тем самым недоразумения и конфликты в отношениях с ним. Такой тип коммуникативной личности явно коррелирует с деструктивным (по социальным показателям) и грубо-статическим, непластичным (по психологическим показателям) типами личностей. Он полагается на силу приказов, требований, угроз, оскорблений и т.п., не считает нужным обосновывать и разъяснять свои действия, не терпит возражений, замечаний в свой адрес, не признает права собеседника на собственное мнение, отказывается от сотрудничества с ним.

Ярким примером конфликтной личности является героиня пьесы Н. Коляды Тася Гагарина. Сама о себе она говорит: *"Я – совесть человеческая", "Я вот таким врушкам, как ты – прохо-ду не даю", "Всех на чистую воду вывожу"*. Но окружающие о ней иного мнения: *"Ходит, на людей кидается, как змея какая", "Ходит, собирает по деревне кого не попало", "Никому никогда спуска не дает. Задирает на каждом слове"*. Основная цель общения Таси – уличить своего собеседника в неблагоприятном поступке, «подковырнуть», «раскрыть глаза» третьему лицу на него, испортить настроение партнеру. Для достижения этой цели она использует негативные конфликтные языковые и речевые средства воздействия. Вот обычный ее диалог со «сватьяшкой»:

Тася. *А-а, здравствуй, Верочка, здравствуй, сватьяшка. Как поживаешь, куда направилась? Валенки, что ли, понесла куда-то, ага?*

Вера. *Здравствуй, Тасенька, здравствуй, дорогая. В райцентр вот поехала, к Клаве, сестричке. Половики вот ей повезла.*

Тася. *Да что ты мне говоришь-то? Не вижу я, что ли? Валенки у тебя там, Вера. Ты чего?*

Вера. *Да половики, половики, Тася. Говорю ведь тебе. Зачем мне тебя обманывать-то? Половики.*

Тася. *Да что ты за человек такой, Вера? Ну, я же вижу, что у тебя в мешке валенки, не слепая, поди. Ну? Валенки. И знаю, откуда они у тебя, и знаю, куда ты их повезла. Все знаю, Вера! Никого же рядом нет, чего же ты так боишься? Никто не услышит. Валенки, Вера. А ты мне говоришь: половики, половики. Я знаю, что не половики. Ну?*

Вера. *Ага. Не половики. Смотрю, больно ты много стала знать последнее время. Сквозь матерку уже все видишь. Всех наскрозь про-*

свечиваешь, ага? Чего вот ты к людям привязываешься, чего вот ты духаришься? Ну? Чего тебе надо-то?

Тася (Усовещая.) Вера-а-а... Да что же ты, а? Чего ты отпираешься? Я уж, по-твоему, совсем нихтомная, да? Совсем уже дура, что ли? Наворовала шерсти на пимокатной, накатала себе валенок, а сейчас продаешь, ну? И будет мне еще отпираться, собирать всякую ерунду... Половики какие-то, говорит... Ну, вот чего ты, а?

Большая пауза. Вера поставила мешок на землю.

Вера. Ах, так вот кто сплетни про меня по деревне распускает! Понятно! Да даже скотина безрогая, безмозглая так себя не ведет, как ты себя ведешь! Что ты делаешь, а? Где стыд у тебя? Ты кого воровкой называешь? Меня? Меня, да? Нет, ты меня так называешь, да? Меня?! Ах ты...

Тася. Ах ты... Да воровка ты и есть, самая натуральная! Гребешь и гребешь все к себе!

Вера. Что-о-о?!

Тася. Ни что, а так точно! Да я никогда в жизни ни у кого вот столечко не взяла, а ты воруеть и воруеть, все тянешь и тянешь! Да вся деревня знает, что у тебя руки как на клею! Да я никогда ни у кого в жизни вот столечко не взяла, вот полстолечко, а ты воруеть! Ага, скажет, не так! Так точно! Еще и отпирается, посмотри-ка на нее! Половики, половики... Будто я не вижу, что она там такое несет! Не вижу я будто, что это валенки!

Вера. Люди добрые, да что же это такое творится, а? Это что такое, по какому праву? Ведь среди бела дня ни за что ни про что оскорбляют! Да что это такое, а? Это ведь... это ведь черт-те че и морда в саже это ведь! Чего тебе надо, чего ты, как собака, на людей кидаешься? Ну?!

Тася. Собака! Ишь! Да ты сама, если хочешь знать, собака! Поняла?! Собака, собака и есть! и т.п.

Основная стратегия, в рамках которой строит свое речевое поведение Тася, - это стратегия разоблачения. Тактики, использованные ею для реализации данной стратегии, маркируют ситуацию как конфликтную. Выделим эти тактики. Первая группа тактик направлена на то, чтобы подначить, унижить, обидеть партнера, спровоцировать его на неблагоприятные ответные речевые действия. Они носят чаще всего агрессивный характер. Это следующие речевые тактики:

- инвектива, оскорбление: *Да воровка ты и есть, самая натуральная! Да ты сама, если хочешь знать, собака. Собака, собака и есть! Учительница, дура, купила, деньги ей некуда было девать, да вы еще!*

- подначка: *И знаю, откуда они (валенки) у тебя, и знаю, куда ты их повезла. Все знаю, Вера. Никого же рядом нет, чего же ты так боишься? Никто нас не услышит. Какой у меня характер? Какой? Ну, какой? Какой, скажи? Какой?*

- обвинение: *Наворовала шерсти на пимокатной, накатала себе валенков, а сейчас продаешь, ну?*

- ирония: *Да, работающая она у тебя! Как придет с работы, так свою Ару Пугачеву включит и орет на всю улицу!*

- угроза: *Иди, говорю. А то пенделя получишь сейчас под задницу. Ну погоди, погоди, я вот напишу на тебя анонимку, напишу, напишу, поплачешь ты у меня. Поплачешь! Погоди, вот напишу! Поплачешь, поплачешь еще! Погоди вот!*

- провокация: *Все знаешь про дочку про свою любимую или нет? Знаешь?*

- наговор, очернительство: *Это она, товарищи, бросила пачку дрожжей тете Фae позавчера в уборную. Она это, это она, тетя Фая, она! Да кто же не знает, что ты, ты, ты бражку ставишь. Всем ты известная пропойца.*

- упрек: *Да еще болезнь у твоей дочки: как поест, так спать ее клонит. Широко больно живете, не по средствам. Деньги туда-сюда – швырь-швырь, швырь-швырь ... А она что – варит? Ага. Как же держи карман шире. У бедного сыночка те ребра ... как в мешок складены, совсем уже дошел, бедный мой.*

Использование агрессивных, конфликтных тактик сопровождается:

- оценками достоверности сообщаемой собеседницей информации (*Да у тебя язык, как у той собаки хвост болтается, а? Про что ты такое мелешь, тварюга? Нет, вы только послушайте, какую она чупуху собирает. Чу-пу-ху! Натуральную. Самую чупуховину! Что она болтает такое, в голову такое не взойдет. Что ей в бошку ударило? Все врет от начала до конца! Вот что выдумала, вот что ей в голову пустую взбрестило! Ну всякую-превсякую мурню собирает*);

- оценками убедительности ее ролевого поведения (*Грамотные какие – и-и ... Газетки они про Гондураса почитывают*);

- оценками интеллектуальных способностей, нравственных качеств характера собеседницы, ее поступков (*Ты, "Руки – на – клею". Тебя хлебом не корми, дай только деньги мужиковы проездить. То туда, то сюда. Бессовестная! Да ты за троак в церкви пернешь ... И не покраснеешь, вот такушки. А потом ходит по деревне и продает, что там купила. Про тебя, про спекулянтку, вся деревня знает...*

Вторая группа тактик направлена на самозащиту, повышение своего «Я», на блокирование действий собеседницы, укрепление своего коммуникативного статуса:

- самоутверждение: *Да я никогда в жизни у кого вот столечко не взялада я ни у кого никогда в жизни и копейки чужой не взяла, не воровала шерсть, как ты, не продавала валенки, не спекулировала, как ты!*

- самоукрупнение: *Я все ваши действия наскрозь вижу, все наперед знаю, что сделаете! Все- все- все. Я знаю, что сказала!*

- запрет: *Замолчи!!!! Заткнись!!!!*

- поучения: *Пришла с работы – вари мужу. Вот чем надо заниматься, а не Арой своей.*

Успокаивается Тася только тогда, когда собеседник признается в своих отрицательных качествах или поступках, и это дает ей возможность осудить его, почувствовать себя увереннее, подняться над ним и применить новые активные действия против партнера (*Ой-ей-ей!.. До чего же вы дожили, как вы спустились, как вам не стыдно, а? Ну надо же до такого дойти, а?*)

Таким образом, используемые коммуникативные тактики, негативные оценки, лексика, выходящая за пределы литературного языка, ярко маркируют конфликтный коммуникативный акт и его участника как конфликтную личность.

Характеристика конфликтного типа коммуниканта, как видим, включает в себя очень многие параметры и в то же время не исчерпывает всех свойств такой личности, поскольку существуют различные подтипы этого типа коммуникантов.

Прежде всего, это **эмоциональный и рациональный подтипы**. Эмоциональное поведение личности, относящейся к первому подтипу, не основывается на сколь-нибудь продуманной

стратегии, представляет серию непосредственных реакций на внешние воздействия, ориентацию на сиюминутные требования ситуации, отсутствие видения перспективы (пример – Тася Гагарина). Рациональное поведение предполагает планирование действий, умение говорящего оценивать ситуацию, осуществлять самоконтроль и контроль за поведением собеседника. Для людей такого типа конфликт – средство достижения своих целей. Они провоцируют конфликт и, владея техникой общения и зная законы и механизмы развития конфликта, используют его в своих интересах. Такой тип личности можно назвать еще **целенаправленно-конфликтным**. Обычно это психически устойчивая личность, не склонная к эмоциям и импульсивному поведению. Все люди в реальном поведении в той или иной степени конфликтны. Но среди них есть личности **ситуативно конфликтные и перманентно конфликтные** [Бородкин, Коряк 1989: 101]. Для первой категории людей конфликтность не свойство характера, а следствие конкретной ситуации. Их готовность в отдельных случаях идти на конфликт вызывается отсутствием иного выхода в данной конкретной ситуации. Уровень конфликтности может резко повыситься под влиянием неблагоприятных обстоятельств. Вторая разновидность людей – индивиды, для которых конфликтность – постоянное свойство их поведения, вытекающее из особенностей характера.

Личность относится к конфликтному, а именно **конфликтно-манипуляторскому подтипу** [Седов 2000: 7], если она в партнере видит прежде всего объект манипуляции и средство самоутверждения; коммуникант пытается преодолеть свою психологическую ущербность за счет другого, ставя собеседника в ситуации общения на нижнюю по сравнению с собой статусную позицию. Обычно этот подтип вырастает из ситуативно конфликтного типа, но состояние постоянной готовности к конфликту становится свойством его поведения. Этот подтип личности, таким образом, можно отнести к перманентно конфликтному. Существует еще **конфликтно-агрессивный** тип личности, который проявляется в том, что коммуникант демонстрирует установку на себя и одновременно против партнера, видит в поведении партнера враждебную интенцию и поэтому сам демонстрирует встречную агрессию. Такой человек – ущербная в

социально-психологическом отношении личность. Он испытывает свою социальную неполноценность («неудачник») и для самоутверждения стремится негативно изменить состояние своего собеседника.

Таким образом, представленные типы личности в конфликте определяются совмещением различного рода социальных и психологических факторов, которые создают условия для формирования определенного типа установок личности. Установки в значительной степени предопределяют выбор коммуникантом речевых стратегий и тактик, следование которым характеризует устойчивый тип его поведения.

Литература

Бородкин Ф.М., Коряк Н.М. Внимание: конфликт! - Новосибирск, 1989.

Доронина С.В. Содержание и внутренняя форма русских игровых текстов: когнитивно-деятельностный аспект (на материале анекдотов и речевых шуток). Автореф. дис.... канд. филол. наук. - Барнаул, 2000.

Николаева Т.Н. О принципе «некооперации» и/или категориях социолингвистического воздействия // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. - М., 1990.

Седов К.Ф. Типы языковых личностей и стратегии речевого поведения (о риторике бытового конфликта) // Вопросы стилистики. Язык и человек. - Саратов, 1996. Вып. 26.

Седов К.Ф. Типы языковых личностей по способности к кооперации в речевом поведении // Проблемы речевой коммуникации. - Саратов, 2000.

Сухих С.А. Прагмалингвистическое измерение коммуникативного процесса. Автореф. дис. докт. филол. наук. - Краснодар, 1998.

Троянов В.И. Научный спор с установкой одного из коммуникантов на конфликт // Язык, дискурс и личность. - Тверь. 1990.

Шалина И.В. Взаимодействие речевых культур в диалогическом общении: аксиологический взгляд. Дис. канд. филол. наук. - Екатеринбург, 1998.

© Третьякова В.С., 2004

**Побудительные речевые жанры как средство
формирования текстовой модальности урока**

Современная теоретическая и прикладная лингвистика все более органично осознает тот факт, что «любой продукт речемыслительной деятельности – слепок личности субъекта: его интеллектуального уровня, эмоциональной организации, духовно-нравственных особенностей мировосприятия» [Чернухина 1992: 125 – 126, см. также: Богуславская 1994, Гольдин 1997]. Личность в обществе является производной от социальной среды. Она включена в систему ролевых функций, предписаний и ожиданий

Нами учитывается понятие языковой личности. Интерпретация категории «языковой личности» осуществляется в специальных исследованиях [Бахтин М.М., Богин Г.И., Винокур Т.Г., Вейнингер О., Караулов Ю.Н., Карасик В.И., Ладыкина Т.А., Почепцов Г.Г., Седов К.Ф., Стернин И.А. и др.]. Языковая личность – совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений. Для нашего исследования актуально соотношение в границах категории «языковая личность» понятий стереотипного и индивидуального (творческого). Проявление индивидуально-психологических особенностей в порождаемых говорящим речевых произведениях для современной филологической науки является аксиомой [см., например: Гольдин В.Е., Коган Л.Н., Крысин Л.П., Шалина И.В. и др.].

Для эффективной коммуникации личностей, различающихся социальным опытом, необходимы «сведения» 1) о социальных знаниях собеседников, позволяющих сделать вывод о их апперцепционных способностях и ориентировать на них свои речевые действия; 2) об иерархическом отношении своих статусов, чтобы регулировать действие этических правил отбора языковых средств [Сорокин 1979: 55].

В литературоведении о признании данного факта свидетельствует широко употребляемое понятие «индиостиль». Теоретические основы такого подхода к речи заложены В.В. Виноградовым, писавшим об «индивидуально-стилистическом своеобра-

зии форм и приемов речевого словоупотребления, речевых конструкций» [Виноградов 1975: 53], которое определяет индивидуальный стиль писателя и «является исходным и основным в сфере лингвистического изучения художественной литературы» [Виноградов 1981: 105]. Понятию «идиостиль» соответствует понятие «идиолект» – «совокупность индивидуальных (профессиональных, социальных, территориальных, психофизических и др.) особенностей, характеризующих речь данного индивида; индивидуальная разновидность языка» [Ахманова 1966: 165]. Если языковая личность современного учителя как некий конструкт проявляется в педагогическом дискурсе (Пищальникова В.А.), идиостиль учителя воплощается в текстах авторских уроков. В поле нашего внимания находятся текстовые фрагменты урока, записанного нами на видеопленку в одной из школ Екатеринбурга, включающие сигналы фатического. Единицей анализа становится рече-жанровый знак фатического в конкретном текстовом фрагменте и цепочка таких знаков. При этом речевые жанры рассматриваются прежде всего в аспекте их текстообразующей функции.

Отбор и комбинация речевых жанров внутри отдельного фрагмента и целого текста способствуют формированию жанрового стиля – «типového способа интеграции текста, предполагающего... иерархическую взаимосвязь типовых субтекстов на основе взаимосвязи их типовых целеустановок, объединенных в конечном счете типовым «авторским замыслом» [Салимовский 2002: 200].

Модальные смыслы проявляются в тексте при реализации точки зрения автора речи [Успенский 1970], его коммуникативной установки, а средства выражения модальности, в свою очередь, функционируют как сигналы отдельных участков языковой картины мира говорящего.

Модальное содержание, как подчеркивают исследователи, реализуется во всем составе высказывания [Русская грамматика 1980, Т.2: 214-216], а формой существования РЖ является именно высказывание. В.В. Виноградов отмечал, что модальность, в частности, может быть заключена и «в вещественном значении отдельного слова» [Виноградов 1975: 71]. Набор модальных значений велик. Это прежде всего «заключенные в системе аб-

страктных синтаксических категорий значения отношения к действительности, т.е. значения реальности и < > ирреальности (синтаксические ирреальные наклонения: сослагательное, условное, желательное, побудительное и долженствовательное)» [Русская грамматика 1980. Т.2: 214-215]. Ученые выделяют также субъективно-оценочную модальность: собственно оценочную, эмоционально-оценочную, аффективную (Телия В.Н.), модальность неожиданности, странности [Пушкарева 1998: 21-36]. Во всех случаях модальность отражает авторскую интенцию. Модальные высказывания (в том числе имеющие форму РЖ) передают отношение автора к обозначаемому, а в диалогических структурах – к участникам коммуникативного взаимодействия. Если оттолкнуться от разработки данной категории А.М. Пешковским, можно говорить о том, что категория модальности отражает «отношение к отношению» [Пешковский 1956: 88]. Автор речи (в нашем случае – говорящий) выражает свое отношение к отношению, которое сложилось между содержанием данного высказывания и действительностью. Как отмечает Г.Я.Солганик, модус – это слой синтаксического значения, связанный с принадлежностью высказывания говорящему. Модус обозначает отношение говорящего к обозначаемой ситуации [Солганик 1984: 173-175]. В нашем случае – это учебная ситуация повторения учениками раздела «Фонетика» под руководством учителя.

Модальность связана прежде всего с позицией автора речи (в нашем случае – учителя, ведущего урок). Именно учитель дает образец речевого поведения ученикам, дает образец реализации коммуникативных намерений.

В речевой партии учителя, занимающей основное место в текстовом пространстве урока, отмечается активность форм глагольного повелительного наклонения, организующих модальный тип высказывания и тип существенной для целого текстотипа группы речевых жанров.

«Повелительное наклонение, - отмечает В.В.Виноградов, - находится не периферии глагольной системы» [Виноградов 1947: 590]. В данном тексте именно формы повелительного наклонения преобладают, наличествуют во всех, без исключения, текстовых фрагментах, организуют текстовую модальность как

категорию целостного диалогического произведения речи. С помощью побудительных РЖ - высказываний, передающих волевые и эмоционально-волевые команды, - создается диалогический облик текстотипа - урока-повторения.

Грамматическим центром побудительных РЖ является повелительное наклонение, которое «притягивает междометия» [Виноградов 1947: 590], употребляемые в звательной и побудительной функциях. Формы повелительного наклонения связаны со значением второго лица, и поэтому партнеры по общению ощущают их адресованность: в тексте адресованность может быть коллективной и персональной; формы повелительного наклонения сопровождаются в устной речи учителя повелительной интонацией, имеющей достаточно много эмоциональных вариантов. Именно поэтому волевые учебные (дисциплинарные) команды могут подвергаться жанровой трансформации, а целое высказывание в той или иной ситуации приобретает «экспрессивность, аффективность» [Виноградов 1947: 596].

Высказывания с семантикой побуждения, включающие глагольные формы повелительного наклонения и временные глагольные формы в значении повелительного наклонения, а также звательные-побудительные междометные реплики, высказывания-обращения с пропуском глагола в повелительном наклонении объединяются в единую внутритекстовую рече-жанровую парадигму, удерживающую модальность побудительности в границах целого текста.

Рассмотрим побудительные РЖ относительно некоторых текстовых фрагментов урока.

Фатический текстовый фрагмент «Приветствие». В первом текстовом фрагменте урока чаще преобладают РЖ требования несмягченного, жесткого типа. Перформативные волеизъявительные жанры образуют ряд, представляющий собой рече-жанровую подпарадигму: Сядьте все! // Тетрадошки все открыли! // Встань и возьми конверт! // Записали число / классная работа. Глаголы изъявительного наклонения прошедшего времени (открыли, записали) употребляются в значении повелительного наклонения. Учебные команды, оформленные требовательными интонационными конструкциями, отличаются лаконичностью. Они выполняют организационно-управленческую функцию и

функцию самопрезентации автора речи: Педагог такого типа предстает перед классом требовательным человеком, распоряжения которого необходимо выполнять. Модальность жесткого требования в этом фрагменте является основной. С помощью подпарадигмы учебных команд-требований передается должностовательный волевой импульс.

Фатический текстовой фрагмент «Прогноз на будущее». Жесткость побуждения в данном фрагменте ослабляется.: *Готовьтесь к тому / что будет ...* Сема жесткости, однако, имеется в словах группы '*трудно*'.

Информативно-фатический текстовой фрагмент «Повторение». Собственно побудительные конструкции глагольного и междометного типа организуют учебную коммуникацию и – частично – выравнивают дисциплинарный фон общения. Подпарадигма речевых побудительных жанров выглядит примерно следующим образом: *Вспомним / Что такое ...// Я тебя прошу успокоиться и работать // Подумайте / еще подумайте / Ну-ка, Маша /Ну.* Смягчение императивности происходит за счет употребления будущего времени (*вспомним*), настоящего времени (*прошу*) в побудительном значении. Личные формы, формулы отношения и обращения усиливают антропоцентричность диалогового взаимодействия, а разговорные междометные реплики создают определенную непринужденность коммуникации. Вхождение учащихся в диалог, таким образом, происходит в границах смягчения категоричности, о чем говорит и вербализация РЖ просьбы с оттенком желательности замещающего педагогического дисциплинарное замечание.

Информативно-фатический текстовой фрагмент «Подготовка к изучению нового материала». Здесь выстраивается следующий ряд побудительных РЖ: *Итак / начнем мы с вами работать // Послушайте, пожалуйста // Скажите, пожалуйста // Юра / ты, пожалуйста, работай // Ну-ка! /// Алесь / развеи, пожалуйста, свою мысль.* Побудительность, соединяясь с совместностью и коллективной/персональной адресованностью, охватывает разные виды учебной деятельности: *послушайте* – аудирование; *развей мысль* – интенсивная интеллектуальная и речевая виды деятельности. Употребляется отглагольное существительное *работа*, поддерживающее общую направленность

побуждения к учебной деятельности. Повторяется форма вежливой просьбы *пожалуйста*, вносящая в диалог доброжелательность. Присутствует эта форма и РЖ педагогического дисциплинарного замечания, скрывающего ситуативно осознаваемый упрек. Замечание трансформируется в просьбу. Местоименные реплики создают впечатление деятельностного нетерпения, интенсифицируют побуждение. Модальность побуждения приобретает, таким образом, четкую направленность на ситуацию.

Информативно-фатический текстовой фрагмент «Презентация нового материала в иллюстративной форме». Учебная команда-призыв *Смотрите, пожалуйста*, переключает внимание детей на зрительное восприятие предметов (демонстрируются игрушки). К учебному коммуникативному взаимодействию подключается визуальный код. Таким образом, побуждение направляется на воспринимаемые зрением объекты. Затем развитие текстового фрагмента снова связывается с побуждением детей к активному вербальному диалогу: *Ну-ка/ Маша ...//Ребята/ скажите, пожалуйста // ...еще подсказывайте //...прочитай//...продолжаем работать дальше*. Здесь изъяснительное наклонение употребляется в значении повелительного. Мы-формула способствует установлению «уз» общности.

В составе парадигмы речевых побудительных жанров данного фрагмента встречаем дисциплинарное педагогическое замечание. Модальность побуждения выражается косвенно, с помощью РЖ обращения: *Саша!* (постукивает по столу). Отсутствие вербализованного замечания и замещающий его стук заставляют мальчика прекратить разговаривать.

Информативный текстовой фрагмент «Объяснение нового материала». Часто содержит лишь отдельные побудительные высказывания, которые располагаются в сильной позиции конца фрагмента: *Запишите, пожалуйста. Учебная команда требования*, смягченная формулой вежливости, поддерживает побудительную текстовую модальность целого текста как жанра педагогического дискурса.

Информативно-фатический текстовой фрагмент «Закрепление нового материала». Подпарадигма РЖ со значением побуждения включает высказывания, в числе которых транс-

формированные в побуждение РЖ обращения; адресованное классу побудительное высказывание, призванное стимулировать процесс воспроизведения в коллективной памяти преедентного текста; ну-конструкция и призыв к аудированию, дающий детям возможность короткого вербального отдыха:

Маша // Ну-ка вспомните Тютчева все...// Ну / пожалуйста...// Послушайте (читает стихотворение) *Саша / Саша*. Ряд побудительных РЖ, который формируется внутри данного фрагмента, отличается достаточной разветвленностью: *Слушаем /... А теперь внимание // Слушаем все// ... смотрите /...Ну-ка еще назовите мне такие слова / ну < ... > ну /Давайте скажем < ... > Скажите, пожалуйста / Возьмите звуки // ...Ну...называй /..Еще, Маша*. В числе учебных команд стереотипный призыв к вниманию *слушаем* (форма имеет значение коллективно адресованного повелительного наклонения) и синонимическое стереотипное высказывание *А теперь внимание!* Данные единицы осуществляют функцию контроля коммуникативного контакта. Призыв к коммуникативному вниманию и аудированию, побуждение к вербальной активности (*назовите, называй, скажем, скажите*) сочетаются со стремлением учителя активизировать, интенсифицировать диалогическую инициативу школьников (*Ну-ка / ну-вкрапления, смотрите* – в значении 'думайте хорошо, анализируйте').

Информативно-фатический текстовой фрагмент «Оценка усвоения нового материала». Побудительные РЖ данного фрагмента сосредоточены вокруг выполнения письменного задания. Учебная команда *Придумайте фразу (предложение)* усиливается цепочкой интенсификаторов. В ряду побудительных РЖ есть высказывания подбадривающего характера, призывающие к совместному творчеству: *Придумайте фразу / < ... > пожалуйста / Придумайте / придумайте // Ну // Давайте попробуйте // Ну-ка послушаем // А теперь внимание / ребята /Майя / внимание // Алеся*. Глагол *попробовать* в значении 'пытаться, стараться что-нибудь сделать / придумать' (предложение с использованием аллитерации) направляет побуждение в зону творческого поиска.

Самый разветвленный ряд побудительных РЖ сосредоточен в границах данного текстового фрагмента: *А вот попробуйте-ка*

*теперь составить ...// Пожалуйста / попробуйте // Своей головой давайте думайте // Женя /если будешь лежать /конечно не придумаешь // Давайте я вам прочитаю стихотворение // Ну-ка ...// Давайте попробуем прочитаем // Ну читай / давай читай //Пожалуйста // (разрешение) У тебя? (разрешение)Ну прочитай //Читай, не стесняйся // Юра, читай // < ... > читай-читай // Итак, ребята / посмотрите // Ну / Юра / давай // Подойдите. Побудительные глагольные и междометные высказывания интенсифицируют творческий поиск, стимулируют свободное вступление в вербальное взаимодействие. Педагогическое замечание можно трансформировать в императив: *Женя / не лежи/ придумывай предложение*. Второе замечание также незлое, оно носит иронический характер: *ты придумай для него*. Концентрация побуждения к выполнению письменного задания и его успешному обсуждению здесь очевидна. На «пике» побуждения и высокой диалогической активности обрывается диалог. Частотность побудительных высказываний снижается. Их всего два: побудительный стереотип и нестрогая учебная дисциплинарная команда.*

Информативно-фатический текстовый фрагмент «Подведение итогов». *Скажите, пожалуйста /Сядьте хорошо все // Все собрались / пожалуйста / Итак / что вы можете сказать про изученные явления*. Наличие формулы вежливости в репликах препятствует возникновению очага напряжения.

Фатический текстовый фрагмент «Завершение урока». Собственно фатический заключительный фрагмент текста служит для его краткого завершения и побудительных РЖ не содержит. Мы видим, что конструкции с побудительной модальностью охватывают весь текст. Побуждение к повторению пройденного (воспроизведению в памяти знаний по фонетике, анализу фонетических явлений, творческой разработке фонетических приемов), к активной вербальной деятельности, интеллектуальному поиску; побуждение к участию в диалогопроизводстве, побуждение к аудированию и визуальному анализу, а также побуждение к соблюдению правил учебной коммуникации, дисциплины – все это свидетельствует о направленности побуждения на учебный предмет как таковой; на аудирование и визуальное наблюдение / анализ; на организацию диалога по

коммуникативным законам; на устранение помех, препятствий к учебной коммуникации. Побудительная модальность – основной слой модальной семантики данного текста.

Основным средством выражения различных граней побудительности (требование, желание, стимулирование к вступлению в деятельность) являются побудительные РЖ. Внутрижанровая парадигма побудительных РЖ реализуется в виде подпарадигм в границах конкретных текстовых фрагментов. При этом речевые жанры тяготеют к многозначности: требование / долженствование; побудительность / просьба; побудительность / разрешение/ стимулирование. Мера побудительности (или сила волевого импульса) различна в каждом из фрагментов. В ФТФ-1 наблюдаем возникновение очага напряжения, но уже в ФТФ-2 этот очаг ослабевает, хотя до конца текста не угасает, слегка «подогревается» различной степенью побудительности. От этого значительно зависит активность диалогического взаимодействия.

Внутритекстовая парадигматическая организация побудительных РЖ и РЖ поддержки способствует формированию текстовой модальности побудительности, которая сопровождается текстовой эмоционально-оценочной модальностью. Своего рода «произведением» этих видов модальности является возникающая в информативно-фатическом текстовом фрагменте «Закрепление нового материала» модальная кульминация заинтересованности. Нам кажется, что интерес – особый вид модального отношения, стимулирующий учебную деятельность.

Литература

- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. - М., 1966.
- Богуславская Н.Е. Культурно-речевые особенности разговорного текста // Человек – текст – культура. - Екатеринбург, 1994.
- Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. - М., 1975.
- Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. – М., 1981.
- Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М., 1987.
- Гольдин В.Е. Речевые культуры // Русский язык: Энциклопедия. – М., 1993.
- Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1956.

Пушкарева О.В. Модальность странного: взгляд сквозь призму авторского сознания А.С.Пушкина. – М., 1998.

Русская грамматика: В 2-х томах. - М., 1980.

Салимовский В.А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении. – Пермь, 2002.

Солганик Г.Я. К проблеме модальности текста // Русский язык: функционирование грамматических категорий. - М., 1984.

Сорокин Ю.А. Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. – М., 1979.

Успенский Б.А. Поэтика композиции: структура художественного текста и типология композиционной формы. - М., 1970.

Чернухина И.Я. Культура речи – прагматика - риторика – стилистика // Статус стилистики в современном языкознании. - М., 1992.

© Черник В.Б., 2004

Оглавление

Часть I. Национально-культурные стереотипы сознания и их отражение в языковой картине мира

<i>Береснева Н.И.</i> «Конечность» языка и бесконечность познания мира	3
<i>Беглова Е.И.</i> Некодифицированные номинации денежных единиц как элементы арготической системы	22
<i>Белякова С.М.</i> Языковая категоризация действительности в русских диалектах. Лексема время (на материале тюменских говоров)	33
<i>Вепрева И.Т.</i> Путешествие из Екатеринбурга в Свердловск и обратно (к проблеме мифологического сознания горожанина)	44
<i>Волкова Н.И.</i> Имятворчество в сфере прозвищ в контексте взаимодействия языков	50
<i>Галигузова Е.В.</i> К вопросу о польской языковой картине мира: характеристика некоторых лексических групп	59
<i>Демидова К.И.</i> Региональные особенности языковых способов категоризации действительности (на материале русских говоров Среднего Урала)	64
<i>Ерофеева Т.И., Скитова Ф.Л.</i> «Семейный идиолект»: о формировании идиолексикона в диалектных условиях	72
<i>Жукова А.Г., Мандрикова Г.М.</i> Интерпретация фразеологизмов как показатель специфики категоризации действительности в языковом сознании говорящих	77
<i>Зуева Т.А.</i> Основные ономазиологические модели фразеологизмов-антропономинантов	82
<i>Коновалова Н.И.</i> «Болезнь» в русском языковом сознании	89
<i>Коурова О.И.</i> Традиционно-поэтическая лексика и фразеология – штампы или лингвокультурная ценность?	94
<i>Кусова М.Л.</i> Семантические особенности фразеологических единиц, обозначающих деятельность человека	102
<i>Мамонова Ю.А.</i> О семиотике некоторых концептов	110
<i>Милованова М.В.</i> Специфика отражения языковой картины мира в русских и немецких поговорках	120
<i>Михайлова О.А., Булатникова Е.Н.</i> Культурно-фоновые значения слова <i>лошадь</i> по данным русского фольклора	129
<i>Мурзина И.Я.</i> Язык и миф в региональной культуре: к постановке проблемы	136
<i>Стексова Т.И.</i> Семантическая категория неотчуждаемости: к постановке проблемы	145
<i>Трегубова К.Б.</i> Восприятие речи телеведущего массовой аудиторией	153

Трипольская Т.А. Уничтожение и самоуничтожение в эмоционально-оценочной картине мира	162
Устуньер И. Национально-культурные коннотации зооморфизмов в русском и турецком языках	173
Шамне Н.Л. Национально-культурные стереотипы отражения в языке универсальной категории пространства (на материале немецких глаголов движения)	179
Шарафутдинов Д.Р. О специфических чертах менталитета носителей северновеликорусских говоров	188
 Часть II. Формирование языковой личности: лингводидактический аспект	
Ваганова Е.Г. Исследование концепта «языковая личность» в лингводидактическом аспекте	194
Горшкова Е.Е. Роль и место компьютерного обучения в формировании языковой личности	202
Докучаева Р.М. О смысловом пространстве в контексте формирования коммуникативных умений	210
Мухин Н.Ю. Формирование семантического компонента языковой способности в процессе обучения русскому языку	216
Третьякова В.С. Условия формирования типов языковых личностей в конфликте	225
Черник В.Б. Побудительные речевые жанры как средство формирования текстовой ментальности урока	237

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА И
ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ
Материалы международной конференции «Язык. Система. Личность»
Екатеринбург, 14-16 апреля 2004 г.
Корректор Т.А.Злыденная
Оригинал-макет В.М.Иванилов

Подписано в печать 29.03.04. Формат 60х¹/₁₆
Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.
Усл. печ. л. 15,6. Уч.-изд. л. 13,8. Тираж 100 экз. Заказ 1148.
Оригинал-макет изготовлен и отпечатан
в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета
620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

